

BEC McMASTER

ONE KISS
HAS NEVER BEEN
SO DANGEROUS.

KISS
OF
STEEL

Блестящий творческий дебют. Здесь по туманным улицам Лондона бродят вампиры, волки-оборотни и механические создания... Когда негде спрятаться. Большинство людей стороной обходят Уайтчепел, этот жуткий район, но для Онории Тодд — это последнее безопасное пристанище. Правда, какой ценой? Блейд правит трущобами, и никто не смеет ему перечить. Говорят, он в одиночку противостоял армии Эшелона и с тех самых пор, как его инфицировали жаждой крови, стал быстрее, сильнее, практически бессмертным. Но стоит Онории появиться на его пороге, и Блейд — и так не отличающийся терпением — чувствует, что его хладнокровие висит на волоске. Она такая... невинная. Вот только Дьявол Уайтчепела еще не знает, что его гостя обладает железной волей и может стать тем самым спасением, которого он ищет.

Бек Макмастер
«Поцелуй стали»

Серия «Лондонский стимпанк», книга 1

«И почему я не родилась мужчиной...»

В Уайтчепеле представителю сильного пола есть, где развернуться. Можно заниматься торговлей, воровать или вообще вступить в одну из трущобных банд. Для женщины дело, конечно, тоже найдется, но ее выбор весьма ограничен, да к тому же не особо привлекателен для хорошо воспитанной молодой дамы.

Всего полгода назад Онория Тодд могла похвастать совсем другими перспективами, в которые не входили ни ужасная съемная квартира на задворках Уайтчепела, ни почти непосильная задача прокормить брата и сестру. Тогда мисс Тодд считалась уважаемой леди с многообещающей должностью научной помощницы при отце, который стоял на пороге самого грандиозного открытия со времен теории Дарвина. Но не прошло и недели, как у Оной все это отняли. Иногда ей казалось, что больше всего — расстаться с наивными детскими мечтами.

Торопливо вышагивая по Черч-стрит, Онория подтянула ворот плаща, безуспешно пытаясь укрыться от морозящего дождика. Вода собиралась в полях черного цилиндра, и при каждом шаге за воротник падала ледяная капля. Стиснув зубы, мисс Тодд побежала быстрее. Она опаздывала. Мистер Мейси задержал ее после работы на целый час, дабы обсудить успехи мисс Остин, новой ученицы. Эта наследница торговой династии собиралась выйти в свет Эшелона^[1], где, если повезет, ее выберут в трэли^[2]. Юная леди обладала достаточной красотой, чтобы привлечь внимание одного из семи герцогов, заправлявших Советом, а может, какого-либо представителя менее влиятельных домов. В случае успеха семье мисс Остин предоставили бы эксклюзивные торговые соглашения и, вероятно, финансовую поддержку, а новоиспеченная трэль по условиям контракта стала бы жить с привычной Эшелону экстравагантностью. Примерно так же, как не столь давно жила и сама Онория. Пока не убили ее отца.

Черч-стрит выходила на Бутчер-сквер. В хорошую погоду площадь просто кишела торговцами и зеваками. Сегодня же лишь мрачные металлические львы охраняли вход в музей биомеханической истории. Впереди неясно маячила городская стена с открытыми, словно зияющая глотка, воротами Рэткэтчер, за которыми виднелся Уайтчепел. Пятьдесят лет назад жители этого района отгородились ото всех, буквально из подручных средств возведя стену — всего-то метров шести, однако она возвышалась над холодной туманной площадью настоящим символом независимости. В Уайтчепеле имелись свои порядки и правители. Может, аристократический Эшелон и владеет центром Лондона, но ему лучше держаться подальше от трущоб.

Знай мистер Мейси, где обитает Онория, — уволил бы ее без разговоров. А с исчезновением единственного источника уважаемой жизни мисс Тодд снова пришлось бы выбирать меньшее из двух зол. Сегодня она потратила целый шиллинг на паровой кэб, только чтобы поддержать иллюзию благополучия. Прежде чем закрыть свое заведение, где юным леди прививали хорошие манеры, мистер Мейси проводил учительницу на улицу. Обычно работодатель задерживался, и Онория успевала скрыться в толпе пешеходов на Клеркенвел, завернуть за угол, а потом вернуться домой долгим окольным путем. Сегодня галантность мистера Мейси стоила ей буханки хлеба.

Онория остановила нанятый кэб через два квартала, отчего возник непонимающе

покачал головой и что-то пробормотал себе под нос. Пассажирке тоже хотелось печально кивнуть. Целый шиллинг, чтобы пустить мистеру Мейси пыль в глаза. И не имеет значения, что эта уловка обеспечит семейству Тодд крышу над головой и еду на столе на ближайшие несколько месяцев. Сейчас потеря даже такой малости сильно волновала притворщицу. Чулки опять порвались, а нитки закончились; перчатки младшей сестры, Лены, прохудились на пальцах, а четырнадцатилетний Чарли... Онория затаила дыхание. Брату нужно больше, чем обеим сестрам вместе взятым.

И тут раздался голос:

— Эй! Эй ты!

Нащупав пистолет в кармане, Онория оглянулась через плечо. Всего несколько месяцев назад она бы испуганно подпрыгнула, услышав такой окрик, но сегодня заметила этого оборванца еще по пути к воротам Рэткэтчер. Пистолет приятным грузом лег в руку. От отца осталось совсем немного вещей, но оружие — самая ценная из-за своей неоспоримой пользы. Онория уже давно и думать забыла о сантиментах.

— Да? — откликнулась она. На площади не было ни души, но мисс Тодд знала, что сквозь щели в заколоченных окнах за ними наблюдают.

Оборванец уставился на нее пустыми темно-кариими глазами. Из-за обилия грязи невозможно было определить ни пол, ни возраст. По выдающейся челюсти Онория решила, что перед ней мальчишка. Даже проливной дождь не смыл грязь с его лица, будто та уже въелась в поры, как и в бульжники у них под ногами.

— Мэ-эм, пода-айте шиллинх, — заканючил попрошайка, зыряка вокруг, словно собираясь удрать.

Онория прищурилась и еще раз внимательно посмотрела на оборванца. Если она не ошиблась, то под сажей, замаравшей край детского пальтишки, просматривался ладно сделанный шов «елочкой». Одежда на мальчишке сидела слишком хорошо, поэтому вряд ли он ее украл. К тому же малец намеренно застегнулся так, чтобы казаться худосочнее, чем, вероятно, был на самом деле.

Онория не спеша достала и открыла свой тощий кошелек. На дне жалко звякнула кучка грязных шиллингов. Неохотно взяв один, она протянула монету маленькому бродяге.

Тот потянулся за подаванием, и Онория схватила его за руку. Быстро повернув детское запястье, она заметила татуировку на тыльной стороне: скрещенные кинжалы.

Мальчишка вытаращил настороженные темно-карие глаза и попытался вырваться:

— Пусти-и!

Онория выхватила шиллинг и отпустила притворщика. Малец споткнулся и приземлился в лужу, подняв тучу брызг. Выругался сквозь зубы и, перекатившись, вскочил.

— Мне он больше нужен, чем тебе, — пояснила Онор, затем приоткрыла плащ и показала торчащий из кармана юбки пистолет. — Беги назад к своему хозяину, пусть он даст тебе монету.

Мальчишка оскалился и посмотрел через плечо:

— Попытка не пытка. Мне и так уплочено. — Он выхватил шиллинг из ниоткуда и тут же вновь быстро спрятал его в кармане. Вороватая улыбка появилась и пропала — так же молниеносно, как и монетка. — Хосподин не прочь с тобой поболтать.

— Господин?

Это на миг сбило Онорию с толку. Затем она посмотрела на запястье ребенка и проклятую татуировку владельца. Спрятав кошелек и завернувшись в плащ до подбородка,

Онория каким-то чудом сумела произнести холодно и резко:

— Боюсь, сегодня я занята. — Ей пришлось сжать дрожащие пальцы в кулаки. — Мой брат нездоров, я уже и так задержалась и должна его проведать.

Она попыталась уйти и резко отшатнулась, когда малец схватил ее за край плаща.

— Не прикасайся ко мне, — раздельно произнесла мисс Тодд.

Парнишка пожал плечами:

— Я тока посыльный, милашка. И поверь, другие цацкаться не будут.

Горло от волнения пересохло. Онория замолчала и почувствовала, как сердце заколотилось, будто барабаны какого-то туземного племени. Шесть месяцев она влачила жалкое существование на окраине трущоб, пытаюсь не попадаться господину на глаза. И все впустую. Он, наверное, знал о ней все это время.

Придется выяснить, чего он хочет. Онория заметила других членов его банды. На здешних улицах все держались от них подальше, убегая, точно крысы, заметившие стаю крадущихся котов.

«Если не пойду по доброй воле, меня туда приволокут силой».

Наконец Онория произнесла:

— Я только предупрежу сестру, куда иду, а то она будет волноваться.

— Мне-то чо, — пожав плечами, пробормотал оборванец, — шейка-то твоя.

Онория минуту смотрела на него, затем повернулась к воротам Рэткэтчер. Холодная тень от тяжелой каменной арки ледяным прикосновением прошла по ее спине. Господин. Блейд. Человек, правящий трущобами.

«Вернее, существо, — с нервной дрожью подумала Онория. — В нем нет ничего человеческого».

* * *

К тому времени как Онория нашла Кроуи-лейн, она промокла до нитки, а хлопковые юбки прилипли к телу. Дождь наконец прекратился, но час ходьбы пешком уже сделал свое черное дело. И хотя эта морось напоминала скорее легкий туман, Онория продрогла до костей, на коже от холода выступили мурашки, а корсет слишком крепко сжимал ребра. А может, дыхание перехватывало от мысли о предстоящей встрече.

Прежде чем отправиться в Уайтчепел, Онория силой заставила себя проглотить немного жареной трески, которую Лена опять сожгла. Рыба упала на дно желудка куском жира, но Онория не ела добрых восемь часов, а чтобы удержаться на ногах, нужны силы. Лена, которой едва исполнилось семнадцать, совершенно не умела готовить, но зачастую приходила домой раньше старшей сестры, так как смена в магазинчике часовщика кончалась задолго до сумерек. Сестры опять поспорили ни о чем и обо всем, но прервались, услышав кашель Чарли. Лена побежала отнести ему ужин и попробовать заставить брата съесть хоть что-нибудь. Онории вовсе не хотелось оказаться на ее месте. Но и Лена не позавидовала бы старшей сестре, если бы знала, куда та собирается. Не дожидаясь расспросов и даже не переодевшись, Онория поспешила выскользнуть за дверь.

На трущобы начал опускаться густой желтый туман. Газовых ламп в этом районе не было, а Онория не могла позволить себе роскошь обзавестись факелом, ведь за него требовали целый соверен.

В тени слышались чьи-то шаги, но туман переносил все звуки на далекие расстояния, так что прохожие могли находиться как рядом, так и метрах в пятнадцать. Онорию это не беспокоило. Так близко к обители господина никто не посмел бы напасть на нее без его разрешения. На мгновение она почувствовала себя удивительно храброй и уверенно застучала каблучками по мостовой. Бедняжка так долго всего боялась: и голодной смерти, и что их найдет Эшелон и заберет ее брата и сестру, и что на нее нападет на улице одна из банд тесаков (тех, кто осушал человека до последней капли крови, чтобы продать ее на сливзаводы возле пристани). Онория настолько привыкла и так устала бояться, что и самого страха-то, наверное, уже не осталось.

Однако знакомая пустота наполнила желудок мисс Тодд, стоило ей остановиться перед заброшенным домом. Туман не касался выщербленных кирпичных стен, словно боялся к ним приблизиться. На деревянной вывеске над дверью была вырезана пара кинжалов. Этот знак носили все члены банды «жнецов», не скрывая своей принадлежности.

Римский динарий на цепочке на шее вдруг потяжелел. Онория помнила выгравированные на нем слова так, словно они отпечатались в ее душе: «Fortes fortuna juvat». Отец выбрал этот девиз, когда его эксперименты привлекли внимание герцога Кейна, вознеся всю семью Тодд в блестящий мир высокопоставленных домов и подарив невероятно влиятельного покровителя.

— Фортуна благоволит смелым, — тихонько прошептала Онория, затем подняла кулак и резко постучала. Нет сомнений, что ее уже видели и обо всем доложили господину.

Дверь распахнулась, и при виде мужчины на пороге Онория отпрянула. Незнакомец с черной аккуратно подстриженной бородкой и бритой головой возвышался над гостьей сантиметров на тридцать. Но Онорию напугал не злобный взгляд его зеленых глаз и не пересекавшие лицо шрамы, а тяжелая биомеханическая рука, прикрепленная к правому плечу, и пара блестящих ножей за поясом. Все в мужчине говорило о том, что с ним шутки плохи.

«Дыши, — напомнила себе Онория, не сводя глаз с гиганта. — Просто дыши».

Будто занервничав под ее пристальным взглядом, мужчина что-то проворчал и мотнул головой:

— Проходите. Хозяин ждет.

Мимоходом Онория невольно еще раз взглянула на конечность гиганта. Голые металлические рейки, гидравлический механизм из трубок, обеспечивавших нужное давление, что позволяло «привратнику» двигать рукой. Грубая работа. Онория видела приспособления в тысячу раз лучше, когда отец работал на лорда Векерса. Механизм не прикрывался даже кусочком синтетической кожи, хотя, вероятно, с таким промыслом довольно дорого постоянно латать руку после потасовок. И вряд ли этот здоровяк мог бы обратиться к кузнецам и механикам Эшелона, так что конечность ему собрали именно в трущобах.

— Поднимайтесь вверх, — проворчал привратник и с громким стуком захлопнул дверь, щелкнув замком.

Невольная гостья опять почувствовала, как в животе все трепещет. Перед ней растянулся бесконечный коридор с прогнившими покрытыми пылью деревянными балками. Да уж, не такого она ожидала от обители хозяина трущоб.

Чтобы выиграть время, Онория стала неспешно отцеплять шляпку с поникшими черными перьями и грязными кружевными завязками. Конечно, стоило бы продать и ее, и

платье — слишком изысканны эти вещи для теперешних обстоятельств, — но это только вызвало бы любопытство мистера Мейси. «Вся моя жизнь — дым и зеркала, — подумала мисс Тодд. — Всего лишь иллюзия».

— Неча торчать тут всю ночь напролет, — пробурчал привратник.

Шляпка наконец поддалась, и Онория сунула ее в руки провожатому.

— Я бы не хотела прерывать его завтрак.

Пока здоровяк ошеломленно пялился на шляпку, Онория попыталась стянуть испачканные лайковые перчатки. Но пальцы замерзли, а кожа перчаток задубела.

Громила указал на лестницу:

— Опосля вас.

Онория, шурша юбками, прошла мимо привратника.

Узкие пыльные ступеньки тревожно закрипели, так что гостя схватилась за перила, опасаясь, что лестница может под ней провалиться. Наверху на лестничной площадке осмотрелась, не зная, в какую дверь войти. За одной из них мерцал манящий свет.

Привратник распахнул створку, и в коридор полилось желтое сияние. Онория неосознанно с жадностью потянулась навстречу теплу разожженного камина. Ей даже почудился аромат лимонного воска. Какая ерунда!

— Давайте сюды, миз Прайор, — позвал мужчина с ужасным акцентом, обращаясь к ней по имени, которое Онория выбрала себе несколько месяцев назад. Речь незнакомца походила на искаженный кокни, смешанный со значительной долей... аристократизма?

Онория нахмурилась. Странное сочетание, но слух никогда еще ее не подводил. Вот почему мистер Мейси держал мисс Тодд: из-за красноречия и способности даже попугая научить разговаривать как герцогиня.

Такая гостиная больше подошла бы дому торговца. Онория остановилась, изумившись отполированным деревянным полам и красивой разрисованной золотыми узорами мебели. В мягком кресле перед пылающим камином сидел мужчина. Онория заметила на секунду показавшиеся из темноты очень светлые волосы и огонек, отражающийся в его глазах. Пламя за спиной незнакомца смазывало его черты, и даже фигуру сложно было рассмотреть. Только тени и неясные движения.

Отбросив предрассудки, Онория уставилась на него с неподдельным любопытством. Из голубокровных^[3] она знала лишь эшелонцев, рожденных в правящих домах и выпивавших инфицированную кровь по достижению пятнадцатилетия. Только отпрыскам очень благородных или влиятельных семей разрешалось участвовать в ритуале^[4], но, разумеется, бывали и непредвиденные случайности, когда вирус распространялся через царапину или каплю крови. Блейда считали грязнокровным, чье существование само по себе воспринималось как оскорбление. Если бы Эшелон мог его убить, то не преминул бы это устроить.

Онория еще никогда не встречалась с грязнокровным. Пережившие превращение вступали в гильдию Ночных ястребов — стражников и охотников на воров. А если могли похвастаться хоть незначительными связями с аристократами или каплей благородной крови, то даже попадали в элитную Ледяную гвардию, которая охраняла Башню из слоновой кости. Служа на задворках Эшелона, Онория не сталкивалась ни с теми, ни с другими. Недостаточно благородная, чтобы получить приглашение в Башню из слоновой кости, но в то же время и не настолько низкородная, чтобы каким-то образом пересечься с Ночным ястребом.

— Добрый вечер... — Онория запнулась. Как обратиться к мужчине, ни фамилия, ни имя которого ей неизвестны? — Вы за мной посылали?

— Погрейся у огонька, — снова произнес он с ужасным акцентом.

Онория робко шагнула вперед. Великан зашел в комнату вслед за ней и закрыл дверь. Ну по крайней мере хоть не оставил гостью наедине с хозяином Чепеля.

Вновь принявшись стаскивать перчатки, Онория украдкой взглянула на мужчину в кресле. Затем словно невзначай шагнула вправо и сумела рассмотреть господина получше: резко очерченный профиль, довольно крупный нос, густые брови. Отблеск огня делал волосы почти золотистыми, а ресницы серебристыми. Онория заметила, что хозяин трущоб смотрит вниз на что-то у себя на коленях.

В левой руке он держал сигару с обрезанными концами, а правой — в перчатке — поглаживал огромного кота, который злобно пялился на гостью. Заметив, как сверкнули зеленые глаза хозяина, Онория поняла, что Блейд рассматривает ее так же внимательно, как она его.

— Че такое, милашка? Кошка язык проглотила? — Он принялся почесывать черную шею питомца. Тот выгнулся, щуря от удовольствия желтые глаза. Его морду уродовал шрам, а левое ухо было разодрано в клочки. Тишину комнаты нарушило тихое мурлыканье.

— Это угроза? Или всего лишь грубое приветствие? — вздрогнув, спросила Онория, не выдавая истинных чувств.

Годы практики научили ее говорить четко, не меняя тона, даже с некоторым налетом скуки.

Прожив десять лет в среде Эшелона, Онория умела управлять своими эмоциями. Стоило выказать хоть толику страха, как на тебя тут же обращались чьи-то блеклые глаза, словно почувывшие кровь акулы. Пусть Блейд и заправлял трущобами железной рукой, но мисс Тодд довелось осадить самого принца-консорта, с его бесцветными, налитыми кровью глазами и неестественно розовыми губами. Блейд был опасен, но Онория не собиралась ему показывать, насколько он ее напугал. Она знала правила игры. Ведь чертовы голубокровные слишком любили играть в игры...

Онория сделала глубокий вдох и подошла к камину, протянув бледные руки к огню. Она чувствовала между лопаток пристальный взгляд хозяина трущоб. Почти осязаемый, словно прикосновение губ к шее. Волоски на затылке встали дыбом, а соски затвердели до боли.

Молчание затянулось. Онория ничего не говорила, понимая, что Блейд проверяет ее на прочность. Огонь за каминной решеткой затрещал, стена тепла овеяла тело спереди. От мокрого хлопкового платья начал подниматься пар.

Блейд первым нарушил молчание:

— Эт не угроза, иначе... — Его голос превратился в едва уловимое бормотание: — Вам не пришлось бы спрашивать.

Онория закрыла глаза и позволила себе насладиться теплом очага. Это пустая трата времени. Ей надо домой, чтобы в последние драгоценные дневные часы помочь Лене с починкой одежды, которую та взяла, надеясь заработать еще хоть пару монет.

— Чего вы хотите? — Онория устала, промокла, проголодалась, и если господин пытался ее напугать, то пусть уже пошевеливается.

— Я хочу, шоб вы обернулись и посмотрели на меня.

Онория оглянулась через плечо. Глупо было поворачиваться к Блейду спиной. Это проявление крайнего неуважения. В свое время она научилась вот так завуалировано

оскорблять, одновременно не выходя за рамки внешних приличий. Это забавляло покровителя ее отца, лорда Викерса. Только эти небольшие вспышки мятежного характера и не дали ему просто овладеть ею. Голубокровный выжидал и растягивал удовольствие от преследования.

Онория еще немного постояла, чтобы подчеркнуть: она сама решила обернуться. Затем снова посмотрела Блейду в глаза, чувствуя, как тепло поднимается по спине, и спросила, задрав подбородок:

— Что еще?

Господин поднес сигару к губам, лицо скрылось за завесой дыма. Кончик полыхнул красным, а затем погас. Блейд выдохнул, наполняя комнату сладковатым ароматом.

— Вы уже полгода торчите в моей вотчине, а так ко мне и не наведались. Это невежливо, голубка. Глупо девушке жить без защиты. Пока вам везло: окрестные жители не знали, есть у нас уговор или нет. Теперича они начали думать, а так ли уж я беспокоюсь, ежели вы исчезнете. — Блейд стряхнул пепел с сигары на небольшой поднос. — Считайте это вежливым предупреждением и предложением. Больше вам спокойной жизни не видать.

Тяжелый пистолет в кармане юбки придал Онории уверенности.

— Если они вздумают напасть, то их ждет небольшой сюрприз. Только дурак стал бы бродить здесь без защиты.

— Вы про пистолетик в кармане и ножичек в сапоге? — Блейд хрипло и низко расхохотался. — Они не помогут, если вам перережут горло.

Вообще-то, «пистолетик» был весьма усовершенствован. Онория сжала губы. Если Блейд нападет на нее, то убедится, насколько умным и подозрительным был ее батюшка. Пуля могла пробить в груди жертвы дыру размером с голову мисс Тодд, взорвавшись от соприкосновения с телом. Даже голубокровный не способен пережить такой выстрел с близкого расстояния. Оружие было специально спроектировано таким образом. Отец знал, что однажды лорд Викерс нападет на него.

— Этот «пистолетик» до сих пор служил мне верой и правдой, — ответила Онория.

— Агась. Бездельник с Вертиго-стрит и парочка сводников с Бутчер-сквер, — перечислил хозяин, доказывая, как пристально за ней наблюдали. — Сопляк и парочка идиотов. Не впечатляет.

— А теперь? — спросила Онория, ловко вытащив и нацелив на него пистолет.

Собеседник улыбнулся.

Размытое движение — и что-то схватило ее сзади. Онория вскрикнула. Острый нож коснулся ее горла, когда Блейд прижал гостью спиной к своему твердому телу. Онория задрала подбородок и конвульсивно сглотнула. Край лезвия нависал прямо над сонной артерией. Второй рукой хозяин крепко обнимал мисс Тодд за талию, притягивая ближе к себе.

— Все равно не впечатлен, — прошептал он, проведя губами по ее уху.

Огонь затрещал. Онория расширившимися глазами обвела помещение: все еще дымящаяся сигара лежала в пепельнице, покинутый кот обиженно смотрел на них с пола, а затем повернулся и неспеша поплелся прочь. Пойманная гостья заметила длинную, вытянутую тень от сплетенных в пародии на объятие тел.

— Опустите, милашка. И больше никогда не цельтесь в меня, ежели не собираетесь стрелять, — посоветовал Блейд.

Онория опустила пистолет.

— Я лишь доказывала свою точку зрения. И даже курок не взвела.

— А я доказывал свою, — отозвался Блейд хриплым шепотом. Его прохладное дыхание шевелило завитки волос у ее горла, вызывая мурашки на влажной коже. — Как по-вашему, кто выиграл?

— Может, я... поспешила с выводами, — признала Онория.

Хозяин провел ладонью по ее руке и сжал пальцы.

— Отдайте его мне.

«Нет». Онория зажмурилась, глубоко вздохнула, заставила себя разомкнуть кулак и отдать гладкий тяжелый пистолет.

Блейд открыл большим пальцем барабан, внимательно осмотрел патрон внутри и тихо хмыкнул:

— Хренов ад! Че эт за пули?

— «Молнии», — ответила Онория. — Их придумал мой отец. — И тут же закрыла рот. Не нужно Блейду ничего знать об ее отце. Так безопаснее. Викерс так и не отозвал награду за ее голову, и кто знает, на что способен хозяин трущоб ради больших денег?

Блейд вернул барабан на место и спрятал оружие где-то у себя в одежде. Острый как бритва нож по-прежнему удерживал Онорию на месте. Давление было идеальным. Пленница не могла пошевелиться, но и кожа на шее оставалась целехонькой.

Внезапно давление ослабло. Онория глубоко вздохнула; голова закружилась от резкого притока кислорода в оголодавшие легкие. Теперь, без ножа у горла, она смогла обратить внимание и на другие вещи. На твердое тело Блейда, отделенное от нее самой лишь плотным промокшим турнюрором. На нажим пряжки его ремня, натяжение ткани ее юбок. И на слегка учащенное мужское дыхание.

Блейд снова обнял ее за талию.

— И вот вы безоружны и в моей власти. Что теперь сделаете, миз Прайор?

«Острым каблуком в подъем стопы, — раздался в сознании Онории отцовский голос. — Затем резко коленом в промежность». Но это подействовало бы на человека, а не на голубокровного. Такого можно победить лишь обезглавив. Если только...

Онория коснулась руки Блейда, чувствуя прохладную кожу. Стальное кольцо в виде окруженной шипами розы на ее правом указательном пальце прошло по его костяшке. Щелчком пальца можно было высвободить спрятанную в розе острую иглу, смоченную в особом токсине, способном обездвигнуть голубокровного.

Яд выигрывает Онории десять минут. Недолго, но, вероятно, сбежать получится. Концентрированный токсин — лишь один из видов оружия, которое ее отец разрабатывал для Викерса. И яда в кольце было лишь на одну попытку.

Онория глубоко вздохнула, затем отвела руку и понурилась. Дурацкая гордость загнала мисс Готд в ловушку. Вообще не стоило доставать пистолет.

— Простите, — слова обжигали язык, но она все равно их произнесла: — Я неправильно поняла ситуацию. Просто хотела доказать, что вовсе не беззащитна. Прошу, отпустите меня.

— И что же вы сделаете... если я вас не отпущу? — спросил Блейд.

Онория повернула голову и посмотрела ему в глаза. Вблизи она увидела огоньки, сиявшие в темно-зеленых глубинах. Зрачки Блейда потемнели и расширились, как будто заполняя радужную оболочку. У Онории перехватило дыхание. В сознании мелькнуло воспоминание о другом мужчине, так же стискивавшем ее, сжимавшем в кулаке ее волосы и

проводившем холодными губами по вене на горле. Шептавшим, что он с ней сотворит...

Внезапно Онории показалось, что рука на талии удерживает ее подобно стальным кандалам. Мисс Тодд рванулась, чувствуя, как пылают щеки.

— Отпустите меня, прошу. — Блейд лишь стиснул ее сильнее, и Онория почувствовала, как в горле поднимается крик. — Отпустите меня!

Блейд разжал хватку, и Онория едва не полетела вперед. Ухватившись за спинку одного из кресел, она впиалась пальцами в мягкую вышивку. Кровь пульсировала в жилке на шее, громом отдаваясь в ушах, словно бедняжка пробежала вверх целый лестничный пролет. И никак не могла отдышаться. Чертов корсет.

Блейд подошел к гостье, двигаясь точно фехтовальщик, осторожно кружащий вокруг противника. И впервые Онория как следует рассмотрела хозяина трущоб.

Коротко подстриженные золотые, словно гинья, волосы. Мисс Тодд немного успокоилась. Блейд был близок к Увяданию^[5] — периоду до превращения, во время которого голубокровный словно выцветал, — но еще не достиг грани и, слава богу, пока управлял своим внутренним демоном.

Свет от камина золотил мышцы на руках хозяина трущоб, подчеркивая вены, поднимающиеся от тыльной стороны запястий и обвивающиеся вокруг бицепсов. Белая с открытым воротом рубашка, на шее — завязанный на двойную петлю клочок черного шелка. Из-под закатанных рукавов виднелась татуировка.

А из-за пояса торчал пистолет Онории.

Она жадно смотрела на оружие, слегка дрожа и затаив дыхание. Сил притворяться не осталось — сейчас просто хотелось уйти.

— Что вам надо? — спросила Онория. — Я не стану вашей кровавой шлюхой.

Она еще не настолько отчаялась.

Блейд поднял руки, словно желая успокоить гостью, но сам при этом не сводил с ее лица пронизательных глаз.

— Я не могу предложить вам защиту, ниче не прося взамен. Так дела не делаются, милашка. — Он лениво прищурился, понизив голос до ласкового шепота: — И, похож, мы с вами выяснили, что защита вам нужна.

— Только от вас, — возразила она.

Он сжал губы.

— Може... може, я тож сглупил.

Онория внимательно рассматривала господина. Это какой-то трюк? Все голубокровные — обманщики. Мучительно размышляя, она облизала пересохшие губы.

— Вы хотите плату? Я могу достать деньги... — Где-нибудь. Не так уж много она могла продать. Например, одежду — ту, которую Онория носила, чтобы одурачить мистера Мейси. Те платья из качественной шерсти и набивной хлопчатобумажной ткани. Заводных солдатиков Чарли. Может, даже отцовские дневники.

Онория отогнала мысль прочь. Эти дневники стоили отцу жизни. Он заставил дочь поклясться сохранить их, так как от этого зависели судьбы слишком многих людей. Онория не могла продать дневники, даже ради защиты своей невинности.

Значит, придется продать одежду. И, вероятно, расстаться с работой.

Онория едва не задохнулась от гнева. Каждый раз, когда ей казалось, что опора наконец найдена, что-то выбивало почву у нее из-под ног. Столько сил потрачено, чтобы не угодить в трясины долгов и голода. А лишившись работы, придется столкнуться с этой дилеммой уже

через месяц.

Онории захотелось кричать от раздражения. Так нечестно. Глаза защипало от слез. Есть только две вещи, которые нужны Блейду: ее кровь и ее девственность. А Онория пока не была готова расстаться ни с тем, ни с другим. Пока нет.

— Достать деньги? — Он прищурился. — Где? У осушителей?

Онория покачала головой. Она видела слишком многих, вынужденных из-за голода продавать свою кровь осушителям. Каждый мужчина и женщина старше восемнадцати обязаны были ежегодно сдавать две пинты крови в качестве налога^[6], но были и те, кто пользовался несчастьем бедняков, чтобы заплатить подешевле, а добыть побольше.

Последние полгода Онория наблюдала, как ее сосед потихоньку угасал, сдавая кровь каждую неделю, чтобы прокормить семью, пока не умер. Онория как могла делилась с несчастными едой, но через две недели жена того бедняги тоже скончалась, а их дети исчезли. И единственными, кто получил выгоду от этого несчастья, были осушители^[7].

— Нет, — тихо ответила Онория. Лучше станет кровавой шлюхой хозяина трущоб, но и близко не подойдет к осушителям. Они худшие из худших. Блейд по крайней мере постарается сохранить ей жизнь. По традиции трэлей — кровавых шлюх — ценили и защищали.

— Тада мы в тупике. — Блейд сел обратно в кресло и взял все еще дымящуюся сигару. — Жалость мне не пристала. Да и вы ничо стоящего не даете.

Онория поморщилась от его неправильной речи, а затем широко открыла глаза.

— Я могу научить вас говорить, — выпалила мисс Тодд и тут же прикрыла рот рукой.

Блейд поднял глаза от окурка сигары. Затем нахмурил брови и проворчал:

— С моим говором ничо плохово нету, милашка.

— Я не имела в виду... в смысле этим я и занимаюсь. Исправляю выговор людей и учу их благородным манерам. Я обучаю юных леди — и иногда джентльменов.

Блейд одним движением раздавил окурочок. Онория нервно посмотрела на оставшийся пепел.

— И на кой мне сдалась блахародная речь? — Он специально произнес это слово с ярко выраженным акцентом. И презрительно скривил губы. — Чтобы попасть в Эшелончик?

— Как вам будет угодно. Это все, что я могу вам дать.

Блейд медленно окинул взглядом ее тело.

— Дам, — поправилась Онория, заливаясь румянцем.

— И че, мне заскочить к вам на работу?

Онория побледнела.

— Нет. Нет. Не стоит себя утруждать, да и мистеру Мейси будет неловко.

Не говоря уже о том, что скажет последний о перспективе ее дальнейшего трудоустройства. Онория едва сдержала дрожь, мысленно представив, как этот опасный бандит бродит среди ее учениц — трепетных молоденьких леди. Волк, облизывающийся на невинных овечек.

Блейд снова сел и поднял три пальца.

— Значит, забегайте сюды. Трижды в неделю, вечерком.

— Трижды?

— Трижды, — подтвердил он.

Она же вымотается! Онория и так едва справлялась с дневной работой. Правда такая сделка обеспечит ей защиту этого опасного мужчины. Она сможет гулять по самым жутким

закоулкам труппы без пистолета. Лене не придется ежедневно проходить лишние полтора километра, только чтобы добираться до часовщика в целости и сохранности. И они смогут оставить Чарли одного дома, не переживая из-за воров.

Внезапно на первый взгляд безнадежная ситуация обернулась самым большим везением Онории за последний год.

— Трижды в неделю по вечерам по два часа. Больше я не смогу вам выделить. Может, у вас и ночной образ жизни, а вот мне надо работать с самого восхода солнца. И хоть чуточку выспаться.

В глазах Блейда блеснуло удовлетворение, и Онория опять застыла. Но это выражение мгновенно пропало, а лицо хозяина стало на удивление бесстрастным.

— Вы ж понимаете, че подумают люди, — заметил Блейд.

Онория сложила руки на груди, прекрасно понимая, на что он намекает. Если она станет навещать его три раза в неделю по вечерам, то все решат, будто за защиту она расплачивается своим телом. Как обидно. Полгода в бедности, казалось, приучили мисс Тодд к худшему, но где-то в глубине души она еще помнила, что приличествует уважаемой даме.

— Об этом я переживаю меньше всего, — тихо солгала Онория.

— Заметано. Моя защита за ваши уроки, — улыбнулся Блейд во весь рот.

И тут до Онории дошло: она выжила и выиграла. Входя в эту дверь, она думала, будто уйдет отсюда, потеряв нечто дорогое. Но вместо этого получила покровительство Блейда, не лишившись ничего. Уроки речи и манер будут стоить ей всего пары часов сна в неделю.

У Онории закружилась голова. От облегчения или от голода — непонятно. Ей вдруг очень захотелось есть, но мисс Тодд не осмелилась выказать слабость перед этим мужчиной.

Хоть он и согласился на сделку, выгодную ей, но безопаснее не стал. Онория заметила голод, горящий в глазах Блейда. Это и составляло сущность любого голубокровного. Рано или поздно неукротимая жажда проявлялась во всех, как бы тщательно они ее не скрывали.

Нельзя расслабляться ни на минуту.

— Когда начнем? — спросила Онория, заставляя себя стоять ровно. Если она и сжала подлокотник слишком крепко, то Блейд и виду не подал. Он смотрел на лицо гостьи, словно запоминая ее черты.

— Завтра в десять.

— Ну и как?

Блейд оперся рукой на кирпичный дымоход и уставился на потрескивающее пламя. Рип прикрыл за собой дверь, и теперь тишину комнаты нарушало лишь тихое стрекотание механической конечности. От привратника исходил легкий запах моторного масла, почти перебивая естественный мускусный аромат.

— Она моя.

Просто пока еще об этом не догадывается.

— Не пойму, на кой она те сдалась?

Блейд повернулся и взглянул на своих помощников. Рип хмурился, сложив руки на груди. Большинство людей сочли бы его лишь бездумной горой мышц, но этот ловкий тип мог править трущобными бандами, однако предпочел объединиться с Блейдом. И одним потенциальным предателем и противником стало меньше.

Второй подручный Блейда, Уилл Карвер, мягко ступая, подошел к камину и вытянул руки. В его янтарных глазах отражалось пламя. Он был выше Рипа на ладонь, а в плечах чуть ли не в два раза шире.

Блейд прислонился к каминной полке.

— Ну? Что скажешь, Уилл?

— Она хорошо пахнет. Чистотой. — Уилл пожал плечами. — Не чета твоим обычным девкам.

Блейд улыбнулся:

— Викерс за ней гоняется.

Оба помощника напряглись.

— А он к ней каким боком? — спросил Рип.

— А вот этого, парни, я пока не знаю, — протянул Блейд.

Вдыхая, он почти чувствовал оставшийся в комнате аромат Онории. Горло сдавило голодным спазмом, и Блейд, закрыв глаза, заставил себя расслабиться и выдохнуть. Он кормился накануне. Жажда крови должна была затихнуть на какое-то время, но что-то в девчонке возбуждало аппетит. Вероятно, опьяняющий аромат страха. Как тут устоишь? А может, всему виной дерзость, пылавшая в глазах гостьи, несмотря на часто бьющееся от ужаса сердечко.

— С полгода назад Викерс назначил цену за ее головку, — процедил Блейд. — Нанял Ночных ястребов, чтобы разыскать Онорию и ее младших сестру и брата.

Уилл беззвучно присвистнул:

— И их до сих пор не нашли? Да это...

— Чудо из чудес, — перебил его Блейд. Он не знал, как именно мисс Тодд удалось улизнуть от Викерса, но, должно быть, она отлично замела следы, раз уж гильдия охотников не смогла обнаружить беглецов. — Ее настоящее имя — Онория Тодд. Зовет себя миз Прайор. Работает в городе на типа по имени Мейси. Не высовывается. — Блейд задумался. — Упрямая. Надменная. Гордая. Вот тока не знаю, с чего это Викерс к ней неровно дышит.

Неважно. Если она нужна Викерсу, то Блейд ею овладеет. Но чтобы правильно разыграть карту, нужно узнать, почему негодяй предлагает целое состояние за обычную

девчонку. Возможно, Онория узнала что-то такое, с помощью чего Блейду удастся расправиться с бледным червяком, называющим себя герцогом. А может, ей введома какая-то слабость Викерса.

— Мож, отшила его. — Рип присел на корточки и дал понюхать пальцы Кошаку. Тот позволил почесать себя между покусанными блохами ушами. — Ты ж знаешь, каким бывает его лордство, ежель ему вожжа под хвост попала.

— Може так. — Блейд сунул руки в карманы. — Ток не велика ли плата за строптивую девку? — Горящие черные глаза, деланая скука и решимость... пожалуй, Онория могла тронуть холодное сердце Викерса. Если, конечно, у мерзавца оно было.

Пусть герцога обычно привлекали барышни помоложе, но он оценил бы смелость Онории и захотел бы ее сломить. Блейд полвека внимательно смотрел в глаза собеседникам и противникам, выясняя, будет ли он — или она — бороться до смерти или сдастся при малейшем давлении. И теперь мог с уверенностью сказать: скорее ад замерзнет, чем Онория Тодд окажет кому-то любезность и капитулирует.

— Че ты так ухмыляешься? — проворчал Уилл.

Блейд поднял взгляд и почувствовал, как улыбка сползла с лица.

— Да так.

Он потер шею, не обращая внимания на пронзительный взгляд помощника.

— И как же ты ее нашел, коли Ночные ястребы не справились? — спросил Рип.

— В трущобах ниче не происходит без маво ведома, старина. На моей территории вдруг появляются две девушки и мальчишка? И все трое с культурным оксфордским говором? — Блейд насмешливо ухмыльнулся. — Вам ли не знать, как я люблю загадки. И, похож, мне одному известно о цене, че Викерс дает за троих беглецов. Вот я и сложил два и два.

— Мож, я разведаю, че Викерсу от них надобно? — спросил Рип.

Блейд взял золотой портсигар.

— Нет. Я уже кой-кого послал в ту сторону. Ты лучше держись от Викерса подальше. — И вытащив тонкую сигару, мельком взглянул на Уилла: — Тебя это тоже касается.

Карвер жестоко ухмыльнулся.

— Так че ты от нас хошь? — уточнил Рип.

— Приглядите за домишком. — Блейд наклонился и зажег сигару. — Особливо ты, Уилл. С твоим носом и слухом Викерс не подберется близко. — Глубоко вдохнув, Блейд почувствовал, как дым за клубился в легких. — И дай всем понять, что она принадлежит мне.

— А че ты ее не отметишь? — Уилл поднял руку, на запястье которой четко виднелась татуировка.

— Еще не время, — пробормотал Блейд.

Его охватило безумное желание поставить метку на коже Онории, но он не станет действовать силой. Мисс Тодд сама попросит его, когда будет готова. Подняв взгляд, Блейд заметил, что помощники его внимательно изучают — особенно Уилл, сверля проклятыми янтарными глазами.

— А ну живо выполнять! — рявкнул Господин.

Стоило Рипу встать, как Кошак напал на его сапог. Верзила поморщился и попытался избавиться от кота, не причинив тому вреда.

— Кошак, сюды! — Блейд встал на колени и щелкнул пальцами.

Кот посмотрел на хозяина и задумался над его просьбой. Перевернулся, поднялся, позволив Рипу отойти, а потом медленно поплелся к Блейду, чтобы выяснить, в чем дело.

— Чертов кот! — пробормотал Уилл, обходя Кошака дальней стороной.

Когда молодой подручный попытался проскочить, хвостатый оскалился и злобно зашипел на Уилла. Шерсть у кота встала дыбом.

Блейд схватил питомца за шкурку и приказал, устраивая кота на руках:

— Хорош! Уилл — наш друг.

Карвер мрачно оскалился:

— Когда-нить я съем эту тварь!

Блейд погладил кота.

— А я когда-нить обзаведусь ковром из волчьей шкуры. — И тут же улыбнулся: — Но не седня. А теперича отправляйся и проследи, чтоб мисс Тодд спокойно выпалась.

* * *

Чарли опять заходилась кашлем. Онория погрузила руки в умывальник и тут же услышала знакомое «кх-кх-кх» из комнатки, которую брат делил с Леной. Старшая Тодд подняла голову и вытянула шею. За последний месяц она уже научилась по звуку определять, насколько все серьезно.

— Только не снова, — пробормотала Онория, вытирая руки о фартук. Слабое утреннее солнце просачивалось в окна. Мистер Мейси ждал ее на работу к девяти, задерживаться не стоило, но ведь Чарли — ее брат.

Их квартирка состояла из кухни и двух крохотных спален. Поначалу, когда семейство Тодд только перебралось в Чепель, в одной комнате жили именно сестры, но затем Чарли стали мучить ночные приступы, и Лена перебралась к нему, чтобы приглядывать за беднягой. Между младшими сестрой и братом всегда существовала особая связь, и само присутствие Лены — к вящей ревности Онории, — казалось, успокаивало больного.

— Ну, давай же, — шептала сестра, когда Онория открыла дверь. — Вдохни хорошенько, вот так, молодец. Медленный и глубокий вдох.

Заметив упавшую на кровать тень, Лена повернулась. Под ее глазами виднелись темные круги. Лицо Чарли так побелело, что можно было сосчитать веснушки на его щеках, а исхудавшие руки торчали из пропитанной потом ночной рубашки, как у пугала.

Брат слабо улыбнулся:

— Оноп...

И снова зашелся в приступе кашля.

Лена поджала губы.

— С ним было все в порядке.

Онория не обратила на сестру внимания, села на постель и стала разминать спину брату, пальцами массируя напряженные бугорки вдоль его позвоночника. Сколько бы Чарли ни ел, он все больше слабел и худел, как будто отныне просто не мог напиться едой.

— Я принесу воды, — пробормотала Лена, исчезая за дверью.

Онория прижала лицо Чарли к своему плечу, пока он кашлял.

— Вот так, мальчик мой, — ворковала она. — Не сдерживайся, тебе скоро станет легче. — Горечь наполнила рот. — Я об этом позабочусь. — Еще одно невыполнимое обещание. Ну сколько можно!

К тому моменту, когда Лена вернулась, приступ прекратился. Онория осторожно

укачивала брата, убирая шелковистые волосы с шеи. По утрам кожа Чарли становилась неестественно прохладной, почти белой. Ночью же он извивался и потел, часами скрипя зубами.

— Тебе лучше уйти, — сказала Лена, протягивая стакан Чарли. — А то опоздаешь. Снова. Ты же помнишь, что случилось в прошлый раз.

Мистер Мейси прочитал ей целую нотацию, намекая, что в следующий раз урежет плату.

— Не опоздаю. Если надо — побегу.

— В этом? — изумленно вскинув брови, спросила Лена.

Онория стиснула зубы. Сегодня она надела лучший наряд: кремового цвета, с множеством рюшей и узорчатой парчовой накидкой. На фоне тускло-коричневого шерстяного платья младшей сестры — сшитого собственноручно, — одеяние старшей Тодд выглядело ослепительно. И из-за этого они постоянно ссорились. Но ведь работа Онория требовала респектабельного вида, а занятие Лены — нет.

— Да, в этом, — отрезала Онория.

— Не надо, не ссорьтесь, — хрипло прошептал Чарли, схватив ее за руку.

Сестры посмотрели на него.

— Мы не спорим, — инстинктивно возразила Онория, пригладила волосы Чарли и слегка приподняла его острый подбородок. — Мы... — Оборвавшись на полуслове, она прошептала: — Чарли?

На его губах была кровь. Больной посмотрел на Онорию остекленевшими глазами:

— Что?

— О боже праведный! О нет! Твое платье! — воскликнула Лена, садясь рядом.

Онория в ужасе посмотрела на свой наряд. На плече расплзлось ярко-красно пятно. Чарли коснулся своих губ и уставился на кровь на кончиках пальцев.

— Ничего страшного, — выпалила Онория. — Ты, вероятно, прикусил язык. Лена, перестань быть такой... такой...

Ее рука блестела от крови. Состояние Чарли не должно было ухудшиться так быстро. Онория неустанно давала ему таблетки с железом Блауда и делала уколы коллоидного серебра. Рука бедняги напоминала подушечку для иголок.

Брат заморожено уставился на кровь.

— Ее так много, — прошептал он, розовым языком облизывая окровавленные губы. В его бледно-голубых глазах мелькнуло что-то черное.

— Подай! — приказала Онория, указывая на грязную фланелевую ткань возле тазика с водой. И, схватив руку Чарли, вытерла кровь поданной Леной тряпицей. — Вот, почти все.

— Огор, он... — Лена запнулась.

Чарли голодными глазами смотрел на кровь на плече сестры.

Внутренне дрожа как осиновый лист, Онория нашла в себе силы приказать холодно и сдержанно:

— Лена. Скорее приведи доктора Мэдисона. Передай, что Чарли стало хуже.

— Я не могу оставить тебя с ним...

— Бегом, и отправь мальчишку к мистеру Мейси, передай, что Чарли снова заболел, и я сегодня не выйду на работу. — Это сообщение обойдется в еще один шиллинг. И долг врачу станет еще больше. Но ничего не поделаешь.

Лена развернулась и помчалась прочь в вихре развевающихся юбок.

— Чарли. Чарли, посмотри на меня, — тихонько умоляла брата Онория.

Он медленно поднял глаза.

— Прекрати! — Ее решительный, ровный тон всегда срабатывал.

Ноздри больного расширились.

— Не могу... — Чарли вдруг спрятал лицо в ладонях. — Ты можешь отодвинуться?

Просто отойди немного, так, чтобы я не чувствовал запаха.

С каждым шагом прочь от брата Онория чувствовала, как тяжелеет бремя на ее плечах.

— Так лучше? — спросила она, глядя на него из противоположного угла комнаты.

Лицо Чарли побелело как свежий снег. Он казался таким маленьким в постели — окровавленная фигурка, утопающая в покрывалах. Видеть брата в подобном состоянии было самым страшным из всего, что Онории приходилось делать раньше.

Чарли кивнул и снова зашелся в приступе кашля.

Онория ничего не могла поделать, когда на простыни дождем хлынула кровь. Глаза защипало от слез. Это несправедливо. Почему судьба никак не оставит их в покое?

* * *

— Хм, — хмыкнул доктор Мэдисон, опустив веко больного.

Онория наклонилась над кроватью.

— Ну что? С ним все будет в порядке?

Мэдисон отошел от постели и стал нервно ломать пальцы.

— Мисс Прайор, могу я попросить у вас чашку чаю? — И пристально посмотрел на Онорию.

Та вымученно улыбнулась, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Разумеется, доктор. Не пройти ли нам на кухню?

Склонившись к Чарли, сестра натянула на него покрывала и поцеловала в холодный лоб.

— Отдохни, а я принесу тебе чего-нибудь поесть.

— Я не голоден, — пролепетал больной дрожащим голосом.

— Принесу тебе того вкусного рагу, что Лена приготовила позавчера, — продолжала Онория, словно не слыша его ответа. — Размочу в нем хлеб, чтобы тебе легче было проглотить.

Только вот проблема заключалась не в том, чтобы проглотить пищу, а в том, чтобы удержать ее в желудке.

Старшая Тодд закрыла дверь и подошла к чайнику, стоявшему на маленькой плите. Лена отправилась на работу. Какой смысл обеим сестрам стоять над душой у Чарли, да и деньги зарабатывать кому-то надо.

— Знаете, когда мама умерла, я пообещала присматривать за ними. Чарли был такой милый, такой маленький, — тихо заговорила Онория, сосредоточенно разжигая огонь.

Затем уронила руки и вместо плиты увидела розовое личико брата с копной шелковистых светлых волос на голове.

— Сколько он уже в таком состоянии?

— Вы про кашель? Три недели и пять дней. Крови раньше не было...

— Я не про кашель, мисс Прайор.

Хоть и произнесенные сочувствующе, слова выбили почву у нее из-под ног.

— Пять месяцев с появления первых симптомов.

Вот она и призналась.

— Вы знали, чем он болен? — удивленно вскинул брови доктор.

Онория покачала головой... а потом кивнула:

— Я знаю, какие симптомы у вируса жажды, доктор Мэдисон... Но это невозможно,

Чарли не должен был за...

И тут она запнулась, боясь сболтнуть больше, чем надо.

— Не должен был что? — переспросил доктор.

— Я просто поверить не могу, что это случилось.

Онория вымученно улыбнулась и налила ему чашку чая.

Доктор отпил немного и посмотрел на бедняжку с отеческим беспокойством.

— Держитесь начеку. Я заметил в комнате лежанку. Не думаю, что вам или вашей сестре стоит оставаться с ним наедине при таких обстоятельствах.

— Он в жизни нас не обидит.

Но то, как Чарли смотрел на нее, на кровь...

— Он может потерять контроль над собой. Чудовище внутри него... — начал доктор.

— Он не чудовище.

Но разве не в этом суть голубокровного? Разве не так всегда считала сама Онория?

— Конечно, нет. Я лишь хотел сказать, что Чарли может не справиться с собой.

Онория опустила в кресло. Она, как никто, знала, во что обращает вирус жажды человека. Записывала рассуждения отца, помогала ему с не слишком опасными пациентами в Институте. У нее даже шрам на плече остался. Девочка по имени Дейзи — милая, вежливая малышка, пока Викерс не заразил ее вирусом — попыталась перегрызть горло Онории в тот день, когда та потеряла бдительность.

Если Чарли не справится с собой и нападет на Лену, Онория никогда себе этого не простит. Болезнь прогрессирует. Если срочно не найти способа остановить ее, будет слишком поздно.

— Я перенесу лежанку. И стану запираю дверь на ночь.

Доктор сжал ее плечо.

— Извините, но я должен сообщить о вашем брате властям.

— Нет! — Онория вскочила на ноги. — Нет, умоляю! Если Чарли не сможет себя контролировать, они заберут его и убьют, а если сможет — запрут и превратят в одного из своих рабов.

Она видела в Эшелоне безмозглых верзил, которых держали на цепи и выгуливали на поводке, словно модный аксессуар. И эти хотя бы выжили.

Глаза защипало от слез.

— Умоляю, — прошептала Онория.

— У вас есть месяц. Большого я для вас сделать не могу. Лучше вам держаться от брата как можно дальше. Возможно, сырое мясо немного утолит его голод. Если Чарли станет неуправляемым, свяжите его. — Доктор задержался на пороге. — За сегодня платить не надо.

Онория утерла слезы.

— Это необязательно...

— Я больше не приду, мисс Прайор. И да смилостивится над вами Господь!

Нахлобучив котелок, доктор спустился по лестнице и исчез в переулке.

В окне горел свет. Блейд крался в тумане, что стелился по земле и клубился вокруг бедер. Не видно было ни зги, но хозяин трущоб знал булыжники под ногами как свои пять пальцев. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как он дотащился до Чепеля, истекающий кровью от дюжины ножевых ран. И тогда же Блейд решил, что здесь будет его дом и что никому, даже Викерсу, его не отнять.

Война Блейда с Эшеломом была недолгой, но кровавой. Множество металлогвардейцев охотились за грязнокровным беглецом, однако территория Уайтчепела как нельзя лучше подходила для партизанской войны, в которой он был мастером. Пусть Викерс и вытащил его из канавы, но Блейд не забыл своего прошлого. В итоге он зарезал больше двадцати элитных солдат Ледяной гвардии, а вместе с ними уничтожил по крайней мере полсотни управляемых металлогвардейцев. Эшелон предпочел отозвать войска, уступив Блейду трущобы.

Проведя рукой по холодным железным перилам, он поднялся по ступенькам к обшарпанной зеленой будто горох двери. Леди не пришла. Мисс Онория Тодд не сдержала слово. Возможно, кто-то подобнее стал бы выяснять причину, но Блейд перво-наперво задумался о том, какую выгоду можно извлечь из ее проступка.

Хозяин Чепеля резко постучал в дверь. В трех кварталах от квартиры Онории залаяла собака. Блейд улыбнулся. Он чувствовал запах Уилла, следующего за ним по крышам, хотя категорически запретил помощнику сопровождать его. Рип и Уилл — парочка чертовых няnek. Парень хорош, его едва видно. Но иногда Уилл забывал, что органы чувств у хозяина развиты не хуже, чем у него самого.

Изнутри послышались шаги, а затем едва слышное бормотание, когда кто-то на что-то наткнулся. Как только щелкнули три замка, Блейд оперся ладонью на дверной косяк.

Створка со скрипом приоткрылась на пару сантиметров, и из проема на него уставились ясные черные изумленные глаза.

Блейд демонстративно посмотрел на наручные часы:

— Я ж вроде назначил на десять.

Онория закрыла рот рукой. Под ее глазами красовались темные круги, а шаль на плечах едва прикрывала ключицы. Бедняжка приоткрыла дверь чуть шире и выскользнула за порог, плотно закрыв за собой створку.

— Прошу прощения, я совсем забыла.

Блейд и не подумал отступить, так что Онории пришлось задрать голову и прижаться к двери, так что между ней и незванным гостем осталась лишь пара сантиметров. Она кашлянула и поплотнее запахнула шаль, невольно привлекая внимание к своим тонким рукам.

— Забыли? — переспросил Блейд мягче, чем собирался.

— Брат заболел, пришлось вызвать доктора, поэтому наша договоренность совершенно вылетела у меня из головы.

Блейд не мог отвести взгляда ни от запястий, ни от изящных скул, ни от запавших щек. Онория недоедала. Он повидал в жизни немало и считал, что ничего уже не может его тронуть, но невольно отступил, не желая давить на «учительницу».

— Пойдемте. Прогуляемся.

Она побелела.

— Не могу.

— Так я и не спрашивал.

— Я не могу оставить сестру одну.

Блейд слегка постучал по двери, на которой утром кто-то вырезал скрещенные кинжалы — символ, означающий, что обитали дома под защитой банды жнецов.

— Никто не сунется через порог.

В этом и заключалась выгода от сотрудничества с Блейдом. Все — тесаки, убийцы, воры и даже последний пьяный деревенщина — знали о репутации хозяина трущоб: перейдешь дорогу господину или его подопечным — и он вскоре постучит в твою дверь.

Вот поэтому и поговаривали, что при Блейде Уайтчепел теперь безопаснее самого центра Лондона.

Онория закусила нижнюю губу.

— Я только предупрежу Лену, что ухожу. — И хотела уже открыть дверь, но замешкалась: — А куда мы идем? И в котором часу я вернусь?

— На прогулку, — ответил Блейд, сдерживая раздражение. Онорию растили среди аристократов. И полугодичное проживание в трущобах пока не научило ее, что господин здесь он. Ладно, можно и подождать. — На часок. Наверно.

Мисс Тодд проскользнула в квартиру и закрыла дверь прямо перед носом Блейда. Он прижал руку к грубым кирпичам дверного косяка. Черт бы побрал эту женщину, вот так захлопнуть дверь перед ним! Любой подумал бы, что ей стыдно пускать его в свой дом. Прищурившись, Блейд наклонился и прислушался.

— ...куда? И с кем это ты «прогуляешься»? — прошипела какая-то девушка.

— Неважно, просто... с мужчиной, — ответила Онория. — Я заперла дверь Чарли. Не открывай ее. Вернусь, как только смогу избавиться от... как только смогу.

— Понятно. Ну хоть проследи, чтобы он тебе заплатил.

Повисло молчание, а затем раздался знакомый, резкий как кнут и холодный как лед голос Онории:

— Не смей больше со мной так говорить. — Послышался скрип кресла. — Я скоро вернусь.

Блейд отпрянул, услышав приближающиеся шаги Онории. Когда дверь открылась, он успел мельком заглянуть внутрь: три разных стула, пара ужасных коричневых занавесок на окне кухни и молоденькая девушка с ворохом шпюпки. Она подняла голову, и он тут же увидел сходство: у сестер были одинаковые черные глаза, хотя младшая казалась посимпатичнее, да и щеки у нее не так запали. Лет восемнадцати, хотя такая изящная, что трудно сказать наверняка.

Онория решительно закрыла дверь.

— Даже не думайте. Попробуйте только приблизиться к ней, и, клянусь, я убью вас!

Блейд встретил ее негодующий взгляд. Может Онория измотана и мало ест, но готова жизнь положить на защиту семьи. Этим она немного напоминала Эмили.

— А она знает, что вы не доедаете, чтобы ее прокормить?

Мисс Тодд залилась румянцем:

— Понятия не имею, о чем вы. Ну что, идем? У меня всего час, и думаю, вы не хотите его потратить впустую.

Она промаршировала по ступенькам, поеживаясь от холода. Блейд не спеша спустился

следом. Он было собирался провести ее по опиумным притонам, чтобы показать и миру, и мисс Независимость, кто здесь хозяин. Но вместо этого снял кожаное пальто и накинул ей на плечи.

Онория вздрогнула, изумленно уставившись на спутника.

— Мне холод нипочем, а ваше дерганье действует мне на нервы, — пожал плечами Блейд.

Онория вцепилась в край пальто. На мгновение Блейду показалось, что гордячка сейчас откажется, но она только закуталась поплотнее.

— Благодарю вас.

— Не за что.

Онория бросила на него озадаченный взгляд.

— И куда вы хотите пойти?

Он мотнул головой:

— Сюды.

— К докам?

— Хочу глотнуть пинту-другую.

Мисс Тодд резко обернулась.

— Эля, — сухо уточнил Блейд. И, засунув руки в карманы, пошел прямо в туман. Мешкать не стоило, а то еще сделает именно то, о чем она подумала.

Онория поспешила следом. Блейд прислушался, немного замедлив ход, чтобы она могла его догнать. Спутница запыхалась, щеки покраснелись от бега. Он мрачно рассмотрел ее: непонятно, как ей удавалось каждый день ходить пешком на работу! Чертова упрямица же с ног валится!

Блейд замер на пересечении Олд-касл-стрит и Вертворт, но потом передумал:

— Сюды.

— Но доки в той стороне, — возразила Онория.

Блейд свернул в переулок, ведущий прочь из трущоб, и тут же застыл, почувствовав странный запах. Онория в спешке налетела на спутника.

— Что вы делаете?

— Перевожу дух, — осматриваясь, пробормотал он. Это, верно, игра воображения. В канавах валялось достаточно заплесневелых объедков и мусора, отсюда и почудившийся ему мерзкий запах гнили. — Пойдемте.

Они прошли по переулку и через небольшие намеренно выстроенные ворота Хоаргейт и вышли на Петтикоат-лейн. Несколько ночных торговцев на рынке предлагали свои товары. Парочка шлюх оглядели Блейда. Одна из них разгладила юбки, но заметив Онорию, разочарованно отвернулась в поисках другого клиента.

— Ты, — обратился Блейд к торговцу. — Скока за энтот пирог?

Мужчина побледнел и заикаясь промямлил:

— Для в-вас? Сов-вершен-но бесп-плат-тно, с-сэр.

Блейд все равно бросил ему монету. Продавец поймал ее на лету, затем поспешно завернул один из холодных пирогов со свиной. Хозяин трущоб протянул еду Онории.

Та уставилась на сверток.

— Я не могу. Спасибо за предложение, но...

Блейд раздраженно взглянул на нее:

— Просто возьмите чертову штуку и ешьте. Это ж трущобы, милашка. Здесь нет правил,

че дамочке можно принимать от мужика, че нет. А урчание желудка сведет с ума любого.

— Я не смогу вернуть вам долг, мне еще надо заплатить доктору...

— Этот пирог бесплатно.

Блейд повернулся к Онории спиной и пошел прочь. Он услышал шорох бумаги, а затем шелест юбок, когда спутница поспешила следом. В воздухе запахло подливой и свиным салом. Губы Блейда изогнулись в улыбке.

Он знал, что не стоит оборачиваться и смотреть, как спутница ест. Вместо этого просто подвел ее через улицу к пневматической рикше. Молодой китаец поприветствовал их кивком и запрыгнул на сиденье велосипеда.

— Куда ехать?

— К «Белому оленю» на Олдгейт, — ответил Блейд, протягивая руку Онории.

Она отдернула пирог ото рта и устала на предложенную ладонь. Мгновение поколебавшись, дотронулась до нее теплыми пальцами. Судя по расширившимся глазам, мисс Тодд ощутила, насколько холодна его кожа. Обхватив спутницу за талию, Блейд посадил ее и запрыгнул на соседнее сиденье. В узкой рикше им пришлось потесниться, касаясь друг друга бедрами. И когда соседка нервно взглянула на Блейда, он нарочно небрежно положил руку на спинку.

— В жизни не ездила на такой штуке, — сказала Онория, когда рикша дернулась и покатила по дороге. Драндулет петлял между рыночными прилавками и пешеходами с по-прежнему непривычной для Блейда легкостью.

— Китайские иммигранты завезли рикши на Туманный Альбион. Отличный способ передвигаться по Ист-Энду. Тут нету ни паровых кэбов, ни омнибусов, милашка.

Молодой возничий круто повернул за угол на Уайтчепел-хай. Онория резко вдохнула, отлетев на Блейда. Он прижал ее ближе, покровительственно обняв рукой. Ладонь спутницы нечаянно легла на его бедро. Они одновременно заметили дерзкую оплошность, и Онория тут же отдернула руку.

Блейд крепче сжал плечо спутницы, не желая отпускать. Но, почувствовав ее напряжение, все же уступил правилам приличия. Не стоит пугать Онорию. Нужно действовать медленно, дать ей возможность привыкнуть к нему. Потому что он уже решил завладеть ею. Осталось только выбрать время.

Онория кашлянула, выпрямилась и заправила выбившийся локон на место.

— Ваш акцент не совсем кокни.

— Неужто?

Онория искоса посмотрела на хозяина трущоб. Какую бы благодарность она не испытывала за пирог, теперь это чувство исчезло из-за вынужденной близости в рикши. Она расправила плечи, словно перед лицом виселицы.

— В основном ваш выговор ужасен, но иногда в речи проскальзывает что-то правильное.

— То бишь городское?

Ее головка была так близко к его руке. Блейд мог бы дотронуться до каштанового локонна, выбившегося из растрепанного шиньона.

— Присущее высшему обществу. Эшелону, — уточнила она.

Блейд дотронулся до мягкой как шелк пряди. Онория не заметила.

— Вам кажется, что я говорю, как блахародный лорд?

Онория поморщилась.

— Не сейчас... — поморщилась она. — В основном, когда вы теряете бдительность.

— Хотите вызнать, откель я родом? — Блейд намотал локон на палец и уставился в глаза Онории. Ее волосы, такие же мягкие, как шелковая пряжа. И густые. Как бы они смотрелись, распущенные по ее плечам?

Его мысли приняли иное направление. Блейду захотелось попробовать на вкус молочно-белую кожу, провести языком по округлостям груди и розовым, затвердевшим соскам. Его член напрягся. А из-за того, что Онория задумчиво склонила голову, Блейду теперь открылись тонкие вены на ее шее. Во рту собралась слюна, а весь мир превратился в пейзаж кьяроскуро^[8] с единственной четкой точкой на пульсирующей, неистово бьющейся сонной артерии.

— До меня доходили разные слухи, — словно издалека прозвучал голос мисс Тодд. — Будто вы избежали Инквизиции в тюрьмах Новой Каталонии, где вас заразили вирусом жажды. Или что вы возглавляли Сопротивление во Франции, где революционеры обезглавили всю голубокровную аристократию.

Ее дыхание участилось, показывая, что, несмотря на прохладный, резкий тон, ее также волновала их близость. Кровь пульсировала в жилах синхронно с биением сердца Онории.

«Хочу ее...»

— А че вы думаете? — прошептал Блейд, наклоняясь ближе.

— В вашем говоре нет и следа французского или каталонского диалектов. Вы будто родились в канаве и каким-то образом научились подражать аристократам. — И тут Онория подняла голову, а Блейд потянул за накрученный на палец локон. Она шлепнула себя по затылку и, наткнувшись на руку соседа, изумленно округлила глаза.

«Возьми ее», — думал Блейд. Достаточно приставить нож к горлу Онории и сделать крохотный надрез, прижаться губами к коже, чувствуя во рту поток горячей крови, пока жертва сначала бьется в объятиях, а потом постепенно сдается...

Он зажмурился.

«Я не животное».

И тут же услышал в голове шепот Викерса: «Нет, животное. Помнишь стражников? А ту старуху? А Эмили?»

Блейд никогда ее не забудет. В противном случае, помоги ему бог — ему и всем остальным.

Окружающие звуки прорвались сквозь воспоминания, и Блейд открыл глаза. Мир вновь заиграл буйством красок, а не мрачными застывшими тенями, которые привиделись ему от голода. Неуголенная жажда схлынула.

— Что вы делаете? — Онория замолчала, заметив выражение лица спутника.

Он осторожно выпустил локон.

— Ваши волосы мягкие как шелк.

И едва не расхохотался, заметив озадаченное выражение ее лица, пока Онория безуспешно пыталась найти подвох в его словах.

— Я прошу вас не распускать руки, — наконец промолвила она. — И вы сумели правильно произнести целое предложение.

Блейд мысленно вспомнил собственные последние слова. Онория права, он произнес их точно, как Викерс: четко и резко выговаривая гласные, а некоторые буквы с тихим присвистом. Сходство ему вовсе не понравилось.

— Ваша правда, я родился в канаве, но не всегда был уличным мусором.

— Я не это имела в виду.

— Нет? — Блейд откинулся на сиденье, когда они миновали внушительное кирпичное здание Элдгейта и въехали в самый центр города. Хозяин трущоб скрыл свое лицо от пары стоящих на страже металлогвардейцев — двухметровых железных машин с отполированной нагрудной броней и заходящими друг за друга металлическими пластинами, защитой хрупкого парового механизма, что отвечал за движение.

Вдалеке сиял высоченный шпиль Башни из слоновой кости. С тех пор, как Эшелон свергнул парламент, эта башня стала символом власти голубокровных, служа также напоминанием о том, кто именно правит Лондоном.

В городе не существовало места, где можно было от нее укрыться. Даже в борделях.

— Вы бывали внутри? — спросила Онория, увидев, куда смотрит Блейд.

— Однажды. — Он отвел взгляд. — Окрасил тамошние стены кровью.

Онория посмотрела спутнику в глаза.

— Их высокоблагородия не жалуют грязнокровных. Впрочем, гостил я лишь у шерифа. Несколько месяцев гнил в темноте, пока не дал деру. Они бросились в погоню, но я им показал, что зря они мя преследовали. Добрался до Чепеля да так там и остался.

— Тогда разве вам не опасно возвращаться в город? — спросила Онория.

— А кто мя остановит?

Она с сомнением посмотрела на ухмыляющегося Блейда.

— У них есть дела поважнее, чем следить, чтоб я не появлялся в городе. Слишком заняты, вонзая нож в спину друг дружке и притворяясь, будто совершенно ни при чем.

— Мне кажется, вам нравится играть с ними в кошки-мышки. Доказывать, что вы вольны идти куда хотите и когда хотите.

— Наверно, — улыбнулся Блейд. — Во мне же тоже есть немного голубой крови.

— Манипулирование вовсе не симптом вируса, а проявление природы человека, — натянуто возразила Онория.

— Почти все знакомые мне кровососы готовы мать родную продать за гроши. И откель вам известно, что делает с человеком вирус жажды? — Блейд смотрел по сторонам, будто не особо интересуясь ответом: — Уже имели дело с голубокровным?

— Нет, — ответила Онория, — но я много читала о болезни.

Лгунья. Блейд улыбнулся про себя. Когда-нибудь она расскажет ему все свои тайны. Если прошедшие пятьдесят лет его чему-то и научили, то именно терпению.

Рикша остановилась, и возникший закрепил тормоза.

— Приехали, сэр. «Белый олень».

Блейд соскочил и повернулся, протягивая руку Онории. Та моргнула, и хозяин трущоб понял, что она не успела заметить его движение.

— Внутри тепло, жратва приличная. — И обезоруживающе улыбаясь, добавил: — Во всяком случае, если слухи не врут.

Онория не хотела принимать его помощь, но длинные юбки мешались под ногами. Тепло ее пальцев опьяняло. Вот, чего ему больше всего не хватало: Блейд терпеть не мог свою липкую кожу. Иногда ему казалось, что он один из холодных металлических роботов Эшелона. Противно ли Онории его касаться? Другие женщины не раз от него отворачивались.

Не желая выяснять этот момент, он обхватил спутницу за талию и поставил на землю. Она едва доставала до его плеча и весила, казалось, меньше, чем объемные юбки и турнюр.

— Жди здесь, — приказал Блейд вознице, бросив ему пять шиллингов.

Мальчишка с изумлением уставился на монету.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Онория смотрела, как парнишка спрятал деньги и убрал рикшу с дороги.

— Это намного больше его положенной платы.

— Ага. — Блейд пожал плечами и положил руку ей на талию. — После вас, миледи.

«Белый олень» приткнулся между двумя домами. Вероятно, это к лучшему, потому что его крыша покосилась, пьяно съехав к правому зданию и словно только на нем и держась. Газовая лампа освещала герб над дверью и отсвечивала от стеклянных витражей фасада.

Внутри стоял шум и гам. Стены были обшиты резными деревянными панелями, а ниши с обтянутыми зеленой кожей креслами и столиками создавали иллюзию уединенности. Над баром висело чеканное бронзовое панно со сценой охоты за оленем, почерневшее за долгие годы от сажи, которая поднималась из огромного очага в углу.

Блейд чуть не налетел на застывшую Онорию и ощутил жар, исходивший от ее тела. Он наслаждался ею, такой теплой, полной жизни. Ему захотелось скользнуть в нее, погрузиться в ее тепло. Но тут спутница шагнула вперед к небольшой нише у окна.

Блейд кивком подозвал подавальщицу и застыл, наблюдая, как кровь прилила к ее бледной коже, окрашивая лицо и шею здоровым румянцем. На мгновение все краски пропали, и Блейд снова оказался в мире серого. Но, потрянув головой, он прочистил мысли и последовал за Онорией.

Она красноречиво вскинула бровь:

— Нашли что-то по вкусу?

Блейд сел напротив спутницы, и их колени под столом соприкоснулись. Пухлая подавальщица бросилась к ним с таким рвением, что грудь едва не выскочила из декольте. Служанка была совсем не похожа на Онорию: фигуристая, полноватая, с блестящими волосами, что свидетельствовало об обильном питании и прекрасном здоровье.

— Да, — ответил Блейд, глядя, как Онория поджала губы. Неужели в ее глазах мелькнула ревность? Или холодное безразличие? С ней не разберешь, и это сводило его с ума. Дамочка любому карточному шулеру сто очков вперед даст.

— Что ж, не стесняйтесь, — пробормотала она.

— Я уже поел, — ответил Блейд и, наклонившись вперед, прошептал: — А знаете, че я вижу, глядя на нее?

— Красотку, которая будет просто счастлива стать вашей. В отличие от других.

— Разве? — Он снова посмотрел на служанку. — Ну, я особой красоты не заметил.

Онория фыркнула, а потом явно пришла в ужас от собственных манер.

— Я вижу, как кровь бежит вверх по шее. Голубоватые жилки, что просвечивают сквозь бледную кожу. Прямо как карта, указывающая мне путь.

— О.

— Но я не путаюсь с незнакомцами, — ответил Блейд, устраиваясь на стуле. — Впервые увидев лордиков Эшелона с их кровавыми рабами и трэями, я посчитал это варварством. Теперь же начинаю понимать ублюдков. Питаться от трэли безопаснее. Они знают, че ожидать и че им нельзя делать, когда я охвачен жаждой. Взамен у них есть пища, крыша над головой и достаточно монет на жизнь. Такая сделка выгодна как им, так и мне.

— Очень убедительно. Вы сами им это говорите или они вольны решать за себя? — отпустила шпильку Онория и покраснела.

— Я никого не заставляю. Неча бояться. Но если захотите, милашка, вам стоит только попросить.

Онория побледнела и попыталась встать. Спутник схватил ее за край юбки и удержал на месте.

— Однажды ты будешь умолять меня взять тебя, — прошептал он.

— Когда ад замерзнет! — выпалила она в ответ.

— Чего желаете, сэр? — робко подала голос подошедшая служанка.

— Ох уж эта ваша чертова гордость! — Блейд отпустил юбки спутницы. — Че сегодня в меню?

— Баранье рагу с хлебом и подливой.

Блейд прямо посмотрел на Онорию:

— Хотите?

— Мне от вас ничего не нужно.

Впервые ее эмоции вырвались наружу. Блейд заметил слезы, а потом Онория отвернулась, сглотнула и опустила на место.

— Миску рагу и две пинты эля, — заказал он служанке.

— Нет!

Блейд пропустил возражение спутницы мимо ушей и кивнул трактирщице.

— Черт бы вас побрал! — выругалась Онория и принялась рыться в кошельке.

Блейд перехватил ее руку.

— Седня еда за мой счет.

— Нет!

— Уберите свои проклятые деньги.

Она бросила на стол пригоршню шиллингов.

— Я не стану вашей шлюхой и не желаю быть у вас в долгу!

Блейд зарычал и, схватив ее за руку, прижал к холодным металлическим шиллингам на столе.

— Я просто хочу с вами поговорить. Приятная беседа в обмен на ужин. Чтоб я услышал ваш говор. — Он улыбнулся. — Мое первое занятие.

Он отодвинул ее руку с монетами прочь. Онория первая опустила глаза. Блейд догадывался, о чем она думает: гордячка не могла заплатить за еду, но и в долгу у него быть не желала. Превратив сегодняшний ужин в сделку, Онория сохранит какое-то подобие гордости.

подавальщица вернулась с двумя кружками пенистого эля. Онория зарделась и убрала монеты. Блейд все еще ощущал тепло ее пальцев, словно ему удалось украсть чуток. Он потер руки, наслаждаясь последними отголосками.

— Ну а вы откель взялись? Появились из ниоткуда с полгода назад. Ни родственников, ни друзей, ни поклонников. Будто просто с неба свалились.

Онория поджала губы и промолчала. А она хороша. Настоящий чертик из табакерки. Блейд заставил себя глотнуть немного эля. Если очень постараться, то он сможет выпить все, но в основном еда и питье ему без надобности. Тем не менее иногда он скучал по вкусу пищи и напитков.

— Из Оксфорда, — ответила упрямица. — Мой отец был профессором, а я прививала хорошие манеры местным барышням.

— И че случилось? Как вас занесло сюда, в Ист-Энд?

В ее глазах блеснуло что-то искреннее, какая-то боль.

— Папа умер, дом сдали другому жильцу, и мы остались без крыши над головой. У меня есть еще кузен в Лондоне, но мы с ним не ладили. Я устроилась на работу к мистеру Мейси, но моей зарплаты недостаточно, чтобы жить в городе. Да к тому же не хочется находиться под пятой Эшелона.

— Чем они вам не угодили? Вы не в ладах с Эшеленом?

— Нет. — Легкая заминка. — Хотя, судя по тому, что о них говорят, мне бы очень хотелось избежать знакомства.

На мгновение она почти расслабилась. И тут принесли рагу. Блейд раскинул руки по спинке дивана и смотрел, как Онория глаз не сводит с блюда, словно никогда в жизни не ела... и вдруг нашла у себя в тарелке дохлую муху.

— Попробуйте вилкой, так гораздо легче, чем пытаться есть мысленно, — посоветовал хозяин труппы.

И снова заулыбался под ее гневным взглядом. Однако Онория взяла вилку и принялась отщипывать маленькие кусочки хлеба. Блейд отвернулся, наслаждаясь звоном столового серебра и пьянящим ароматом эля и рагу из ягнятины. Если закрыть глаза, то можно еще уловить под этим легкий мускусный аромат женщины, словно «сердце» духов. Блейд же ничего не мог добавить к этой композиции кроме запаха масла для заточки кинжалов и мыла, в котором стирали его одежду.

Голубокровные ничем не пахли. Их тела были холодны. Иногда Блейду казалось, что он постепенно превращается в мраморную статую, лишенную всех признаков человечности, которыми обладали окружающие. Оставался только голод.

Что-то привлекло его внимание — шелест восковой бумаги. Блейд внимательно посмотрел на Онорию, которая снова опустила вилку в рагу. Хлеб исчез. Слишком уж быстро, судя по тому, какие кусочки она от него отламывала.

А теперь Блейд почувствовал и свинину.

— Зубы Господни, ну вы и упрямец!

Она с изумлением подняла голову:

— Прощу прощения?

— Половина пирога со свининой в кармане и хлеб. — Он покачал головой. — Ага, отдайте их, хоть вам они явно нужнее.

— Мои брат и сестра сейчас сидят и волнуются, где я. Самое малое, что я могу для них сделать — принести домой еду. Все равно мне этого всего не съесть. — Онория положила вилку, едва притронувшись к рагу. — В меня больше не влезет ни крошки.

То, с какой неохотой она смотрела на миску, лишь подтверждало ее слова. Бедняжка так долго голодала, что теперь ела как птичка.

— В следующий раз придется платить, — предупредил Блейд.

Онория вздернула подбородок.

— Следующего раза не будет. Я согласилась приходить на занятия три раза в неделю — ни больше ни меньше.

Он наклонился, вдыхая ее аромат.

— Поживем — увидим.

— Нет. Не уви...

Дверь «Белого оленя» распахнулась. Блейд мгновенно вскочил и выхватил клинок прежде, чем понял, что перед ним запыхавшийся Уилл.

— Тела. Два. Разорванные и обескровленные, будто голубокровный свихнулся и потерял контроль. На Пикл-роуд.

Онория вскинула голову и побелела как снег.

— Это же моя улица!

— Стой здесь, — приказал Блейд.

Онория мельком взглянула на толпу и побежала вслед за господином. Через три дома располагалась ее собственная крохотная съемная квартирка, и Онория ни за что не желала оставаться в стороне.

Блейд шел впереди, силой прокладывая дорогу сквозь толпу испуганных зевак. Онория, спотыкаясь, плелась следом. Люди раздраженно зыркали на них, пока не замечали, кто именно их потревожил, и тут же, как по волшебству, убирались прочь с пути. Вокруг хозяина трущоб быстро образовался островок свободного пространства. Похоже, репутация Дьявола Уайтчепела в подобных ситуациях исключительно полезная штука.

Бульжники заливала кровь, сверкая черным в лунном свете. Один из зевак раздобыл факел, и флюоресцентное сияние осветило блестящие алые брызги у сапог Блейда.

Онория сглотнула. Она уже видела кровь — в пузырьках и мензурках в отцовской лаборатории и в образцах, которые брала у Чарли, чтобы проверить уровень вируса. Но не так, на плиточном камне, как будто какой-то художник широкими взмахами кисти разбросал капельки во всех направлениях. Залитые лунным светом, два тела, застывшие в ужасных позах, буквально бросались в глаза. По иронии судьбы вечно стелящийся в этой части Лондона туман сегодня рассеялся.

Блейд повернулся и, заметив идущую за ним по пятам Онорию, пробурчал:

— Я ж сказал: стой там. — А потом обратился к толпе: — Расходитесь, вы все уже видали, теперь пошли прочь.

Зеваки разошлись, тихонько переговариваясь между собой. Крупный мужчина, прибежавший за Блейдом в таверну «Белый олень», встал на колени рядом с хозяином и внимательно рассмотрел место преступления горящими янтарными глазами. Двое других с татуировками жнецов на запястьях маячили неподалеку. У одного к голове была прикручена стальная пластина, а на месте левой руки торчал страшный крюк. Второй с дьявольской улыбкой подмигнул Онории.

— Дикарка Нелли подняла тревогу, — пояснил тот, кого Блейд назвал Уиллом. — О'Шей послал меня за вами, а сам направился сюды очистить улицу.

Мужчина повыше — тот, что подмигнул Онории, — сплюнул в сторону:

— Чертовы стервятники обступили мя прежде, чем я успел все скрыть, — проворчал он с сильным ирландским акцентом.

— Кто они такие? — Блейд встал на колени, соединил кончики пальцев обеих рук и пристально осмотрел тела. Близо он не подходил, и Онория снова заметила то странное выражение на его лице: раздувающиеся ноздри, зрачки заполнившие собой всю радужку.

Каким бы страшным ни было место преступления, оно ему нравилось. Во всяком случае, запах крови.

Онория поежилась и посмотрела в сторону маленького домика — четвертого, если считать отсюда, — где в окошке горел свет.

— Судя по запаху, братья Джем и Том Барреты с Брик-лейн, — сообщил Уилл.

— Иисусе! — воскликнул О'Шей. — От он их отделал! Родная мамаша теперь не признает.

Блейд коснулся пальцем капельки крови.

— Их убил не человек.

— Ага, — согласился Уилл. — Это тварь их растерзала. Ну хоть начала с горла, такшо долго не мучились.

— Единственный голубокровный в наших местах — эт ты, но ты б ни за что не сорвался, — пробормотал О'Шей.

Онория похолодела. Трепет зародился в ее животе, а потом поднялся выше, пробирая до костей и оставляя во рту горький привкус. О боже, Лена!

Онория бросилась бежать.

Блейд догнал ее у самой двери в квартиру и притянул в свои объятия.

— Нет! Отпустите меня! — Она забарабанила его по груди. — Мне надо... — Остаток фразы потонул в рыдании, полном невыразимой боли, что комом стояла в горле.

— Дай я зайду первым, милашка. — Тон и руки были нежными, но Блейд сдерживал Онорию с той же легкостью, что и трепещущую пичужку в руке. — Я тока проверю, безопасно ли там.

Онория упала ему на грудь, чувствуя под щекой медленное, нечеловеческое биение его сердца. Тело Блейда было твердым и жестким. И, как ни странно, успокаивающим.

— Нет, — слабо пролепетала она. — Нет, нельзя.

Потому что если он найдет Чарли, то убьет его.

— Онор? — позвала Лена с другой стороны двери.

И в этот момент колени старшей Тодд подогнулись.

— Лена?

Блейд обнял Онорию, притягивая близко, тихо шепча что-то на ушко.

Лена выглянула, приоткрыв дверь дрожащими руками. Онория отпихнула Блейда и заключила напуганную сестренку в свои объятия.

— Я думала, что, может... Что ты... — Онория спрятала лицо в волосах Лены, вдыхая сладкий знакомый запах. В безопасности. Лена в безопасности.

— Я слышала, как они все кричали, но не осмеливалась выйти. — Лена сглотнула.

— Чарли?

Младшая сестра посмотрела мимо Онории на Блейда.

— Он еще в постели. Я не отпирала дверь.

— Хорошо, ты умница. — Колени до сих пор тряслись, но Чарли все еще в постели, а Лена... Тут до Онории дошло. Если это не ее брат потерял самообладание и превратился в чудовище...

Значит в Уайтчепеле рыскает еще один голубокровный.

Ее словно ледяной водой окатили. Но если бы Викерс нашел их, то похитил бы Лену и Чарли и перевернул бы дом вверх дном в поисках дневника с отцовскими тайнами.

Или нет?

Викерс просто обожал подобные игры в кошки-мышки. В его духе оставить парочку разодранных тел по соседству, просто чтобы доказать свое могущество. И нигде от него не спрятаться.

«Ты ничто, — как-то прошептал он на ушко Онории. — Я могу взять тебя здесь и сейчас, и ты не сможешь меня остановить».

Но он не стал, потому что намного приятнее видеть жертву, живущую в страхе. А что проку играть со сломанной куклой?

Что же сделать? Может, сбежать? Но куда? И как теперь перевезти больного Чарли? Где

она найдет другую респектабельную работу?

— Блейд? — окликнул кто-то хозяина трущоб, возвращая Онорию в настоящее.

В панике она совсем про него забыла. Но Блейд был так же опасен, как Викерс, если не больше. Обернувшись, Онория увидела, что господин, небрежно прислонившись к перилам, внимательно ее рассматривает. Так как его кожаное пальто по-прежнему согревало Онорию, на Блейде оставалась только белая рубашка и черный бархатный жилет. Несмотря ни на что, она невольно вспомнила мягкость ткани под ладонями, когда Блейд держал ее в своих объятиях.

И засмеялась.

«Я точно схожу с ума. Нашла время думать о ерунде!»

Блейд поднял руку, призывая подручного замолчать. Голубокровный посмотрел Онории в глаза, и она, не в силах отвести взгляд, словно полетела вниз в бездонный колодец, всем существом стремясь к Блейду.

— С вами все в порядке? — тихо спросил хозяин трущоб.

Крепко держа Лену за руку, Онория кивнула.

— Да, — прошептала она. Ладони закололо от невыносимого желания коснуться Блейда.

— Увидимся завтра ночью. Не высовывайтесь до утра. На всяк случай я оставлю Уилла сторожить вас.

Блейд отвернулся, и чары разрушились. Онория моргнула и глубоко вздохнула, чувствуя, что сейчас случилось нечто важное, такое, чего она еще не могла до конца осознать. А хозяин трущоб уже шагал к телам.

— Онор, — прошептала Лена. — Тот мужчина назвал его Блейдом. Он ведь не тот самый Блейд? И где ты пропадала?

Онория держала сестру за руку, глядя, как хозяин трущоб неторопливо спускается по ступенькам.

— Он пригласил меня на ужин. И я не знаю почему.

Начался дождь, легкая морось, которая лишь насытила влагой воздух. Блейд снова встал на колени над телами, осматривая их со своими тремя помощниками.

— Мне он не нравится. Тебе не стоит больше с ним видеться, — отрезала Лена.

Онория повернулась и закрыла дверь. Глаза жгло от усталости. Сегодня нужно еще немного поштопать, а так хочется спать.

— У меня не особо-то есть выбор. Он — наш новый защитник.

* * *

Опустившись посреди улицы на колени и застыв словно статуя, Блейд рассматривал пятна крови. О'Шей нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но Дровосек и Уилл молча наблюдали, давая хозяину сделать все необходимое.

Блейд закрыл глаза и пропустил через себя уличную тишину. Услышал шорохи и легкие запахи. Шепот в близлежащих домах. Собаку, которую в нескольких кварталах от места преступления травил ватага уличных детей. Кашель какого-то паренька. Вонь варящейся подметки из ближайшего дома.

Блейд отбросил все это и копнул глубже. Стук часто колотящегося сердца Уилла.

Волнение, предвкушение драки и охоты, бурлящее в венах О'Шея, отчего от него исходил резкий запах. Свист дыхания Дровосека, когда воздух проходил сквозь его железные легкие. И под всей этой смесью — едва уловимая гнилостная вонь неуправляемого грязнокровного.

Боже милосердный. Блейд застыл. Он чувствовал этот запах лишь однажды — сегодня, несколькими часами раньше, — но опознал его мгновенно. Стоило прислушаться к инстинктам. Чертова тварь наблюдала за ним.

— Давайте загоним этого английского ублюдка, — пробормотал О'Шей. — Если повременим, след остынет.

Блейд поднял руку и открыл глаза:

— Нет, никто никуда не идет.

Его сердце забилося быстрее. Стоит пройти малейшему слушку, и трущобы загудят, как встревоженный муравейник, а люди примутся убивать друг друга, пытаясь поскорее убраться отсюда. Сейчас грязнокровный растерзал двух человек на территории Блейда. Пока что это просто игра между ним и Эшелонем. Все подождут и посмотрят, кто в итоге одержит верх. Будут делать ставки в «Уайти» и строить догадки, что изменится, если Эшелон перережет Блейду глотку и захватит власть в Уайтчепеле.

— Станем патрулировать окрестности в две смены. — «Пока не поймаем чудовище или...» — Уилл, ты с О'Шеем седня следите за домом Годдов. И глядите в оба.

— А если станет жарко, можно уйти с поста? — спросил О'Шей.

Блейд встал и стряхнул пыль со штанов.

— Следим за домом ночью. С восходом солнца можете расходиться по домам.

Нет смысла охранять трущобы днем. Существо — неуправляемый грязнокровный — не может выносить прямых солнечных лучей. Оно скроется под землей, и там его Блейд и настигнет.

— Дровосек, ты со мной. Поднимай людей, готовимся к утренней охоте.

— И че мы загонять будем, Блейд? — спросил Уилл, брезгливо морщась. Он тоже чувствовал вонь, но не понимал, что это значит.

Блейд помолчал. Паника еще никому не шла на пользу, но посылать своих парней вслепую против врага — сродни организации массовых самоубийств.

— Вампира, — ответил он. — Но молчите как рыбы, а то еще паники нам не хватало.

Последние угасающие лучи солнца мерцали на горизонте, как лужа расплавленного золота. Блейд шел по краю сточной канавы, засунув руки в карманы. Это был долгий и полный разочарований день. В поисках запаха они с Дровосеком и О'Шеем прошерстили северную часть Уайтчепела, а Уилл, Рип и Ларк работали на юге, идя по следу.

В Чепеле через край было гнили и зловония. Смерд близлежащих слив-заводов лишь изредка перебивался душком мочи на стене переулка или слишком пахучими духами на шее шлюхи. Блейд шел дальше, закрыв глаза, принюхиваясь к различным ароматам, разделяя их на слои, погружаясь все глубже и глубже в поисках тошнотворно-сладкой гнили.

— Хренов ад, — пробормотал О'Шей позади хозяина. — Ненавижу, када ты так делаешь. — Послышалось шарканье подошв по скользким плитам и ругань помощника. — Темнеет. Если вампир здесь, то как раз надумывает позавтракать.

Блейд остановился и открыл глаза. От носков его сапог до края крыши осталась какая-то пара сантиметров.

— Я не хочу становиться завтраком. Слышь, че говорю? — спросил О'Шей.

Блейд развернулся на пятках, О'Шей прижался к дымоходу. Дровосек закатил глаза и перепрыгнул через товарища, скользя по крутому склону крыши, пока не добрался до водосточного желоба. Вонзил крюк левой руки в черепицу и вовремя уцепился за крышу. В этом существе было больше металла, чем человеческой плоти. Дровосек появился на пороге дома Блейда лет десять назад, немой, весь покалеченный и готовый ради хозяина на все, пока тот дает приют и малышу, которого бродяга принес с собой. Ходили слухи, что Дровосек когда-то работал в угольных шахтах и заболел запылением легких. Однако как бедному шахтеру удалось наскрести нужную сумму на установку железного легкого и откуда у него столько шрамов, так и осталось неизвестным.

Блейд понятия не имел, где мех нашел Ларк. Она могла быть его ребенком или даже сестрой, но подробностей никто не знал.

Дровосек посмотрел на хозяина: молчаливый помощник многое умел выразить взглядом.

Блейд кивнул. Ларк тоже пошла на поиски, не желая оставаться в стороне. Мужчины могут о себе позаботиться, но упрямец всего четырнадцать. Ну или около того.

— Нам нужно перекумекать, — Блейд выудил из кармана свисток. Пронзительный свист отдался в его ушах, но ни Дровосек, ни О'Шей и глазом не моргнули.

Вдали раздался ответный свист, рассекая сгущающиеся сумерки.

— Вот так, парни, назад в логово.

* * *

По дороге в логово Блейд чувствовал наступление ночи, как она проникала в него до мозга костей. Волоски на макушке встали дыбом, и он тут же их пригладил. В последнее время заход солнца влиял на него все сильнее.

— Ты в порядке? — поинтересовался идущий рядом О'Шей.

— Счастлив, как шлюха с бутылкой джина, — вымученно улыбнувшись, ответил Блейд.

Уилл, Рип и Ларк дожидались их в логове. Рип, как обычно, терпеливо ворошил угли в камине, так что пламя отражалось в его зеленых глазах. Уилл вышагивал из угла в угол по гостиной, а Ларк сидела в кресле Блейда, положив ноги на скамеечку, и почесывала Кошака под подбородком.

— Брысь! — приказал Уилл, пиная ноги Ларк.

Девчонка нахально ухмыльнулась и пулей вылетела из гостиной.

— Ничо не нашли, тока вонь и мочу. Будто это чудище растворилось в воздухе, — проворчал Уилл.

— Он ушел под землю, как все подобные твари. — Блейд налил стакан крови и взболтал ее перед собой. Он намеренно не имел дел с осушителями, но находились те, кто предлагал ему кровь за монету или защиту. Нельзя слишком привыкать пить кровь прямо из вены, этот напиток хорош и холодным. — Первым делом они ныкаются в какой-нить дыре. Солнце вампиры ненавидят — больно жжется. Такшо он в темени. Бережется. Подвал. Старая фабрика. Завтра пошерстим подольше, проверим заброшенные склады у доков.

— А седня? — спросил Уилл.

— Пока он нажрался, выползет ток когда оголодает. У нас есть день-два, кажись. А завтра разнесете мое слово: трущобы на военном положении. Пусть считают, что мы на грани войны с Эшеленом. После заката шобы все по домам сидели.

— Людям это не понравится, — вставил Рип.

— Не кольшет, — ответил Блейд, опустился в кресло и положил лодыжку левой ноги на колено. — Если кто вышкрябается на улицу, то мне ответит. И лучше б ему ответить чертовски складно.

— Так че нам делать? — спросил Рип, встав на колени и предлагая Кошаку кусок галеты, завалывшийся в кармане.

— Перекемарьте, — ответил Блейд. — Я на ночь послал патрули со свистками. Такшо особо не расслабляйтесь, парни, вдруг он выползет. Завтра нужны карты — пометим, где уже смотрели и прикинем, де он может ныкаться...

Уилл повернулся и втянул воздух.

— Кто-то идет.

Блейд внимательно посмотрел на карманные часы. Девять часов. Если это Онория, то она рано.

— Мисс Тодд, — неодобрительно морщась, сообщил Уилл.

Блейд положил часы назад в сюртук.

— Все вон. Ножи держите наготове. И чтоб ни баб, ни бухла.

— Босс, а тя это тож касается? — спросил ухмыляющийся О'Шей.

— Миз Тодд не таковская, шобы с ней мутить. И я не забыл про Викерса и потому ее позвал: надыть нам перетереть.

Теперь все слышали ее шаги и чуть позже краткий стук в дверь. Ларк заглянула, объявляя:

— Пришла миз Прайор. Пушай зайдет?

Блейда объял легкий порыв аромата Онории, напоминая о прошлой ночи. Кровь забурлила.

— Ага, и пусть жратвы чутка принесут. — Гостья, разумеется, голодна. — Пирог с почками и свежего хлеба, который Эсме испекла на обед. И чаю.

Леди ведь любят чай?

О'Шей тихонько хмыкнул и вышел вместе с остальными помощниками. В коридоре промелькнул ворох полосатых юбок, и каждый мужчина не преминул рассмотреть гостью. Онория изумилась, увидев их, и вежливо поздоровалась, а затем подняла взгляд на Блейда.

На мгновение он почувствовал, как воздух загустел, словно от одного из таинственных электрических разрядов, которые производил Эшелон. И хоть ее щеки запали и побледнели, в глазах светилось бунтарство. Онория пришла во всеоружии.

Блейд развернул мягкое кресло и подвинул поближе к камину. Хоть стояла осень, по ночам в воздухе уже чувствовался зимний мороз.

— Проходите, — позвал он, указывая на кресло.

Онория сняла перчатки, и Блейд, забирая у нее шляпку, притворился, что не заметил, какие они тоненькие и поношенные. Густые косы гостьи сплетались в корону на голове, а белые полосы темно-серого затейливого платья накладывались друг на друга причудливыми углами. Горло обхватывал кусок кружева, скрывая соблазнительную сонную артерию. Прикрыта с головы до ног. Блейд едва не расхохотался. Неужто Онория правда считала, что все пройдет так просто? Мисс Тодд напомнила ему подарок, которой не терпится развернуть. Начать с пуговиц на запястьях, прикоснуться холодными губами к мягкой коже, облизать бледные вены, чувствуя пульсацию крови под языком. И тут его фантазии унеслись ещё дальше. Не спеша ощупать кружево, отодвинуть его, открывая гладкую шею, прикоснуться губами к коже, ощущая соленый привкус. Его член затвердел от этой мысли.

Онория, скорее всего, стукнет его по носу сумкой, стоит ему лишь попытаться.

— Давайте сюды, — пробормотал он, касаясь ее пальцев и забирая сумочку. Мысленно он почувствовал это прикосновение и в иных, более сокрытых местах, но Онория, казалось, оставалась невозмутимой.

— Вы сама любезность. Что-то задумали? — спросила она, настороженно глядя на Блейда.

— А мож я по природе просто душка.

— Вряд ли. Вы чего-то от меня хотите.

И села в кресло, искоса посмотрев на хозяина.

— Жентельмен никогда не делится своими желаниями с дамой. Это невежливо, — заметил он.

Щечки Онории окрасились румянцем.

— Вы, разумеется, правы. Но джентельмен никогда бы вообще не заговорил о своих желаниях в беседе с дамой.

Блейд сел в кресло напротив и положил лодыжку одной ноги на колено другой. Сложил пальцы на животе и улыбнулся гостье:

— От ваших правил приличия пахнет средним классом, милашка.

Эшелон превыше всего ценил удовольствие. Словно наперекор знати, представители среднего и рабочего классов стали слегка консервативными: носили одежду обычных, заурядных цветов, сшитую из крепкой ткани, а дома вели себя благовоспитанно.

— А я как раз из среднего класса, — парировала Онория.

— А я из низов.

— Если вы о манерах, то согласна. — И оценивающе оглядела хозяина. — Ваши инстинкты очень напоминают представителей Эшелона, вы также имеете теоретическое понятие об этикете. Когда вас это устраивает. Думаю, что справлюсь с вашим обучением.

Взяв сумку на колени, Онория достала и разложила на столике рядом с собой ворох

бумаг.

— Думаю, сначала нужно выяснить, что вам нужно. У меня нет ничего из того, что я использую у мистера Мейси, но, убеждена, что мы справимся. Основная трудность состоит в вашей речи. Я одолжила у брата книги... — Учительница вытащила и их, обращаясь с Блейдом как с обычным учеником. Он должен это понять. Онория взглянула на него из-под густых черных ресниц. — Вы вообще умеете читать?

— Немного, — признался Блейд. На подобное занятие у него не особо хватало времени: детство провел на улицах, а позднее оказался в трущобах. — Свое имя, даты, числа. Считаю сносно.

Онория сняла колпачок с ручки и что-то записала, а услышав стук в дверь, подняла голову.

— Войдите, — разрешил Блейд.

Ларк распахнула дверь и втокнула старого автоматического робота. Тот, громыхая, поехал вперед со свистом, как у чайника, исходящим из системы вентиляции. Паровые клапаны подогревали ужин Онории в серебряной супнице. Заварник на подносе дернулся, стоило роботу резко двинуться вперед.

— Ни черта ж себе! Ты воскресила старушку Берти! — воскликнул Блейд.

В Логове не утруждали себя соблюдением условностей. Много лет назад этого робота украли, но из-за неисправной проводки так и не перепродали. Эсме или Ларк, по какой-то неведомой причине, видимо, достали старушку Берти из чулана. Девчушка остановила Берти, когда та уже собиралась переехать кресло Онории.

— Чертова железяка!

Учительница изумленно уставила на машину:

— Что это?

— Робот-помощник тыща восемьсот пятьдесят восьмого года. Ну или ржавая жестянка, способная затоптать вас, как стадо бегущих буйволов, — ответил Блейд.

— Да, но... — Онория мельком посмотрела на заварник, а потом на серебряную супницу уже с большим интересом. — Время ужина давно прошло, а вы не едите обычную пищу.

Блейд поднял крышку. Аромат горячего пирога с почками наполнил комнату. Хозяин специально махнул крышкой, направляя запах в сторону гостя. Рядом стояла тарелочка с печеньем и имбирным кексом.

— Подумал, мож, вы голодная. У меня кухарка что надо.

— Это очень любезно с вашей стороны, но, уверяю, я не голодна. — И словно опровергая слова, желудок Онории заурчал, заставив ее покраснеть. — Не стоило себя утруждать.

— Чаю? — предложил Блейд.

Онория остановила его прикосновением ладони.

— Позвольте я сама. — Взяла пару чашек и элегантно налила чаю, глядя то на заварник, то на тарелку с пирогом с почками.

Блейд украдкой улыбнулся.

— Что-нибудь еще? — спросила Ларк, играя бровями.

— Иди спать, — пробормотал Блейд.

Ларк, облегченно выдохнув, оставила их одних. Робот дергался то вверх, то вниз, иногда выпуская облако пара.

— Я вам не умирающий с голоду котенок, найденный на пороге, — резко сказала Онория, жестом предложив сахар и сливки. — Вы же знаете, что я вижу вас насквозь?

Блейд отказался от предложенного и взял чашку чая и блюдце.

— Знать не знаю, об чем разговор.

— Вы меня откармливаете, как гусыню на Рождество. Я не буду это есть.

— Дык пусть простывает, мне плевать, но кухарка обидится.

Онория открыла и закрыла рот.

— Вы неисправимы. Я не смогу наслаждаться едой, зная, что брат и сестра дома, голодные...

— Дык возьмите им пирог, если так вам легче, — предложил хозяин.

Онория все еще выглядела сердитой, но жадно уставилась на еду.

«Вот бы она на меня так посмотрела», — подумал Блейд и поскреб подбородок.

И все же ее согласие взять тарелку и попробовать мясо вилочкой принесло какое-то странное наслаждение. Блейда вдруг охватило желание защитить гостью. Онория вряд ли примет такое внимание благосклонно, да и непонятно, откуда вдруг такой страстный порыв. После первой встречи Блейд уверился, что мисс Тодд способна плюнуть в лицо самому дьяволу. Кто-то должен присматривать за ней, но гордячка ни за что этого не допустит.

Когда Онория деликатно откусила пирог, ее взгляд смягчился от удовольствия, и она прошептала:

— Вкусно.

Блейд неловко дернулся, когда мисс Тодд языком слизала оставшуюся на губах крошку, и пробормотал:

— Ага.

Ему нравилось созерцать явно написанное на ее лице удовольствие. Момент чувственного наслаждения — и он стал его свидетелем.

Представил, чем еще порадует Онорию, и ее реакцию, такую же замечательную и непосредственную, как сейчас, когда красавица с закрытыми глазами наслаждается следующим кусочком.

Учительница мельком глянула в его сторону.

— Вы слишком пристально смотрите.

— Ниче не попишешь, вы для того сделаны.

На ее лице промелькнул испуг. Мисс Тодд повертела вилку.

— Такой комплимент несколько грубоват, но достаточно приятен. Но этим займемся потом, когда освоим элементарные правила.

— Я тока правду сказал. Взгляд не оторвать.

Она искоса посмотрела большими миндалевидными глазами.

— Это смущает. Вам бы понравилось, если бы я на вас пялилась?

Блейд развел руки в стороны:

— Смотрите, скока хотите, милашка.

Онория подцепила остаток пирога и осторожно сняла его с вилки красными, как вишни, губами. И, вызываяще сверкнув глазами, медленно осмотрела все его тело, сантиметр за сантиметром, словно пытаясь найти изъян. Неловкое чувство.

— Женщине не приличествует... так смотреть на мужчину, — сказала она, тревожно нахмурившись, и задержала взгляд на бедрах хозяина, словно замороженная.

Член Блейда тут же встал. «Слава богу, что кожаные штаны такие узкие», — подумал

он, чувствуя ее принижающий взгляд на этой части своего тела.

— Значит, вы никогда не разглядывали мужчину?

— Конечно, нет.

Облегчение заполнило его грудь.

Онория покачала головой, будто проясняя мысли.

— Как вам так легко удается меня отвлечь? — Отставила пустую тарелку и вытащила листок бумаги из стопки. — Это алфавит. Нам с вами нужно по нему пройти. Этим сегодня и займемся. Похоже, что уместные темы для разговора вам совершенно несвойственны.

Блейд не возражал. Онория положила листок на небольшой письменный стол между ними и подтянула кресло поближе. Ее ученик поставил кресло рядом, и когда Онория наклонилась, то плечи столкнулись.

Она отшатнулась от Блейда.

— Вы очень близко сидите.

— Я не вижу буквы. — И слегка прищурился.

— Вы же голубокровный! — У него должно быть сверхъестественно идеальное зрение.

Поддразнивать Онорию оказалось забавнее, чем все остальное, что он обычно делал с женщинами, включая голых. Ее так легко смутить.

Онория отодвинула кресло и прижала верхний край листа чайной чашкой. На бумаге были изображены двадцать шесть квадратиков, заполненных крупными черными буквами. В таком виде Блейд мог узнать большую часть, но если буквы расположены в беспорядке, ему не всегда удавалось уловить смысл.

Онория указала на первую букву:

— Это «А» как «аэростат».

Блейду нравилось, как двигаются ее губы, выговаривая слова, как они влажно блестят, как двигается ее язык при произнесении гласных и согласных.

Мисс Тодд заставила ученика повторить звук, что у того идеально получилось. Дойдя до буквы «F», она нахмурилась и велела:

— Будьте внимательнее.

— Ага.

— Сосредоточьтесь на буквах, а не на... не на моих губах, — пояснила Онория.

— Я знаю буквы, когда они расположены вот так.

Онория вскинула бровь.

— Докажите.

— Чернил нету. Как ж докажу?

Потянувшись к креслу Онории, ученик нежно погладил ее руку.

Мисс Тодд попыталась высвободиться, но Блейд перевернул ее руку в своей, обнажил запястье и прошептал, изображая саму невинность:

— Придумал!

Кончиком пальца он вывел первую резкую линию буквы «А» на гладкой коже Онории. Намеренно коснулся легко, а мисс Тодд приоткрыла рот и беспомощно вздрогнула.

— Прекратите.

— «А» — как «ах», — Блейд вернулся к началу и начал осторожно выписывать следующую букву. — «В». — Перевел взгляд с ее шеи к груди, а потом наклонился ближе и тихим гипнотическим голосом продолжил с дьявольской улыбочкой: — «В» — как «взгляд».

Онория скосила глаза, разглядывая рот ученика. Она задышала с трудом и облизнула губы:

— Этого достаточно. — Но словам не доставало уверенности.

— «С» — как «сладость». — Еще один изгиб, намекающий на непристойность.

Господин медленно наклонился ниже, и его дыхание прошло по шее учительницы.

Онория дрожала, кролик в капкане охотника, сознавая, что успокаивающие поглаживания опасны, но не понимая, почему. Блейд чувствовал ее внутреннюю борьбу; она с полным правом могла высвободиться и дать ему пощечину. Совершенно расслабившись, Онория хотела подождать и узнать, что еще он сделает. Любопытство ее погубит. Под чопорностью и плотно зашнурованным корсетом скрывалась страстная женщина. Но ее нельзя завоевать силой, лишь сладостным соблазном желания.

Блейд приподнял ее руку и прижался губами к тыльной стороне запястья. Онория резко вдохнула, а сердечко бешено заколотилось.

— «D» — как «дар», — прошептал Блейд, обдав ее кожу прохладным дыханием. — Моя любимая буква. — И стал выписывать изгиб буквы «D» языком на запястье Онории. С такого расстояния он почувствовал манящий аромат ее соблазнительного тела.

— Прекратите, — выдохнула Онория дрожащими губами. Она вся трепетала.

Блейд поднял глаза, продолжая выводить замысловатые контуры буквы «E», и встретился с ее расширенным и встревоженным взглядом. Блейд перестал «рисовать» и присосался к нежной коже в сладостной пародии на то, что сделал бы со вскрытой веной.

Это стало последней каплей: Онория с криком отпихнула Блейда, прижала руку к щеке и уставилась на ученика затуманенными страстью глазами. Она казалась уязвимой, и Блейд понял, что холодная маска безразличия, которую гостя часто надевала в его присутствии, спала. Онория нахмурилась и принялась тереть отметину на запястье. Она была недовольна тем, что голубокровный проник через ее эмоциональные барьеры, и никогда не забудет, с какой легкостью ему это удалось.

— Вы... — выкрикнула она, собирая бумаги и засовывая их в сумку. — Вы перешли черту! Это неприлично и недопустимо. Спокойной ночи.

— Вы забыли пирог для брата и сестры, — напомнил Блейд, когда она уже повернулась уходить.

Еще раз раздраженно зыркнув, Онория вернулась и аккуратно завернула пирог в салфетку.

— У вас есть два дня. Советую научиться сдержанности.

И с этими словами вышла, слыша его смех за спиной.

* * *

— Мисс Прайор, можно с вами поговорить?

Мистер Мейси, заламывая руки, стоял на пороге. Эту его привычку Онория втайне считала отвратительной.

Улыбнувшись, мисс Тодд поставила чашку чая и невольно потянула рукав платья, хотя знала, что проклятая отметина и так скрыта. Знак Блейда. Она все еще помнила прикосновение его губ к своей коже, как будто он вырезал это ощущение на ее теле. Сама мысль ее возмущала, — да, возмущала! — но избавиться от хозяина трущоб никак нельзя.

Ее записи, написанные тонким почерком механической машины по копированию писем, усеивали отполированную поверхность красно-коричневого секретарского стола. Онория только что закончила заниматься с мисс Ловетт, которая делала значительные успехи. Ученица теперь заикалась только при сильном волнении и могла по памяти назвать все Великие дома Эшелона: Мэллорин, Казавиан, Блайт, Ланнистер, Кейн, Гёте и Мориоч.

— Конечно, мистер Мейси, я только что смотрела мои записи, касающиеся мисс Ловетт. Поговаривают, что она привлекла внимание мистера Джорджа Фицуильяма из дома Ланнистера. Дальний родственник герцога, но для академии это большая удача, сэр.

— В самом деле.

Посерьезнев, он зашел в гостиную, где Онория проводила уроки, и очень осторожно закрыл за собой двери.

Онория почувствовала, что весь воздух вышел из легких, опустила перьевую ручку и разгладила юбки. Она всем сердцем чувствовала, что разговор сулит беду, а то и катастрофу.

Тем не менее сохранила улыбку на губах и предложила:

— Сэр, не хотите ли чаю?

Мистер Мейси сел в мягкое кресло. Робот с чайницей завис рядом, выпуская облачка пара из затвора на голове.

— Нет, благодарю. Боюсь, мисс Прайор, нам нужно серьезно поговорить.

— Простите, сэр, знаю, мое вчерашнее отсутствие непростительно. Обещаю, это не повторится. Болезнь Чарли застала меня врасплох. Я не...

— Это не касается болезни вашего брата, — возразил мистер Мейси, глядя водянистыми глазами сквозь очки с металлической оправой. — Сегодня утром меня заходил проведать дорогой друг мистер Бромли. Он утверждал, что видел, как вы проходили через Олдгейт три дня назад после работы, выходя из города.

Сердце Онории ушло в пятки, но ей удалось сохранить улыбку на лице.

— Боюсь, мне пришлось проверить некое несоответствие в вашей истории, мисс Прайор. — Мистер Мейси достал записку из кармана. — Я отправил телеграмму миссис Гримпторп в Оксфорде, на которую вы ссылались в рекомендациях. Ответ пришел днем. — Работодатель посмотрел на подчиненную. — Что вы можете сказать в свое оправдание?

О боже.

— Я никогда не давала вам повода сомневаться во мне, мистер Мейси, взяла только три отгула, ухаживая за Чарли, с тех пор, как начала работать на вас, а мои ученицы делают потрясающие успехи.

Мистер Мейси вытащил конверт из кармана и бросил на стол.

— Мне очень жаль, мисс Прайор, вы были образцовой служащей, но я не могу рисковать, держа в академии особу с темным прошлым. Как вы сами сказали, мисс Ловетт ведет переговоры о контракте трэли с домом Ланнистера. Тогда заведение Мейси станет Академией изящных искусств, и Эшелон чрезмерно заинтересуется нашей школой. Вы явно что-то скрываете, и с моей стороны было бы грубостью настаивать на ответе, но сам факт, что вы предоставили рекомендацию от несуществующей женщины, а также отсутствие акцента уроженки Оксфорда, — да, я тоже различаю акценты, — говорит мне, что наше сотрудничество продолжать нежелательно.

— Мистер Мейси, умоляю... — Что-то горячее скользнуло по ее щекам. Боже, она плачет? Онория прикоснулась к лицу пальцем в перчатке и уставилась на мокрое кружево. — Умоляю, не делайте этого, у меня есть младший брат и сестра. Они зависят от

меня.

Мистер Мейси неловко пробормотал:

— Я написал вам замечательную рекомендацию и добавляю банковский чек с оплатой за следующие две недели.

Онория знала, когда битва проиграна. Решение работодатель принял еще до того, как войти к ней в кабинет. Она посмотрела на конверт. Две недели. А потом останется только скудное жалованье Лены. Этого недостаточно, но мистер Мейси, поймав ее на лжи, вообще не обязан был ничего давать.

Жаль, что Онория не сможет получить деньги по чеку, так как не рискнет показывать свое банковское удостоверение личности. А у мисс Прайор документов не было.

— Мне очень жаль. — Она в расстройстве опустила голову. — Я соберу свои вещи. Благодарю за... рекомендацию.

Мистер Мейси встал, очевидно стараясь поскорее покончить с неприятным делом.

— Вам вызвать паровой кэб?

Онория тихонько фыркнула. Пять шиллингов за проезд.

— Нет, нет, благодарю, сэр. — Встала, расправила юбки и почувствовала странное облегчение. Больше никаких язвительных замечаний от Лены насчет платьев, носимых Онорией с целью пустить пыль в глаза мистера Мейси. И не нужно выскальзывать тайком, делая вид, что едет на трамвае до Вест-Энда, ведь именно это место жительства указала работодателю.

Онория понимала, что скоро оцепенение спадет и сердце от страха уйдет в пятки. А в голове, как стервятники, начнут кружить вечные вопросы: «Где найти работу? Как прокормить семью? Чем платить за аренду? Как достать теплую одежду на зиму, которая вот-вот начнет?»

Но сейчас она не могла об этом думать, а только постепенно осознавать, что подбросила ей судьба на сей раз.

— Благодарю, сэр, — повторила Онория и вышла в коридор, чтобы забрать шляпку и ридикюль.

* * *

Оцепенение прошло даже раньше, чем хотелось бы. Стоило Онории выйти на улицу, сжимая в руке рекомендательное письмо, как холодный, промозглый ветер пробрал ее до костей. Казалось, что шляпка вот-вот слетит с головы, даже слезы на щеках высохли. Она не могла позволить себе плакать, от этого никакой пользы. Слезами делу не поможешь.

Только по ночам она не могла сдерживать печали.

Дым навис над лондонскими крышами. Солнце доблестно пыталось пробиться сквозь тучи. Казалось, улица тянулась бесконечно, по ее бокам выстроился парад однообразных серых домов. Вечер еще не наступил. Трехколесные велосипеды и паровые повозки ехали по улице, и лишь парочка прохожих с любопытством уставилась на Онорию, застывшую у дверей.

Она сделала шаг вперед, а потом другой. За дверью академии Мейси не чувствовалось такого ветра, но теперь он проникал прямо через изношенные до нитки чулки и легкий розовато-лиловый плащ. Мисс Тодд топталась на тротуаре, не зная, что делать. Пойти

домой? К Чарли? По крайней мере, теперь она сможет ухаживать за ним, не беспокоясь, что оставляет брата дома одного. Или пойти искать работу?

Она посмотрела на конверт.

Какую бы должность ни удалось получить обманом, этого недостаточно. Даже работа у Мейси не приносила нужных средств. Чарли необходима сытная еда, лекарства, чтобы снизить уровень вируса жажды, и доктор, не задающий вопросов и не стремящийся сообщить Эшелону о его состоянии. Онория изматывала себя, пытаясь притвориться, что сможет достать все необходимое, когда точно знала, что это невозможно. Мистер Мейси всего лишь заставил ее открыть глаза.

Ей нужно много денег, и продать можно только две ценности.

Вспомнив, как Блейд небрежно разбрасывался золотыми соверенами и шиллингами, Онория точно поняла, где достать средства. Но ее тошнило от такой расчетливости. Если выбрать этот путь, то дороги назад уже не будет. И жившая в глубине ее души частичка, которая принадлежала юной, наивной девчонке, грезящей о белом рыцаре, который умчит ее прочь, не хотела расставаться с принципами. Блейд был добр к ней, и пусть за его ухаживаниями стояли скрытые мотивы, она не могла удержаться от мечтаний.

Онория медленно пошла в сторону города. Она инстинктивно знала, куда идет, хоть мысленно и сопротивлялась. Это последний шанс. Опасный, ужасный выбор, ведь она рискует очутиться в недрах печально известных тюрем Эшелона ещё до заката, но попытаться стоило.

Если ее постигнет неудача... Ну что ж, тогда Онория похоронит мечты, соберет остатки гордости и придет к Блейду молить о том, чтобы стать его содержанкой.

* * *

На Онорию злобно уставился громадный металлический орел, расправивший крылья над полой стеклянной сферой, охранявшей ворота. В середине круглого механизма пульсировал электрический шар, время от времени выпускавший синюю молнию, поражающую внутреннюю поверхность стекла.

Мисс Тодд смотрела на искру, чувствуя, как вспотели ладони в изношенных кружевных перчатках. Засунув удостоверение личности в щель у ворот, она ждала, затаив дыхание, пока металлические зубцы опустятся в выемки в карточке. Аккумулированная молния засверкала, но не ударила. Выдохнув, Онория осторожно вошла в сад.

До Вickers покровителем отца был герцог Кейн. Онория выросла в этом доме и знала его почти так же хорошо, как сам хозяин.

Пройти в служебные помещения можно с черного хода. Онория кралась через заросли, прислушиваясь, нет ли поблизости служебного робота или гуляющих трэлей. Сады оказались не такими огромными, как ей запомнилось. В детстве они виделись бесконечными, с многочисленными тропками, где они с Леной бегали, и густой листвой, за которой можно спрятаться. Онория дошла до черного хода на кухню и открыла дверь. Разумеется, там никого не было. Здесь питались только трэли, и, по последним сведениям, у Лео их лишь трое.

Дом Кейна почти не изменился. Вот и проблема долголетия. По прошествии многих лет голубокровные не меняли ничего ни дома, ни в управлении страной. Принц-консорт правил

уже сорок лет, но с тех пор, как он установил суровые законы, почти ничего не изменилось. Городские стены разделяли Эшелон и бедняков. Иными словами, у каждого свое место и своя задача.

Конечно, подобное правление не преуспело во Франции. Тамошняя инфицированная аристократия считала себя неуязвимой. И только когда большинство из них сложили головы на плахе революции, английские голубокровные перестали поживать на лаврах и занялись проблемой. Пусть люди и годны в основном только на роль трэлей, все же они могут представлять опасность.

И умный принц-консорт это понимал. Официально правила его красивая молодая жена, королева Александра, но всем было известно, кто на самом деле стоял у власти. Люди любили королеву, поэтому принц-консорт выставлял ее напоказ на улицах и собирал восторженные толпы под дворцовым балконом. На людях он пылинки сдувал с жены и изображал красивого голубокровного возлюбленного. И если глаза королевы остекленели, а кожа слишком побледнела, большинство обывателей считали это данью моде.

И, конечно, в случае беспорядков в дело вступал легион металлוגвардейцев.

Онория проникла на нижние этажи, касаясь дорогих белых китайских обоев на стенах. Мраморные полы цвета слоновой кости с турецкой красной ковровой дорожкой посередине. Несколько раз мисс Тодд слышала тихий отчетливый шум служебного робота и пряталась в одной из комнат для гостей. Автоматизированные уборщики, может, и не умели справляться с незваными гостями, но были способны поднять тревогу.

Онория скользнула в закрытый лабиринт коридоров служебного крыла и поднялась на третий этаж. В библиотеке слышались голоса. Стараясь не наступать на скрипучие половицы, Онория пробралась в хозяйскую спальню.

Большую часть комнаты занимала громоздкая кровать с пологом на четырех столбиках, к которым были привязаны тяжелые занавески из красного бархата. Послеполуденное солнце отбрасывало сияющие квадратики на красные ковры.

Онория достала из ридикюля тяжелый пистолет. Не стоит рисковать. Отец говорил, что если ей когда-нибудь понадобится помощь, то стоит прийти сюда, но Лео Бэрронс, которого она знала — мальчишка, подкладывавший лягушек ей за пазуху и обманом заставивший дотронуться до сферы с аккумулятивной молнией, — уже вырос и изменился. Он теперь один из них.

Дверь распахнулась.

— Какого черта ты здесь делаешь? — прошипел Лео, закрыл дверь и угрожающе шагнул в сторону незваной гостьи.

Онория подняла пистолет и взвела курок.

— Стой на месте!

Лео застыл, а на его лице появилось непонятное выражение. Онория воспользовалась возможностью рассмотреть Бэрронса. В детстве он был блондином, но теперь его шелковистые и похожие на лунный свет волосы потемнели до цвета старинного золота. Сегодня Лео облачился в накрахмаленный черный бархатный камзол с буфами на рукавах, свободную белую рубашку и обтягивающие кожаные брюки. На пальцах блестели кольца, в ухе сияла золотая серьга со свисающим рубином.

— А ты изменился, — заключила Онория. Его кожа казалась бледной, почти... серебристой.

Посмотрев на пистолет, Лео пожал плечами.

— Такова жизнь. — Пройдя по комнате с кошачьей грацией, он завернул к шкафчику с напитками. Глянул искоса из-под шелковистых ресниц и помахал бутылкой с плещущейся внутри рубиново-красной кровью: — Не желаешь выпить?

— Благодарю, но откажусь.

Лео плеснул крови в бокал. И хотя питье напоминало кларет, оно казалось плотнее и не таким прозрачным, как спиртное. Без сомнения, куплено прямо со слив-заводов Уайтчепела. Мисс Тодд смотрела на хозяина дома с отвращением. Знает ли он, сколько людей продали жизни за то, что он так небрежно пьет? Да и есть ли ему до этого дело?

— За тобой охотится половина жителей Лондона, — проворчал Лео, не сводя с Онории черных как ночь глаз.

— Я была осторожна.

Приподняв бровь, Бэрронс спросил:

— Пристрелишь меня? Нет? Тогда убери игрушку.

Онория сосредоточилась на прицеле, который превратился в четкую линию, а Лео стал размытым черным пятном на заднем плане. Бэрронс шевельнулся, и она подняла глаза одновременно с тем, как он обхватил дуло пистолета.

— Опустит оружие, Онория, пока кто-нибудь не пострадал.

На этот раз в его голосе не было ни следа мальчишеской беспечности.

Мисс Тодд стиснула зубы.

— Если бы я хотел тебе навредить, то не стал бы подниматься наверх, а просто послал бы сюда Викерса, — заметил Лео, подняв руки вверх.

— Викерса? — В ужасе Онория опустила пистолет. — Он здесь?

— В библиотеке. — Лео поморщился. — Тебе чертовски повезло, что он тебя не учуял — до того сам надушился. О чем ты только думала, явившись сюда? Ты же понимаешь, что за домом следят.

— Я в отчаянии, и никто не видел моего лица. Я опустила голову, и шляпка...

— Черт возьми, твой запах, Онория. Охранники полагаются не только на зрение.

Она тут же с подозрением посмотрела на Бэрронса.

— Зачем пришел Викерс?

Лео улыбнулся такой знакомой насмешливой улыбкой.

— Политика. Он пытается меня использовать. Твой побег плохо отразился на его репутации.

Онории поневоле стало неловко. Не стоило беспокоиться, Лео для нее ничего не значит, но...

— С тобой все будет в порядке?

— А тебе не наплевать? — спросил он, глядя на нее в упор.

— Конечно же, не наплевать.

Бэрронс моргнул и посмотрел в бокал.

— Я тебе не нравлюсь.

— Я бы и врагу не пожелала столкнуться с Викерсом. К тому же отец всегда благоволил тебе, — прошептала она.

Они встретились взглядами.

— Тебе нужны деньги, — прошептал Бэрронс, проведя пальцем по краю бокала и опустив глаза.

— Я потеряла работу, мой наниматель понял, что я что-то скрываю.

— Найди другую.

Лео поставил бокал и пошел к двери.

— Не могу. — Онория схватила его за рукав. И то, как он застыл, пугало. — Я не могу прокормить Лену и Чарли, даже работая. Мне нужно взять немного из трастового фонда, который отец для нас учредил. Ты — душеприказчик. Мне нужно совсем немного денег, чтобы продержаться, пока...

Лео вырвался и схватил ее за запястье.

— Ты не понимаешь. Если я воспользуюсь средствами фонда, люди начнут задавать вопросы. Плохо уже то, что твоей отец назначил меня душеприказчиком. Я не смогу объяснить, зачем снимаю большие суммы денег.

— Тогда возьми из своих и можешь оставить себе все папино наследство. Только одолжи мне немного, чтобы продержаться год. Обещаю, что прошу в первый и последний раз. Больше ты меня не увидишь.

— Не могу.

Ее кровь вскипела.

— Ты имеешь в виду, что не станешь. Ты, ревнивый сукин сын, ты так поступаешь потому...

— Молчи.

— Они и твои брат и сестра. — Онория пожалела, что не сдержалась. Она до сегодня не говорила Лео, что знала, почему он так третировал ее в детстве или с какой стати отец так часто говорил о нем.

Лео окаменел.

— Я — Кейн, так что лучше не бросаться подобными обвинениями, особенно вслух. Я ведь могу и обидеться на измышления о незаконном рождении. Тебе повезло, что у меня еще остались какие-то странные теплые чувства в отношении тебя и твоей семьи. Денег не дам, тебе придется справиться самой. — Он скользнул взглядом по фиолетовым юбкам с элегантными оборками, скрывающими потертый подол. — Непохоже, чтобы все было так плохо. Наверное, стоит расстаться с предметами роскоши, что ты захватила с собой.

Онория стиснула зубы и прошипела:

— Я ошиблась, думая, что ты порядочный человек. Признаю свою неправоту.

— У тебя пять минут. — Лео пошел к двери развязной походкой. — Я отвлеку Викерса. И, ради бога, побрызгайся моим одеколоном, чтобы скрыть свой запах. — Внезапно он остановился. — Кстати, у тебя случайно нет дневника?

— Дневника? Отцовского дневника? — Ложь легко сорвалась с ее губ.

— Да.

— Я не видела его с тех пор, как сбежала из дома Викерса. — И не скажет Лео, даже если бы и видела. — А что?

— Ты уверена? — спросил Лео, глядя на нее черными глазами.

— Уверена.

Он кивнул, и яркий блеск в его глазах потускнел.

— На твоём месте я бы не задерживался. И больше сюда не приходи.

— Не волнуйся, не приду.

Ее последний шанс вышел в коридор и захлопнул дверь.

— Черт возьми!

После всего случившегося ей казалось, что Лео мог бы найти в себе частичку

человечности и помочь им.

Похоже, она ошиблась. А теперь очутилась в ловушке в одном доме с монстром из кошмаров, и можно только надеяться, что Лео ее не предаст.

Она была такой дурой. Пыталась избежать неизбежного. Онория потеряла руки. Зачем мучиться? Неужели так плохо продавать себя? Возможно, в глубине души жила вера, что они выкарабкаются из ужасного болота, и она займет свое прежнее место в обществе.

Теперь возвращение невозможно. И сбежать нельзя. Она неделями голодала из принципа. А хуже всего: сознавала, что этим все и закончится.

Может, все будет не так уж плохо. Блейд ничего ужасного ей пока не сделал. И хотя он не классический красавец, но все же своим присутствием заставлял ее сердечко трепетать, а тело теплеть. Говорят, что иногда женщина даже испытывает удовольствие в процессе, но Онория съезживалась от отвращения при одной лишь мысли.

Кого она пытается обмануть?

* * *

— Неприятности? — спросил Викерс, выглядывая из окна. Солнце осветило его бледную напудренную кожу и светлые, почти белые кудри. Как и старшее поколение голубокровных, герцог пудрил волосы. Ресницы тоже были слишком белыми, а губы — девичьи розовыми.

Лео тихо и осторожно закрыл за собой дверь.

— Вовсе нет. Одна из моих трэлей заскучала.

Бэрронс улыбнулся, зная, что Викерс почувствует аромат крови в его дыхании.

Снаружи тихонько закрипели половицы. Когда Онория прошмыгнула мимо библиотеки, до Лео донесся сильный запах его одеколona. Викерс безразлично посмотрел вслед девушке и ровным тоном заметил:

— Стоило бы научить ее не мешать.

Лео вскинул бровь и устроился в кресле, закинув ногу на подлокотник.

— Уже сделано, больше она меня не побеспокоит.

Викерс кивнул.

— Хорошо. Так ты что-нибудь выяснил о местонахождении семьи Тодд? Бэрронс, прошло уже шесть месяцев! Кое-кто мог бы подумать, что ты прилагаешь мало усилий.

В устах герцога это обычное замечание превратилось в угрозу. Лео покрутил кольцо, глядя, как свет играет в изумруде. Ему хотелось поскорее избавиться от Викерса. Люди Лео искали вампира, но так пока и не нашли.

Но скоро найдут. Не вампира, так его следы. Существо не сможет устоять перед искушением. Оно станет убивать жителей Лондона, и у Эшелона возникнут проблемы. И тогда одного дуновения ветерка хватит, чтобы развалить карточный домик, который Бэрронс отчаянно пытался удержать на месте. В его мире все зависело от внешнего благополучия, и если кто-то из его многочисленных врагов докажет, что ему было известно о вампире, дом Кейна уничтожат вместе с чудовищем.

Тот, кто знал о голубокровном, близком у Увяданию и не уведомил власти, по меньшей мере получит суровый выговор от Совета. Но если станет известно, что именно он ответственен за инфицирование и появление вампира...

У него нет времени ни на Онорию, ни на других. Им придется выпутываться самостоятельно.

— Твои драгоценные Ночные ястребы тоже не нашли ни одной зацепки, — ответил Лео, точно зная, почему так получилось. Онория почти не оставила следов, а остальное он сам уничтожил давным-давно. — Терпение, Викерс, они выберутся на свет. И когда это случится, я буду их поджидать.

Мрачное выражение промелькнуло в бледно-серых глазах Викерса и тут же пропало. Он изучил аккуратно подстриженные ногти и кружево, свисающее с рукавов.

— Первым позови меня. Только найди их, а я уж разберусь с неблагодарными паршивцами.

— А девушка? Онория?

На этот раз Викерс не смог скрыть жар похоти во взгляде.

— Онория, — ласково прошептал он. — Она моя. Пора сломать эту надменную сучку. — Герцог встал и щелкнул пальцами. — Найди их и сообщи мне. — И без лишних церемоний вышел в облаке духов. Сильный аромат не мог полностью скрыть присущий ему слабый запах гнили.

Лео смотрел, как закрылась дверь, лениво покусывая ноготь. Увидев свою руку, он застыл. При свете его кожа казалась почти серой. Результат инъекций коллоидным серебром уже нельзя скрыть. Он не может этим заниматься бесконечно долго, иначе в Эшелоне прознают, что Лео отчаянно пытается подавить вирус.

Ему нужен дневник, пока он сам не стал источать запах гнили. Но если записи не у Онории, то где же?

Онория постучала в дверь, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Вокруг нее кружился густой туман. Она нервозно оглянулась через плечо, затем покрепче запахнула новую шаль.

Утром Онория продала все платья и материнскую брошь. Этого хватило, чтобы оплатить астрономические счета от доктора и даже осталось несколько монет на месячную ренту. Она купила пару приличных повседневных платьев, сшитых из кусачей шерсти коричневого и серого цвета, а также прочные ботинки. Лена, увидев, что сделала сестра, заплакала.

К своему изумлению, Онория почти не жалела, что разорвала последние связи с прежней привилегированной жизнью. Теперь уже назад пути нет. Как ни странно, она не чувствовала ничего, когда отдала красивые платья. Волновалась лишь, сколько можно за них выручить.

Стоило бы подождать. Денег хватит на целый месяц, но не следовало тянуть в надежде на чудо. Если она не договорится с Блейдом сейчас, то не наберется смелости никогда.

Из-за приоткрывшейся двери выглянул мальчишка, приставший к ней тогда на площади.

— Те нельзя выходить в темноте, военное положение.

— Мне нужно увидеться с Блейдом.

— Его нету.

«Есть еще время отступить», — подумала Онория и тут же задавила эту мысль на корню.

— Что значит «его нет»? Где он?

— В Ямах, — ответил сорванец. На мгновение его лицо расслабилось, и линия челюсти стала не такой напряженной.

— В Ямах, — повторила Онория. Ужасное поле боя, где мужчины дрались друг с другом и с животными. Самый популярный из кровавых видов спорта, и приличной даме там точно не место.

Мальчик схватил отвернувшуюся Онорию за руку.

— Эй, постой, куды собралась? Без сопровождения никак низя. Где Уилл?

— Уилл? Понятия не имею. А что?

— Он должен за тобой присматривать.

Онория прищурилась:

— О чем ты говоришь?

Малец открыл рот и закрыл.

— Ни про че.

Онория схватила грязнулю за запястье.

— Что значит, Уилл за мной присматривает?

— За вашим домишком! — Малец вывернулся из хватки мисс Тодд и надменно зыркнул: — Защищает от убийцы.

Защищает? Только Блейд мог отдать такой приказ. Но зачем? В общем-то, она под его защитой, как и многие другие граждане, но ни у кого из них не было большого и сильного телохранителя.

— Что Блейд задумал?

— Хосподин защищает своих. — Ребенок неопределенно пожал плечами, пальто

натянулось, показывая небольшие округлости. Девочка.

— Как тебя зовут? — спросила Онория.

— Ларк.

— Ларк, а ты не знаешь, надолго ли он ушел?

— Наверняка вернется к рассвету. — Ларк покосилась на мисс Тодд. — Эй, обожди, все равно никуда ты не пойдешь!

Онория отступила назад в туман. Ей нужно сделать это сегодня, пока трусость не взяла верх. Но не настолько Онор глупа, чтобы идти самой так далеко, когда в округе бродит убийца.

— Где этот Уилл? Хоть какая-то от него польза.

— У вас за спиной, — раздался голос из ниоткуда, испугав обеих собеседниц.

Высокий юноша прыгнул с крыши и приземлился рядом с Онорией, коснувшись булыжников кончиками пальцев. Кожаные подтяжки пересекали его массивную грудь, а некогда белая рубашка была порвана на плечах, открывая напряженные бицепсы.

О боже. Онория уже видела почти обнаженных мужчин в Уайтчепеле, но никто из них не обладал такой... впечатляющей мускулатурой.

Парень выпрямился, и Онория подняла голову. Выше, выше. Встретив взгляд желтых глаз, она поежилась.

— Мне нужно увидеться с господином.

— Сколько мне те талдычить, Ларк: нельзя открывать дверь. Иди в дом и не высывайся. — Уилл снова посмотрел на незваную гостью и, стиснув зубы, проворчал: — Вы ж смекаете, что паршиво на него влияете?

Акцент трущоб в его голосе не был таким явно выраженным, как у других. Онории даже послышался легкий шотландский выговор в некоторых словах. Уилл шагнул ей навстречу, но Онория не отступила, хоть и очень хотела.

— Как же?

— С вами он плохо соображает. Вы — одна из ихних, вся такая высокородная. Капризная девчонка, что заморочит ему голову, и которую волнует лишь личная выгода.

Онория все же отступила назад. Парень прав. Она действительно думала о том, что может получить от Блейда. Но тут ей вспомнились его слова в пабе: «Однажды ты будешь умолять меня взять тебя...» И чувство вины как рукой сняло. Они всего лишь заключат сделку, ничего личного.

И резковато ответила:

— Он хочет кровь, а я готова ее предоставить. Так ты меня к нему проводишь или нет?

В прищуренных глазах Уилла сверкнул золотой блеск.

— Ага, но если вы ему навредите, то будете иметь дело со мной. Подумайте об этом хорошенько.

* * *

На него накатил шум: боец на арене рухнул, и толпа взревела. Блейд откинулся в кресле, закинул ноги в сапогах на перила своей личной ложи в Ямах и уставился на происходящее сквозь облако сигарного дыма.

— Схватка за Грейди! — воскликнул смеющийся О'Шей, глядя на список ставок. — Я ж

те говорил, что победит он!

Блейд стряхнул пепел с кончика сигары.

— Хамло всего лишь упал, а не выбыл. Зырь.

О'Шей повернулся как раз, когда Джим Хамло ударил обувью в сапог со стальными пластинами ногой прямо по колену Грейди. Раздался треск, и боец рухнул с гримасой изумления и боли на грязном лице. Хамло тут же оказался на противнике, молотя того огромными кулаками. На белый песок брызнула кровь, снова вызвав одобрителный гул толпы.

— Клятый бесполезный трус! — рявкнул О'Шей, разорвал билет в клочки и бросил в толпу, словно пригоршню снежинок.

Внимание Блейда привлекло движение в одной из лож по другую сторону ринга. Потушив сигару, он опустил ноги на пол.

— Голубокровные приперлись. Прикрой мне спину.

— О, точняк!

О'Шей поднял глаза, в жажде крови позабыв о цели их прихода, и, прищурившись, проводил взглядом трицу гостей, усевшихся напротив. За креслами расположились двое охранников, внимательно изучающих толпу. А в опущенных руках у них наверняка оружие.

Блейд уперся в перила и, перемахнув через них, приземлился в самую гущу двигающихся потных тел. Жар похоти толпы опалил его и участил пульс. Везде кровь. Блейд чувствовал ее на песке, на костяшках, засохшие пятна на одежде мужчин и даже некоторых затесавшихся женщин.

Он сегодня уже кормился, но голод притаился, ища бреши в его броне. Это чувство никуда не девалось, всегда держа хозяина настороже. Одна слабина — и он превратится в монстра, вгрызающегося в толпу, и прольет на ринг больше крови, чем хотелось бы зевакам.

Однако они не замечали близкой угрозы. Блейд — тигр в их среде — был им знаком, поэтому его не боялись. Он чувствовал настороженные взгляды, но никто не отступил.

Все больше глаз обращалось к надушенному трио в той ложе. Дебни прижимал к лицу надушенный носовой платок, глядя, как с ринга выносят потерявшего сознание бойца. Возле него сидел молодой удалой Лео Бэрронс, наследник герцога Кейна, а третий...

Стоило Блейду посмотреть на Аларика Колчестера, отпрыска дома Ланнистера, младшего кузена Векерса, как весь остальной мир отступил на задний план.

И посерел, затем покраснел. Блейд тяжело дышал, раздувая ноздри, и боролся с голодом.

— Блейд? — спросил О'Шей, наткнувшись на господина.

У того задергалась щека.

— Не прикасайся ко мне.

О'Шей отступил, опасаясь смертельно-тихого тона хозяина. Он знал, что это значило, и сдерживал толпу, пока Блейд не взял себя в руки.

Еще не время. Векерс заплатит вместе со своим домом, но не здесь и не сейчас.

Голод вцепился в него, но Блейд насильно успокоил жажду, тяжело сглотнул, приклеил улыбку и пошел дальше. Толпа перед ним расступилась, будто наконец почувствовала угрозу.

Он вскочил, балансируя на краю ограждения. Бэрронс заметил Блейда, окинул взглядом необычных обсидиановых глаз и отвернулся. Голубокровный что-то прошептал своим спутникам, которые тут же повернулись к хозяину трущоб.

Блейд прошелся по ограждению и схватился за край ложи. Спрыгнул, резко кивнул и

прислонился к перилам, сложив руки на груди.

— Здрасти!

Дебни снова поднял носовой платок, будто Блейд плохо пах. Таким способом голубокровный давал понять, что собеседник воняет как вампир.

Охранники позади Дебни напряглись, привстав на цыпочки. Они были обычными людьми. Истинная опасность крылась в трех сидящих голубокровных, которые изображали безразличие. С Дебни Блейд мог справиться, возможно, и с Бэрронсом тоже, но Колчестер — жестокий ублюдок — отлично владел мечом.

— Убирайся, хам, — приказал Дебни. — И на этот раз я прощу оскорбление. — Он не сводил глаз с поля боя, будто появление Блейда его не заботило. Густые белые локоны аристократа были зачесаны назад, открывая высокий лоб, и сильно напудрены в грегорианском стиле, от которого старшие голубокровные пока так и не избавились. Иногда Блейд задавался вопросом, не делали ли они это, чтобы скрыть, насколько близки к Увяданию — к тем последним месяцам, когда все оттенки покидали тело, и голубокровные становились кровожадными тварями, которых презирали.

— Вы не в городе, милорды.

— Но ты один. — Дебни окинул его холодным взглядом серых глаз. — Даже ты не сможешь справиться с тремя представителями Эшелона.

Блейд мотнул головой.

— Вон там, напротив. Видали мужика с винтовкой? Я наказал ему стрелять в голову. А вашей троице остается догадываться, в кого он целится сейчас. Мне все равно, выбирает он.

О'Шей помахал рукой и хитро ухмыльнулся.

Охранники нервно поежились.

— Чего ты хочешь? — спросил Бэрронс.

А. Ну хоть у одного рассудок еще на месте.

— Я бы не побеспокоил блахародных лордиков, да проблема у мя в трущобах.

— Сам и разберись, — презрительно отрезал Дебни. — К нам это не имеет никакого отношения. Сам нагадил, сам убирай.

— Ага, вот только энто не я нагадил, — наклонившись, прошептал Блейд. — У меня тут неприятность с вампиром. Мож, справлюсь сам, а мож, и нет.

И тут они обратили на него внимание.

— Это невозможно, — прищурившись, сказал Колчестер. — В городе об этом ни слуху, ни духу. Никто не подошел так близко к Увяданию.

— Насколько вам известно, — парировал Блейд, внимательно разглядывая Бэрронса. Остальные снова расслабились, но этот тип все еще был напряжен.

— Два трупа на улице. Мои парни считают, что это война меж вами и мной. Я помалкиваю, иначе весь город поддастся панике.

— А может, это собака? — предположил Дебни.

— От него несет гнилью. Я знаю, как пахнут вампиры, и как они раздирают горло.

Колчестер, изучая ногти, проворчал:

— Нет никаких доносов о незарегистрированных голубокровных и грязнокровных.

Таких, как Блейд. Обращенных кем-то веселья ради в юном возрасте и оставленных гнить в канаве. Им еще везло, если голубокровные не убивали их сразу. А может, и не везло. Блейд вспомнил тяжелую железную клетку и непрекращающийся стук капель в темноте. Голод, пожирающий изнутри, пока не начинаешь вопить от боли. Викиерсу нравилось

держат его взаперти и морят голодом. Кровь успокаивала голод, не давала человеку превратиться... в кое-что похуже. А без крови Увядание быстро достигало обращенного, и человек становился вампиром уже через месяц.

Блейд был прорывом Викерса. Три месяца без крови, а не обернулся. Каким-то образом ему удалось сдерживать голод внутри себя. И только это спасло его шею от гильотины. Викерс пожелал узнать, как пленнику это удалось, но не поверил Блейду.

«Я разорвал сестру на части. И больше не сорвусь, не потеряю над собой контроль».

Эмили. Воспоминания о ней поддерживали в нем силы.

Блейд моргнул и вернулся в реальность. Воспоминания были настолько живыми, словно это случилось вчера. Улыбка Эмили, которую сестра приберегала только для него...

Но сейчас он смотрел на стиснутые, тонкие губы улыбающегося Колчестера.

— Значит, кто-то что-то скрывает, — ответил Блейд. — И не сообщил о пропаже голубокровного. Если это неуправляемый грязнокровный, то кто его заразил?

— Это незаконно! — промычал Дебни.

Блейд ележно уточнил, не сводя глаз с Колчестера:

— Правда? А ведь я тут стою. Живое свидетельство вашей лжи, сколько бы вы не пытались мя убить.

Бэрронс с любопытством следил за разговором.

— Викерсу сделали суровый выговор.

— Этого недостаточно, но однажды он заплатит.

Колчестер дернулся, но Блейд успел поднести нож к его горлу, не дав противнику пошевелиться.

— На вашем месте, твоё герцогство, я б не рыпался, или перережу горло от уха до уха. Любезный подарок моему дружку Викерсу. Он ведь в те души не чаёт. Любимый младший кузен.

— Довольно, — вмешался Бэрронс. — Вы передали послание, а теперь исчезните, пока мы не решили, что вы зашли на чужую территорию.

Блейд поднял глаза и улыбнулся.

— Ага, но вы-то в моей вотчине, не я тут чужак.

Толпа взревела, а с ринга послышалось бульканье умирающего. Колчестер пытался не дышать, на воротнике появилась тонкая кровавая линия.

Блейд еще немного поглядел Бэрронсу прямо в глаза, затем отступил.

Колчестер вздохнул, сплюнул и попытался подняться.

— Сукин ты сын!

Бэрронс схватил спутника за руку и заставил снова опуститься.

— Сядьте! Люди смотрят.

— Так пусть смотрят, как я прикончу эту чертову дворнягу! — возразил Колчестер.

Дебни осмотрелся.

— Только не здесь.

Колчестер прищурился и с ненавистью зыркнул на Блейда.

— Ты за это заплатишь!

Тот пожал плечами.

— Ага, но у тебя для этого кишка тонка!

Вдруг что-то в толпе привлекло внимание Бэрронса. Его глаза расширились, а затем он слишком поспешно отвел взгляд.

Блейд перекинул ногу через перила и посмотрел, что такого тот заметил в море людей. Через толпу шла Онория, едва узнаваемая в угольно-серой шерстяной шали, накинутой на голову. Она двигалась по пятам за Уиллом, который прокладывал дорогу к ложе господина.

Бэрронс снова скучающе оглядел толпу, но на секунду дольше задержал взгляд на девушке. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы вычислить, лишь скользнув взглядом по лицу. И голубокровный не хотел, чтобы кто-нибудь это понял.

Откуда? Блейд стиснул перила, чувствуя в себе что-то жестокое. Это суровое и первобытное существо хотело вырвать у голубокровного глотку. Кто ей Бэрронс — друг или любовник? Почему скрыл их знакомство? Если они с Колчестером приятели, Бэрронс бы привлек его внимание, а тот мог притащить беглянку к Викарсу и получить солидное вознаграждение.

«Через мой труп».

Блейд холодно улыбнулся:

— Приятного вечера, жентльмены. Седня пользуйтесь моим гостеприимством. Однако на вашем месте, больше бы я сюда не заявлялся. Бывайте.

Он насмешливо отсалютовал и спрыгнул с перил.

Пробираясь через толпу, Блейд сунул руки глубоко в карманы. Он сейчас свернет ей шею! И Уиллу за то, что привел ее сюда. Каким местом они думали?

Блейд схватил Онорию за руку, как только они дошли до лестницы в его ложу. Беглянка вскрикнула, но, увидев, кто ее схватил, прикрыла рот рукой и выдохнула:

— Блейд.

Уилл быстро обернулся, а заметив ярость в напряженном теле господина, отшатнулся. Блейд толкнул к нему Онорию:

— Уведи ее отсюда! Живей!

Она врезалась в бок Уилла, а Блейд прошел мимо, вроде как игнорируя парочку, и прошипел:

— Отведи ее домой. И проследи, чтоб не было хвоста.

— Что происходит? — спросила Онория.

Блейд мрачно искоса посмотрел на нее:

— Тут за мной присматривает тройка из Эшелона. Иди с Уиллом и не нервируй парнишку. Я вернусь, как только от них избавлюсь.

Онория побледнела.

— Что они тут делают?

— Обожают кровавый спорт. А теперь марш отсюда.

Если кто-то за ним и наблюдал, они не осмелятся связываться с Уиллом. Любой голубокровный понимал, что значат желтые глаза и чего ждать от крепкого парнишки. Вервульфен в ярости берсерка способен в одиночку расправиться с шестью голубокровными. Поэтому их почти истребили в Англии или держали в клетках Эшелону на потеху.

Как Блейд и подозревал, Бэрронс наблюдал за ним, сложив руки на груди. И, послав врагу леденящую улыбку, одними губами сказал «Моя», зная, что этот голубокровный может читать по губам.

Онория, стиснув кулачки, сидела в гостиной. Уилл помешивал угли, а человек по имени Дровосек катал по полу большой клубок пряжи рядом с Ларк, пытаясь развлечь огромного тринадцатикилограммового кота, который лениво постукивал лапой. Несмотря на мрачную внешность, мужчина по-детски улыбался. Девчушка прижалась к его плечу и устало моргнула.

Дверь распахнулась, и вошел Блейд. Онория напряглась.

Ярость на его лице сменило обычное холодное безразличие. Он щелкнул пальцами, привлекая внимания Ларк и Дровосека.

— Вон! — И обвел взглядом всех, включая Уилла. — Ларк пора баиньки, а вам двоим — на крыши. Туман настолько густой, шо по нему можно ходить. За мной, вроде б то не следили, но с ними никогда не знаешь наверняка. Этих ублюдков не учуять!

Уилл отвернулся от камина.

— Я пытался ее отговорить.

— Верю и не виню тебя. Эту чертовку не переспоришь.

Подручные молча вышли, даже не посмотрев в сторону Онории. Теперь они с Блейдом остались вдвоем. Наедине.

Господин прошел к камину и оперся рукой на полку. Отраженный от полированной поверхности свет озарил его лицо и грудь, скрыв тело в тени. Блейд был одет в черные кожаные штаны, прекрасно сидящие на бедрах, и огненно-красный бархатный сюртук. Карманные часы болтались на ладно скроенном черном пальто с манжетами из того же материала, что и сюртук. Лацканы были расставлены из-за вшитых по военной моде серых застежек-клевант, а шею украшал искусно повязанный платок из черного шелка. Хотя его костюм слегка напоминал непритязательную одежду рабочих масс, Блейд не устоял перед экзотическими штрихами. Единственным признаком истинного настроения сдержанного голубокровного были растрепанные темно-русые волосы.

— Я понятия не имела, что вы сегодня встречаетесь с представителями Эшелона, — пояснила Онория.

Невероятно, Лео был в Ямах с Колчестером. А ведь знал, что этот скользкий негодяй всегда стремился подражать Викарсу.

Блейд сложил руки на груди.

— Откуда мне было знать, что вы пожелаете со мной увидеться? Уговора не было.

— Я... я... — Она запнулась и посмотрела на него, покраснела и опустила взгляд.

— Онор? — Хозяин словно ласкал языком ее имя, от чего у нее по коже побежали мурашки. Он шагнул к ней: — Зачем вы сегодня сюды пришли?

— У вас не найдется чего-нибудь выпить?

— Виски? Ром? Джин?

— А есть бренди?

Блейд молча прошел к шкафчику с напитками. У Онории задрожали колени, и она снова села, сжимая руки. Послышался всплеск жидкости, а потом голубокровный закрутил тонкую металлическую крышку на бутылку.

— Вот, тока не залпом. От него аж пальцы скрючит.

Онория взяла бокал, на мгновение соприкоснувшись пальцами с Блейдом, и ему не захотелось отодвигаться. Посмотрев ему в глаза, она так и не поняла, что у него на уме. Его холодная кожа впитывала лихорадочный жар ее собственного тела. Каково же почувствовать прикосновение холодных, мозолистых рук, двигавшихся с ловким изяществом? Мужские

прикосновения были для неё редкостью. Лишь Викерс, только от его внимания ее тошнило.

Кожа Блейда была такой же холодной, но от его ласк Онория пылала.

— Благодарю, — прошептала она и опустила глаза.

Господин отстранился от нее и отступил.

— Вот, эт вам. — И вытащил небольшой сверток из ящика стола.

Онория внимательно посмотрела на небольшой бумажный пакет.

— Что это?

— Подарок.

Мисс Тодд приняла его, хотя не должна была.

— Вам не следует покупать мне подарки.

В его глазах сверкнул янтарный огонь.

— Откроете или как?

Стоило разорвать обертку, как ей на колени упала пара темно-коричневых лайковых перчаток из такой качественной и роскошной кожи, что, должно быть, стоили целое состояние. Онория почувствовала, как сердце ушло в пятки, и замотала головой.

— Ой, нет, не могу. Нельзя покупать даме такие личные вещи.

— А кому какое дело? — Он с вызовом посмотрел на нее зелеными глазами.

— Мне есть дело. — И это все решило. Он, похоже, заметил, насколько прохудилась ее последняя пара. Подарок сделан очень продуманно. Онория чуть не расплакалась. — Я не могу их принять. — Ещё и из-за того, что она собиралась ему предложить. Мисс Тодд неохотно отложила перчатки.

Его лицо опять стало бесстрастной маской.

— Так чо вы сюды заявились?

Бренди обожгло горло, но согрело ее изнутри. Онория вдруг задрожала, но уже не от холода.

— Сколько? — едва слышно спросила она, но Блейд застыл, словно на него прикрикнули.

— Скока чего?

— Сколько вы дадите за мою кровь?

Господин словно в статую обратился. Онория отвернулась и быстро допила остаток бренди. Черт его возьми! Горло жгло огнём, а слова давались с трудом.

— У меня больше нет работы, а надо оплачивать счета доктора, покупать еду... для брата и сестры. Я в отчаянии.

И все равно Блейд ничего не сказал. В его глазах блеснуло раздражение. Господин отступил от нее, сделал еще шаг, повернулся и уставился в камин.

— Черт побери!

Онорию охватил страх, она считала, что Блейд с радостью ухватится за возможность ее унижить. Ведь не скрывал, что хочет ею завладеть. Но теперь он вовсе не горел желанием заключить сделку. Наоборот, вел себя, будто она ударила его под дых.

Онория встала, цепляясь за юбки. Он не может отказаться, потому что других вариантов у нее нет.

— Я умоляю вас, — прошептала она. И как бы ни было трудно, но удушающая волна страха, что он откажет ей, оказалась сильнее гордости. Ведь самолюбие ее не накормит, не оплатит Чарли лекарства, а Лене — новую, такую необходимую ей шаль.

Блейд оглянулся на нее через плечо горящими от гнева глазами и воскликнул:

— Черт бы вас побрал!

— Хотите, чтобы я встала на колени? — не поняла Онория.

Похоже, ему все же нравятся ее мольбы. Она подобрала юбки и опустилась вниз, как всегда перед представителем Эшелона.

Онория и глазом моргнуть не успела, как Блейд быстро схватил ее за руки и поднял с пола. В смятении она втянула воздух и посмотрела на него.

— Какого вы тут чертову драму ломаете! — рявкнул он, сердито пробуравив ее взглядом, и слегка встряхнул просительницу.

Онория сжала его запястья.

— Я... думала, вы хотите, чтобы я умоляла. Прекратите, вы делаете мне больно!

Блейд отпустил ее и с ворчанием отвернулся. Онория, шатаясь, отступила, глядя, как он прижал ладони к глазам.

Повисла тишина. Мисс Тодд не осмеливалась шевелиться. Она все еще чувствовала фантомное ощущение его рук, давление пальцев и потерла ноющие места.

— Вы не хотите меня? — прошептала она. — А я думала...

— Я хочу вас. — Блейд опустил руки, но все равно не повернулся к ней лицом и тихо вздохнул. — Не сумлевайтесь, милашка. — И тут Онория увидела его почерневшие глаза и застыла.

Она видела такую же реакцию у Викерса, когда тот злился или был голоден. И узнав этот взгляд, научилась вести себя тихо, как мышка.

Блейд опустился в кресло.

— Больше не смейте мя умолять.

Надо же!

— Но ведь вы этого хотели!

— Ага, по правде-то я пошутил. Иногда страдаю гордыней. — Он вдруг усмехнулся. — Скажем, я такой же упрямец, как и вы.

Онория не сводила с него взгляда. Чернота понемногу пропала из глаз, и насыщенно-изумрудный оттенок вернулся.

Блейд сложил руки на животе.

— Скока вам нужно?

Онория прикинула. Лучше начать с высокой ставки, если вдруг он решит сбивать цену, и выпалила:

— Триста фунтов ежемесячно.

Слишком большая цена только за кровь, да и за тело тоже. Хотя, может, ее душа столько и стоит.

— Договорились! — согласился Блейд, встал и подошел к картине, за которой находился сейф с разбросанными как попало стопками монет. Любой другой не осмелился бы держать столько денег в одном месте, но никто в Уайтчепеле не был настолько глуп, чтобы воровать у самого дьявола.

— Вот и все? Я думала... — Онория замолчала. Не стоит сбивать цену. — Сколько раз в неделю вам нужны мои услуги? — И тут же запоздало добавила: — Я только про кровь.

Господин отсчитал деньги. Онория облизнула губы, пытаясь не пялиться на них. Стоит взять монеты, как она окажется у него в долгу, но в голове мысли уже сменяли одна другую. Триста фунтов. Рента, лекарства, плата хорошему доктору и еда... Много еды! Новые перчатки для Лены, нитки для чулок — а, если осмелится, то и новые чулки, — а также

теплое зимнее пальто для Чарли, хоть мальчик и не выходит на улицу.

Как быстро она стала такой меркантильной! Всего год назад свысока смотрела на женщин, продававших себя на улицах. А теперь сама не лучше. Голод и бедность способны заставить человека отказаться от моральных принципов.

— Знаю. — Блейд повернулся и протянул мешочек, который упал Онории в руки с тяжелым перезвоном. Господин сел в кресло и вытащил из кармана золотой портсигар. — Мы эт потом обсудим.

Она оторвала взгляд от мешочка с деньгами и возразила:

— Нет, я предпочитаю выяснить все сейчас. Или не возьму деньги и не буду у вас в долгу.

Блейд поиграл сигарой, перекатывая её между пальцами, словно жонглер.

— Раз в три недели.

— Так редко? — Онория удивленно подняла брови. Это, конечно, разумно. Она опустила тяжелый мешочек на стол и стала снимать шаль одеревенелыми пальцами.

Блейд пожал плечами.

— Телу надобно время, чтоб восполнить запас крови. За много лет я многое выяснил. — Господин, прищурившись, посмотрел на ее руки. — Че вы делаете?

— Я все еще намереваюсь найти работу, поэтому прошу оставить следы где-нибудь под одеждой. — Она знала, что нужно сделать. На ее теле всего пара вен, из которых Блейд мог получить необходимое. А рукава и воротник не особо скрывали порезы. Наконец она сняла шаль, аккуратно свернула ее дрожащими руками и отложила.

— Онория, посмотри на меня.

Если она его послушается, то потеряет самообладание. Онория сняла туфли и подошла к нему, утопая в толстых коврах. Прикосновение его губ к ее коже... При этой мысли новоявленную трэль охватывала дрожь, так как она никогда не испытывала подобной близости. Низ живота запылал.

— Че ты творишь? — спросил Блейд хриплым низким голосом.

Он скрестил ноги, так что кожаные штаны натянулись на бедрах, и впился пальцами в подлокотники, словно сдерживая себя.

— Мы заключили сделку, — напомнила ему Онория, изящно приподняв юбки и положив ногу на подушечку так, что его твердое мускулистое бедро прижалось к ее лодыжке. Пальцы Блейда побелели от усилившегося напряжения.

— Онория.

Она приподняла юбки еще выше, в горле встал ком. Руки дрожали, но подчинились ее воле. Показалась лодыжка в изношенном шерстяном чулке, а потом икра, колено. Дойдя до ленточек подвязок блеклого розового цвета, Онория покраснела. Неужели от стыда, что у нее нет белья и аксессуаров получше, например, красиво расписанных шелковых чулок, как прежде?

Блейд судорожно вздохнул:

— Опустит юбки.

— Я заключила сделку, — упрямо повторила Онория и принялась развязывать ленточки, удерживающие чулок.

Господин схватил ее за руку, кончиками холодных пальцев коснувшись внутренней стороны бедра.

Она машинально посмотрела на него и едва не утонула в горящих глубинах его черного

взгляда. В нем бушевал голод, бездонная пропасть, которую никогда не заполнить.

Мисс Тодд задержала дыхание.

— Ты несколько месяцев жила впроголодь. Те нельзя терять даже малую долю крови, тем более кормить меня. Опустит чертовы юбки, — проворчал он.

— Я вижу, что вы этого хотите! И я больше не буду у вас в долгу, — прошептала Онория. Господин коснулся бедра упрямыцы. На мгновение он словно собирался передумать, а затем снова нацепил суровую маску:

— Черт возьми твою гордость. Она тебя погубит. — Размытое движение, и Онория рухнула на подлокотник, а Блейд оказался на другой половине комнаты.

— Я не... — Онория замолчала, как только Блейд взмахом руки опрокинул вазу с каминной полки. Он развернулся, и парализовал мученицу разъяренным взглядом.

— У тебя нет ни капли самосохранения! Ты слишком слаба, чтоб меня насытить. Да ты подохнешь раньше, чем от осушителей, но нет, не хочешь быть у меня в долгу! Знаешь, как это тупо?

Как ни больно признать, Блейд был прав.

— Сюды слушай! — рявкнул Блейд, тыча в нее пальцем. — Я забочусь о своих трэлях и знаю, скока взять и скока они могут дать.

— Одна восьмая пинты в день, — парировала Онория. — Именно столько вам надо, чтобы выжить.

— Откудыть эта чушь?

— Сведения получены в результате опытов, — возмутилась Онория.

— Ага, на свежееобращенных. Но чем больше вирус овладевает человеком, тем больше нужно крови. Частенько я выпиваю почти полпинты в день, чуть больше, чуть меньше. Это нельзя вычислить.

— Полпинты? — тихо переспросила она.

— Ты у меня не единственная трэль. У десятка я пью прямо из вены, а остальное — из ледника.

— Приобретаете на сливзаводах, — с отвращением процедила Онория.

— Ага, так Эшелон и дал мне ихнюю драгоценную кровь! У меня есть доноры, которые так платят мне за защиту. Люди не прочь сцедить мне полпинты.

Эта новость не понравилась Онории. Десять трэлей? Да это же гарем! И почему от такой глупости ее тошнит? И какая разница, если она станет одиннадцатой, а то и двенадцатой? Важно, что он не будет так уж часто от нее кормиться. Да пусть хоть подавится кровавыми шлюхами, ей все равно!

Онория пересела в кресло и опустила юбки, прикрыв лодыжки. Одежда была в полном беспорядке. Но особенную неловкость мисс Тодд чувствовала, сидя полуобнаженной со свисающей подвязкой.

— О чем ты думала?

За спиной Блейда затрещало пламя, снова отлив его лицо.

— Отвернитесь, чтобы я завязала подвязку, — выпалила Онория.

Зеленые глаза внимательно смотрели прямо на неё, губы расплылись в улыбке.

— Как пожелаете. — Блейд медленно повернулся к камину и оперся рукой о каминную полку.

Онория снова задрала юбки и быстро завязала подвязку как следует. В тишине шуршанье было прекрасно слышно. Блейд не видел ее, но благодаря сверхъестественному

слуху без труда уловит, как чулок скользит по ноге и как подвязка возвращается на место.

Мисс Тодд зарделась, снова опустила юбки, дважды кашлянула и разрешила:

— Теперь можно повернуться.

Блейд отступил от камина и принялся покачиваться на полупальцах. Его движения завораживали: ни неуклюжести, ни потери равновесия. Он завладевал пространством, в котором находился, будь то крыши, грубые булыжники мостовой или повозка рикши. Эта спокойная уверенность нередко притягивала к нему взгляды.

Ее поношенные туфли сиротливо ютились на коврик. Блейд отнес их Онории с настороженным выражением лица и заметил:

— Чей-та ты притихла.

Она хотела забрать туфли, но господин уже опустился на колени и сжал ее лодыжку.

— Не надо, право, — начала было мисс Тодд.

Блейд надел на ее ногу туфельку, действуя очень ловко и уверенно. Он и так полагал, что имеет право делать с ее телом все, что пожелает. Может, он был прав. Онория поежилась.

— Всего пару минут назад ты была готова предложить мне вену. Че ж, низзя касаться твоей ножки?

— Нет! Просто это... не нужно.

Блейд взял вторую ногу, лаская мягкий шерстяной чулок. Онория заерзала, стараясь скрыть дырку на пятке.

— Оноп, — прошептал он, глядя ее пальчики и не сводя с нее глаз. — Трэль и голубокровный довольно... близки. Те надо привыкнуть ко мне и к этому чувству.

— Я знаю об интимности. — В горле пересохло, и ей захотелось коснуться лица и проверить, не пылают ли щеки.

Блейд нажал большим пальцем на подъем ее стопы.

— Я не про то, как буду водить губами, а про твой вкус.

О боже! Онория закрыла глаза, но от видения избавиться не удалось.

Блейд снова принялся гладить ее ногу.

— Я присматриваю за своими трэлями, знаю их. Че с ними творится, че им надоть. Они как семья.

Онория открыла глаза и, не подумав, выпалила:

— Гарем.

Он застыл.

— Гарем? Боже, Онория! Интересно, че на эт скажет Уилл? Или миссис Феггети из соседнего дома? Или старые девы Бакхэм, Шарлин и Мейбел. — Блейд усмехнулся. — Миссис Феггети вымоет тебе рот с мылом за такую скабрзность.

— Я видела, как кормится голубокровный.

Блейд перестал смеяться.

— Этот побочный эффект редко случается. Уилл — шибко молодой, и потому эт чувствует. Миссис Феггети испытывает легкое тепло. Кто-то возбуждается, кто-то — нет. Кому-то нравится.

— Знаю, — сухо ответила Онория. — Я видела таких в городе. Следуют за голубокровными, как наркоманы. — Блейд все еще ласкал ее ножку, но гостья об этом почти забыла. — Вы собираетесь меня обуть?

— Как скажет мадам, — улыбнулся хозяин, надел туфельку и встал.

Онория скользнула взглядом по твердым, мускулистым бедрам перед ее носом. Блейд не собирался соблюсти приличия и отступить.

Она взяла предложенную руку и уточнила:

— Вы же не станете утверждать, что все ваши трэли — старухи и мужчины?

Блейд помог ей подняться, но не отошёл и не отпустил ее руку.

— Хошь знать, делил ли я с кем-нить из них постель? Об ентом?

— Конечно, нет!

— Да, делил. Иногда. У них, как и у меня, есть нужды. У меня есть две трэли, с которыми я временами оказывался в койке.

Боже! Но когда Онория попыталась отнять у него свою руку, Блейд машинально усилил хватку. Она наткнулась на кресло. Бежать некуда, придется терпеть.

— Но эт было давно. — Блейд внимательно рассматривал ее лицо.

— Это вовсе не мое дело.

С неким разочарованием господин отступил, а Онории показалось, словно она провалила какое-то испытание.

— Идем, провожу тя домой. — И Блейд взглядом указал на сверток у ног Онории: — Возьми перчатки, эт приказ!

На пустые улицы Чепеля опустился густой туман, словно удушающее, не пропускающее звуки одеяло. Эхо шагов путников разносилось в ночи, и Онория, пожившись, с опаской огляделась.

— Не кипишуй, — протянул Блейд. — Никто не подберется без маво ведома.

Он шел рядом, засунув руки в карманы. Несмотря на ночную прохладу, на хозяйне трущоб была только рубашка с закатанными рукавами. Почти неприличный вид. У ямки локтя виднелся краешек татуировки, которую Онория все никак не могла рассмотреть.

Густые чернила напоминали знаки первобытных племен. Блейду очень шла такая дикость.

— Знаю, — ответила Онория. — Просто я не привыкла к... тишине.

Блейд искоса посмотрел на спутницу и ответил тише обычного, словно тоже чувствовал давление тумана:

— Ты, милашка, еще не жила при комендантском часе. Глянула б на эту вотчину годков пятьдесят назад, када Эшелон натравил на Чепель огнедышащих металлогвардейцев. Народ полгода носа на улицу не высывывал.

Онория обхватила себя руками:

— Охотились за тобой?

— Ага. И нашли меня.

Разумеется, до нее доходили слухи, как Блейд сбежал из Башни из слоновой кости, стал повелителем Чепеля, сражаясь против дюжин обшитых металлом роботов, которых за ним послали. Они чуть не сожгли Уайтчепел дотла, пока местные жители не подняли бунт, заставив машины отступить обратно в город.

— Как у тебя получилось собрать против них толпу? — спросила она.

— Моя очаровательная любезность, недурной вид и хорошо подвешенный язык.

Онория изумленно посмотрела на господина.

И затаила дыхание при виде этой волчьей дьявольской улыбки. Будь она обычной девушкой, не долей над ней тяжкая ответственность, и не являйся Блейд монстром, Онория бы задержала на нем взгляд подольше.

— Пошел напрямик к Рори О'Лахлану, предводитель банды акул, че тута главной была. Сказал, мол, поддержу его, коли и он поможет погоню стряхнуть.

— И он согласился?

Одна трущобная банда против всего Эшелона?

— Я разобрался с тесаками, а он подсобил мне. Старина О'Лахлан смекнул, что я могу ему пригодиться. Поднял по тревоге своих людей, те пустили слухок, мол, Эшелон собирается забрать женщин и детей в кровавое рабство. Весть разлетелась, что твой лесной пожар. Поднялось восстание, люди пошли громить городские стены, чтоб добраться до голубокровных. Металлогвардейцы могли бы скосить их, как пшеницу, но страну уже и так трясло из-за последнего повышения кровавой дани. Пришлось Эшелону убраться восвояси. Не так я им был нужен.

— И ты стал героем, отбил от металлогвардейцев. Они так и не узнали, как тебе это удалось.

Блейд пожал плечами:

— Я приглядываю за своими, не требую многого. Кой-кто знает правду и считает, что я прально сделал. Хоть кака-то польза.

— Правда?

— Люди поняли, что Эшелон их тож боится. Раньше кровавая дань все росла и росла. Совет герцогов требовал от короля построить больше слив-заводов. Но стоило Уайтчепелю встать на дыбки, как городские присмирели. Вот уже лет пятьдесят люди сдают по две пинты крови в год.

— Слив-заводы никуда не исчезли. Люди все еще голодают, потому что не могут платить обычные налоги за войну принца-консорта против Новой Каталонии.

— Они сами идут к осушителям, — пояснил Блейд. — А могли бы ко мне. А по поводу войны — ну тут мы с принцем сходимся.

Онория ошеломленно посмотрела на хозяина трущоб. Англия и Новая Каталония были не в ладах уже лет двадцать. Последняя являлась наследницей Испании, из которой Инквизиция изгнала всех голубокровных и где установила власть Папы. И страна католиков замыслила очистить Англию, единственную страну в западной Европе под управлением голубокровных.

— Конечно, вам это на руку, — возразила Онория. Она хорошо знала о войне. В прошлом году ее отец, возненавидев голубокровных пуще прежнего, присоединился к Первой партии человечества и часто ночи напролет рассуждал о войне.

— Новая Каталония — эт страна ханжей и фанатиков, че с пеной у рта рвутся перебить голубокровных и не остановятся, пока мы все не умрем. И все равно им потом будут всюду мерещиться голубокровные. Тысячи сгорели на столбах в Новой Каталонии и Испании — а многие ж были обычными людьми.

— Такая маленькая страна вряд ли представляет собой угрозу, — гнула свое Онория.

— Ага. А если они втянут в конфликт Францию с тамошними антиголубокровными настроениями, к нам заявится орда чертовых фанатиков на лучших французских дирижаблях. Германские штаты нам не помогут, там полно чертовых вервульфенов и...

— Наверное, Эшелону не стоило истреблять шотландские волчьи кланы. Тогда в союзниках у них были бы не только русские, — настаивала мисс Годд.

— И колонии, — пробормотал Блейд.

— Но они за океаном.

Он выразительно посмотрел на спутницу:

— Ты ваще любишь пререкаться или только мне так везет?

Онория закрыла рот. Может, она больше похожа на отца, чем казалось. Конечно, Оноп знала доводы, приводимые Блейдом, но по-настоящему поняла их, пожив в трущобах, наблюдая, как люди голодают из-за войны, не имеющей к ним никакого отношения.

— А, так дело во мне.

— Нет, не в тебе, просто...

— Так че, правда любишь поспорить?

Онория тихонько проворчала:

— Не люблю, и не перебивай. Я имела в виду, что никогда не понимала, чего стоит война до... до недавнего времени. В прошлом месяце соседка продала своих детей Эшелону в кровавое рабство, потому что не могла их прокормить. У них будет еда и защита, пока они не вырастут и не смогут давать кровь. Тогда они превратятся в скот до конца своих дней.

Да и несчастная мать долго не прожила. Она погрузилась в пучину отчаяния и исчезла.

Онория с горечью продолжала:

— Эшелон забирает наши деньги и нашу кровь на пропитание, а мы ничего не можем с этим поделать. Их слишком много, они управляют металлогвардейцами и Троянской кавалерией. Против них черни не выстоять.

Это стало бы резней. Механические бронированные лошади просто скосили бы толпу словно серпом, а вслед за ними легион жестко навел бы порядок.

Блейд смотрел на Онорию в слегка рассеянной газowymi фонарями тьме. Слабый голубоватый свет падал на его лицо, придавая ему загадочное выражение. Заметив ответный взгляд, господин глубоко вздохнул и отвернулся:

— Так лучше новые каталонцы с «просвещенными» и фанатиками?

— Конечно, нет.

— Значит, без войны никуда. Мы ниче сделать не можем. Только поменяем шило на мыло.

— Королева — человек. Если она будет представлять народ, тогда...

— Королева накачена препаратами по самое не могу и пляшет под дудку принца-консорта. Он часто выставляет ее народу как на параде и прикидывается, что это она правит. — Блейд покачал головой. — Это бред, милашка. Никто не рыпнется против принца-консорта. На его стороне Совет герцогов, а королева — в кармане. Кто с ним сладит?

Онория почувствовала горечь во рту.

— А если бы... существовала прививка от вируса? Или лекарство?

Викерс приказал найти вакцину, способ предотвратить случайное инфицирование слуг, трэлей и женщин Эшелона. Также предполагалось, что мальчики, которым по достижению пятнадцатилетия запретят участвовать в ритуале, также будут привиты. Таким способом Эшелон мог бы контролировать иерархию. А то несколько семей незаконно инфицировали своих детей, чтобы поднять их статус. Голубокровные составляли элиту, поэтому ошибок больше допускать нельзя.

И это послужило бы целям ее отца, по словам которого, если вакцинировать неинфицированную аристократию и их детей, голубокровные со временем вымрут. Эшелон в жизни не опустится до того, чтобы допустить к ритуалу человека низкого происхождения. Этот дьявольский способ помогал ограничивать их число, на случай если лекарство найти не удастся.

Блейд покачал головой:

— Милашка, эт фантазии. Вроде тех, что строчили в своих листовках с пропагандой гуманисты из Первой партии человечества.

По спине побежали мурашки. Это не мечта и не пропаганда. Онория видела подробные записи в личных дневниках отца. Его работа на Викерса в Клинике принесла невиданное богатство дому Ланнистеров, но последние пару лет их патрон интересовался совсем иным: лекарством. Желание найти снадобье снадало и герцога, и мистера Тодда.

Онория работала вместе с отцом с дюжиной грязнокровных, помещенных в Клинику из-за неспособности себя контролировать. Во всяком случае, такую причину назвал Викерс. Только год спустя мисс Тодд открылась правда: герцог инфицировал пациентов собственной кровью. Как-то Онория спряталась от него в коридоре для слуг, когда домашние дроны привели юную бродяжку. Викерс набросился на нее и насильно ввел ей свою кровь.

Герцог всегда был опасен, но Онория даже не подозревала, насколько далеко он

способен зайти. Когда через месяц в Клинике появилась та самая бродяжка в буйном помешательстве и с пеной у рта, изнывая от голода, закрывать глаза на правду стало невозможно.

Иногда Онория жалела, что увидела то злодеяние и рассказала отцу. Это стало началом конца. В прошлом году мистер Тодд не только говорил о программе законной Первой партии человечества, но также присоединился к тайному обществу гуманистов и начал ночами работать над экспериментом, подробностями которого не делился с дочерью. И это стоило ему жизни.

Викерс каким-то образом узнал о разработках. Отец как-то разбудил Онорию и погрузил всех троих отпрысков в паровой кэб вместе со своим дневником.

«Ни за что не отдавай им дневник, — наказал исследователь, со страхом оглядываясь через плечо. — Нельзя, чтобы он попал не в те руки».

«Поехали с нами!»

«Не могу. Мне надо передать информацию другим людям. Они смогут ею воспользоваться!»

Отец поцеловал Онорию в щеку и крепко обнял.

«Он тебя убьет!»

Мистер Тодд грустно улыбнулся:

«Это важнее моей жизни, Онор. И я буду осторожен. Встретимся на постоялом дворе в Фулхеме. Если... я не появлюсь через три дня, отправляйтесь к кузену вашей матушки в Оксфорд. Я назначил Лео душеприказчиком, но связывайся с ним только в крайнем случае. — И поджав губы, добавил: — Лео хороший парень... но все равно один из них».

День спустя тело отца с перерезанным горлом выловили из Темзы.

— Ты в порядке? — спросил Блейд.

Онория встряхнулась. Почему она вообще разболталась с Блейдом? Никому нельзя доверить эти сведения. Даже Лена и Чарли ничего не знали.

— Я в порядке. — Она слабо улыбнулась. — Просто устала. И мне до жути надоело смотреть, как люди умирают от голода и идут на отчаянные меры.

Особенно потому, что ее саму чуть не довели до этого.

Деньги оттягивали карман пальто. Может, стоило предоставить доступ к шее еще несколько недель назад. Кто же знал, что Блейд настолько расщедритя и почти ничего не потребует взамен?

Но голосок в сознании шептал, что долго это не продлится. Что передышка обусловлена лишь ее слабостью. Рано или поздно он вскрыет вену Онории, присосется губами к коже и станет пить ее кровь.

Трэль голубокровного. А ведь клялась, что никогда ею не станет. По крайней мере, это вполне уважаемая должность, в отличие от кровавых рабов, которых просто брали, не спрашивая.

Мрачный Блейд молча шел рядом.

— Тебе нечего сказать? — тихо спросила Онория, заставляя себя забыть о страшных перспективах. Важно лишь то, что теперь у нее есть деньги.

— Думаешь, мне плевать?

Онория оступилась и подвернула лодыжку на неровных булыжниках. Блейд легко подхватил спутницу за руку. Бедняжка едва сдержалась, чтобы не вырваться. Надо привыкнуть к его прикосновениям. Хватка Блейда не так уж неприятна: холодная, твердая,

вырваться из которой не под силу ни мужчине, ни женщине. Просто немного властная.

На его лице не было и следа лжи, только искренняя обжигающая правда в дьявольских зеленых глазах. Но ее уже обманывали. Викерс когда-то был добр и убедителен, осыпая отца подарками и выказывая «общий» интерес. Все закончилось, как только в этом уже не осталось нужды.

Онория честно ответила:

— Не знаю. А тебе не плевать?

Блейд отпустил ее.

— Я свою лепту вношу, но не за «спасибо» же. Здесь признают тока силу, а благотворительность не в чести. — Он улыбнулся Онории. — У людей есть гордость.

— Ага, конечно, поним... — Договорить она не успела. Блейд вскинул голову и посмотрел на крыши. — Что такое?

Закрыв глаза, он к чему-то прислушивался. Онория огляделась. Дома были покрыты толстым слоем сажи. Кривые дымоходы отбрасывали тени, напоминающие человеческие, пока она не моргнула, чтобы прояснить зрение.

Загремела цепь.

— Бежим, — рявкнул Блейд, схватив ее за руку и таща домой.

— Тот самый убийца? — спросила Онория, несясь вслед за господином и посматривая вверх. За ними по пятам по крышам бежали тени, перепрыгивая с дома на дом.

— Долбаные тесаки, — выдавил Блейд, остановившись на перекрестке, задрал голову и раздраженно проворчал: — Нам не улизнуть.

Хотя ему самому это раз плюнуть.

Сердце Онории ушло в пятки. Банды тесаков сеяли ужас в Ист-Энде, похищая целые семьи из постелей или хватая тех, кто по глупости высовывал нос из дома по ночам. Увечные и обзаведшиеся крюками вместо рук или острыми как лезвие когтями, они сцезивали кровь жертв до последней капли и сбывали в трущобах, а то и, по слухам, официальным правительственным слив-заводам.

— Что они тут делают?

Онория и выбрала-то Уайтчепел, потому что тесаки не осмеливались промышлять на территории Блейда.

— Спрошу-ка у них, — выпалил Блейд так зловеще, словно намекая, как именно собирается раздобыть ответы. В его руках блеснул металл. — Не высовывайся и не беги. Со мной бояться нечего.

Один, второй, третий, четвертый... Онория насчитала шестерых во мраке. Без сомнения, это не все. Шайки охотились стаями, как бродячие собаки.

— Ты уверен, что с ними справишься?

Блейд бросил на нее испепеляющий взгляд:

— Просто не высовывайся.

А потом дунул в свисток. Онория не услышала ни звука, но Блейд с чувством исполненного долга опустил вещицу обратно в карман.

Мисс Тодд нащупала в юбках пистолет, взвела курок и, застыв в ожидании спиной к господину, внимательно всмотрелась в темноту.

Во тьме послышался жуткий смех, напомнив ей гиену из зверинца Викерса. Звякнула цепь, а потом перед ними приземлились трое.

Онория подавила крик. Негодяй перед ней злобно улыбнулся, покачивая длинным

изогнутым рыбацким крюком.

— Заплутали, парни? — спросил Блейд. — Сдается, вы в моей вотчине.

— Сдается, нас больше, — отозвался один из тесаков, размахивающий жутким крюком.

— Да? — Блейд огляделся. — Да тока девять.

Значит, Онория действительно заметила не всех.

— А ты — один, — смеясь, ответил вожак. — А ну вперед, трусливые шавки!

И бросился на противника, размахивая ножом.

У Онории не было времени выяснять, что затеял Блейд. Она подняла пистолет и прицелилась. Раздался выстрел, и негодяй с торчащим из запястья рыбацким крюком вдруг отшатнулся назад. В его груди появилась огромная зияющая дыра. Тесак разинул рот, рухнул на колени и упал мордой в грязь.

В автоматически перезаряжающемся пистолете было шесть пуль. Осталось только пять. Мисс Тодд быстро развернулась, чтобы снова выстрелить, но Блейд находился слишком близко к трем головорезам. Он размытой тенью танцевал среди них, орудуя лезвиями, словно серпами, блестящими в лунном свете. Тесаки по сравнению с ним двигались будто в патоке.

Блейд расправился с одним, избежав широкого неловкого взмаха короткого меча и полоснув мужика по горлу. Тесак рухнул, захлебываясь кровью, а грязнокровный уже развернулся и ударил второго нападавшего ногой по шее. В то же время на него набросился и третий.

Блейд нашел взглядом Онорию, а затем пырнул подонка лезвием в живот. И стоило тесаку согнуться пополам, хозяин трущоб взмахнул другой рукой, едва не обезглавив противника.

— Осторожно! — крикнула Онория, заметив парочку тесаков на крыше. Рухнула тяжелая сеть, и на Блейда кинулся тот, что получил пинок по шее.

— Двигай отсюда! — заорал Блейд, извиваясь на земле под сетью.

Мужик пырнул его острым как игла кинжалом, и Блейд вскрикнул от боли. Те двое, что бросили сеть, спрыгнули на землю.

— Твоя краля? — Один из тесаков, с грязной повязкой на месте правого глаза, двинулся на нее с презрительной ухмылкой. — Может, дадим те полюбоваться, когда будем ее осушать.

— Онория, беги! — Блейду удалось порезать сеть, но он пока еще не освободился.

Онория подняла пистолет. Сбылся ее худший ночной кошмар, но будь она проклята, если позволит себя забрать. Ее охватила резкая и горячая ярость. Эти мужики, эти твари, терроризировали невинных людей. С нее хватит.

Голова подонка взорвалась как гнилая дыня. Парочка, напавшая на Блейда, в замешательстве глянула на Онорию, когда тело рухнуло на землю.

— Черт меня дери! — выругался кто-то из них и посмотрел на пистолет в ее руке. — А эт че за хрень?

На глазах Онории трус бросился прочь в переулок. Проклятье! Она повернулась как раз, когда тот, кто остался сражаться с Блейдом, бросился на нее.

Негодяй сбил ее с ног в порыве зловонного воздуха. Пистолет покатился по булыжникам, остановившись в нескольких метрах.

Мужчина занес руку с опасно изогнутым клинком:

— Ты, сучка!

Онория закричала.

В следующую секунду тело исчезло, а над ней склонился Блейд в окровавленной рубашке.

— Че из «вали отсюда» ты не расслышала?

Она без колебаний схватила предложенную руку. Голубокровный поднял спутницу, как будто она весила не больше перышка. Напавший на нее кретин стонал после броска мордой в стену.

— Ты бы тогда погиб! — возразила Онория и машинально посмотрела на его бок. — Да ты же истекаешь кровью!

— Ага. Бегом отсюда! Осталось еще пятеро.

— А ты со мной?

Блейд ткнул в нее пальцем:

— Когда я говорю «двигай», беги со всех ног! Неча корчить из себя героиню, чертова дуреха!

— Перестань меня оскорблять!

У Блейда заиграли желваки. Он глубоко вздохнул, раздув ноздри, и предупреждающе процедил:

— Онория...

Она бросилась к пистолету и проверила. Осталось четыре пули. Затем повернулась и задрала подбородок:

— Никуда я без тебя не пойду! Вперед. Или рана серьезная?

— Это ж царапина, милашка!

Четыре темные фигуры соскользнули по водосточным трубам. Блейд толкнул Онорию в спину, и они побежали.

Раздался тихий свист, затем что-то обернулось вокруг ног Онории, и та с криком упала. Лодыжки опутала веревка с утяжелителями.

— Блейд!

— Ниче, милашка, я тя держу. — Он подхватил и забросил ее себе на плечо.

Посмотрев вверх, Онория увидела четверку преследователей, вооруженных различными острыми крюками и пиками и одетых в железные пластины, что соединялись кожаными тряпками. Они уже почти нагнали раненого Блейда с Онорией на руках.

Она выстрелила в еще одного негодяя, но из-за тряски не смогла хорошо прицелиться. Тесак с криком рухнул, пулей ему снесло правое плечо вместе с рукой, словно им закусилась гигантская акула. Звук выстрела разбудил окрестных собак.

— Че эт за штуки? — крикнул Блейд, когда тесаки из чувства самосохранения отстали.

— Не останавливайся! — Онория снова подняла пистолет, но злодей метнулся за угол, и пуля пролетела мимо, отколов кусок кирпича и известки.

— У мя в кармане свисток. Дунь в него, — приказал Блейд.

Онория посмотрела на его штаны:

— Ты хочешь, чтобы я...

— Щас же! — рывкнул Блейд

Онория полезла в карман спутника. Почувствовала твердое мускулистое бедро, вибрирующее с каждым шагом. Сглотнула, вытащила маленький свисток и дунула. Бесполезно.

— Он не работает!

— Ты ниче не услышишь, — ответил Блейд, тяжело дыша, и поставил спутницу. Онория привалилась к двери, к которой он ее прижал. Волосы господина намокли от пота, а на рубашке расплылось кровавое пятно.

Онория побелела:

— Ничего себе царапина.

Пот ручейками стекал по запятнавшей его лицо саже. Затем Блейд улыбнулся, блеснув зубами.

— Ага. — Наклонившись, он уперся руками в бедра и глубоко дышал, издавая странный свистящий звук. На его губах запузырилась кровь.

— О боже! Рана глубокая! — Онория протянула руку и чуть не упала. Поморщившись, она сорвала путы с ног и отбросила прочь.

— Мож, задели легкое. Дай мне... пистоль...

Онория протянула ему оружие. Блейд черными глазами оглядел улицы и вытер рот тыльной стороной руки, размазав кровь по бледной коже.

Онория дотронулась до окровавленного бока господина, но тот оттолкнул ее руку с раздраженным рыком:

— Не время. Они... идут... по... крышам.

Первый, рухнувший сверху, скрылся в чертовом тумане.

— Пистолет перезаряжается автоматически, — подсказала Онория, прячась в проходе. — Осталась одна пуля.

— Ага, — пробормотал Блейд. Выскользнув на улицу, он прицелился и нажал на спусковой крючок.

Раздался вопль, и ублюдок рухнул на мостовую. А Блейд снова скрылся за выступом рядом с Онорией и дрожащими руками закинул оружие за пояс брюк.

Мда, даже голубокровный не может признать, что ранен. Похоже, мужчина всегда остается мужчиной, независимо от способа пропитания.

Наклонившись, Онория подняла веревку с утяжелителями на концах. Она понятия не имела, как пользоваться подобной штукой, но это лучше, чем ничего.

— Еще двое, — прошептал Блейд и, прислонившись к кирпичам, закрыл глаза, пытаясь вздохнуть. — Теперича они... осторожны...

— Молчи. А то услышат.

— Свистни.

Онория снова дунула в свисток, затем закинула его в карман. Бесплезная безделушка. Посмотрев на Блейда, она заметила, что тот оскалился от боли и прижимает руку к кровоточащей ране. Голубокровные способны исцелиться почти от любых ран, но для этого им нужна кровь.

Онория нервно сглотнула.

— Хочешь выпить моей крови?

— Нет, — отрезал Блейд, качая головой. — Кто-то идет.

— Тесаки? — прошептала она, вглядываясь в темноту. Сердечко колотилось, и она опустила один конец веревки.

Услышав вопль, Онория вздрогнула. Затем раздалось жуткое животное рычание, и на мостовую вылетело тело. То был один из тесаков, шея которого изогнулась под странным углом. Онории доводилось видеть кровь при работе в Клинике, но из-за того, как тело лежало на животе, а голова смотрела вверх, ее затошнило. Желудок взбунтовался, и

пришлось отвернуться и прижать руку ко рту.

Блейд привалился к стене:

— Уилл.

Раздался еще крик, а затем кусок черепицы упал на улицу. Онория поспешила к Блейду:

— Дай гляну.

Он сжал ее пальцы:

— Нет.

Онория отбросила его руки:

— И ты мне еще пенял, что я рискую жизнью из-за дурацкой гордости.

Блейд посмотрел на нее и резко кивнул.

Онория задрала мокрую рубашку, вытянув ткань из-под пояса. Щеки горели от смущения. Блейд прислонился к стене, оголив шею. Взору мисс Годд предстал подтянутый живот, крепкий пресс и узкие бедра с низко сидящими на них штанами.

— Боже, — прошептала она и добавила, покраснев. — Кровь.

— Канешна. — И несмотря на боль, улыбнулся и поморщился. — Нежнее, милашка.

— Ты вроде легче дышишь.

В ночи раздался еще один крик. Онория едва не поморщилась и оглянулась через плечо. Дождь зачастил по мостовой.

— Исцеляюсь, — пояснил Блейд.

Одна, две, три... четыре ножевые раны прямо под ребрами.

— Повезло, что не попали в сердце.

Есть два способа убить голубокровного: искромсать сердце или обезглавить. Но даже в этом случае, лучше сжечь тело, чтоб наверняка.

Блейд посмотрел через плечо мисс Годд:

— Уилл, че-то ты не особо торопился.

— Черт побери! — выругался помощник. — Жуть какая! Неужто не мог вовремя увернуться?

Онория подняла глаза. Высокий юнец сверлил Блейда раздраженным взглядом. Кровь капала из пореза на лбу, но в остальном парень был цел. Грязная серая рубашка облепила широкие плечи, а полоски кожи удерживали на месте заплечные ножны, из которых выглядывала рукоятка кинжала, впрочем, больше походившего на небольшой меч. Запястья были замотаны в тряпки из коричневого льна, как у бойцов, которых Онория видела в Ямах, но в руках он держал окровавленный ножик.

Мужчины улыбнулись друг другу. Невероятно.

Онория протянула руку:

— Тебе нужна кровь, вот.

Блейд посерьезнел:

— Мне нужно много, а ты еще слаба. — Он оттолкнулся от стены, прижал руку к ребрам и поморщился. Онория быстро поддержала спутника, но под его тяжестью чуть не упала.

— Постой, никуда ты не пойдешь, — пробормотал Уилл, хватая Блейда за руку. — Вот. — И склонил голову, предлагая Блейду горло.

Онория отошла, когда Уилл подхватил хозяина трущоб за плечи и прижал к стене. Блейд убрал лохматые космы помощника в сторону. На лице мелькнуло голодное выражение. Блеснул клинок — одно из лезвий господина. Посмотрев в глаза Онории, он сделал

маленький надрез на горле Уилла.

Она обхватила себя руками. Дождь усилился. Ей некуда было деваться из-под крыши, нависающей над парочкой. И даже отвернувшись, она все равно не могла забыть о происходящем. Блейд присосался к шее Уилла, и тот шумно вздохнул. Это было... невероятно интимно.

Онория уже видела, как кормятся голубокровные. Некоторые представители Эшелона специально затачивали зубы, но большинство пользовались стреловидными наконечниками или лезвиями. Она поежилась, хотя холода не чувствовала. Скорее напротив, в низу живота разливался смущающий тревожный жар.

Уилл снова застонал, на этот раз ошибки быть не могло: он наслаждался кормлением. Онория подняла голову. Зря. Блейд смотрел на нее, не отрывая губ от шеи помощника, одной рукой крепко держа его за растрепанные волосы, а другой крепко обняв.

Уилл упирался ладонями в неровную кирпичную стену и невольно двигал бедрами. Тихие резкие вздохи слышались в ночной тиши. Онория не могла оторвать глаз. Это было ужасно... захватывающе.

И на мгновение ей захотелось оказаться на месте Уилла.

Онория отвела взгляд. Соски напряглись под жестокой тканью платья, дыхание стало резким и отрывистым. За спиной Уилл снова застонал. Она зажмурилась, но стало еще хуже. Представила их вместе, напряженные тела, и Блейд... смотрящий на нее с голодом в зеленых глазах. Выражение лица было слишком сложным, словно он тоже желал держать так ее, а не Уилла. Онория чувствовала этот взгляд между лопаток и в других местах пониже. Как будто господин провел пальцем по ее спине, остановившись на ямочке прямо над плавным изгибом попки. И еще ниже, лаская нежную кожу внутренней стороны бедер.

— Хорош! — Уилл резко вздохнул. — Хорош уже, черт побери!

Повернувшись, Онория заметила, что Блейд поднял голову и тяжело дышит. Уилл навалился на него, прижимая к стене, уткнувшись лицом в плечо и трепеща. Господин гладил его по волосам, слегка надавливая на затылок.

— Тише, — прошептал Блейд. Его кожа покраснелась, а на губах алела кровь. Он казался удивительно... сытым.

Онория даже не думала, что он может быть таким ласковым. Однако Блейд поддерживал Уилла, пока тот постепенно приходил в себя. Подручный что-то проворчал и отшатнулся.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Онория, прочистив горло.

Раскрасневшийся от смущения Уилл покачал головой. Блейд прислонился к стене и на мгновение закрыл глаза. Его лицо выражало мрачное удовлетворение. Он вытер рот.

Онория не смела опустить взгляд, но краем глаза заметила, что голубокровный тоже наслаждался процессом.

Неужели это всегда так?

Дождь почти закончился. Онория решила рискнуть. Она не могла больше оставаться здесь в жаркой темноте с двумя мужчинами, которые пытались взять себя в руки. Особенно, когда ее снедала неудовлетворенность.

От желания кожа зудела, словно раздражаемая грубой шерстью одежды. Было больно. Мисс Тодд вонзила ногти в ладони, глубоко вздохнула и вышла под дождь. Капли стучали по плечам, ледяными иголками покалывая голую кожу декольте.

Она почуяла какой-то ужасный запах, как от гнилого мяса. Сморщилась, сглотнула.

— Боже, что это за вонь? — Прикрыв нос рукой, она развернулась.

Блейд вскинул голову и округлил глаза.

— Онория!

В предупреждении не было нужды. Онория посмотрела вверх и увидела темную фигуру, присевшую на корточки на краю черепицы. Когти впились в водосток, а жилистое, бледное, как у червяка, тело, подалось вперед, словно на запах.

Онория похолодела, а волосы на затылке встали дыбом. Древний первобытный страх сжег напрочь все возбуждение. Она не могла дышать, охваченная желанием бежать, однако слишком боялась пошевелиться.

Затем чудище ее почуяло, а красные глаза округлились от радости. Тварь слегка напоминала голубокровного, только ужасно мутировавшего. Лысый монстр с белой кожей, покрытой кое-где чешуйками, разинул рот, демонстрируя заостренные зубы.

Вдруг осознав, что это такое, Онория закричала.

Вампир смазанным пятном приземлился на улицу. Блейд одним прыжком очутился перед Онорией и замер.

— Назад, — прошептал он, широко разводя руки, словно преграждая твари путь.

Сердце заколотилось в его груди. Страх. Давно он его не испытывал. Но, с другой стороны, любой разумный человек сжался бы перед этим монстром. Хозяин трущоб прочистил горло:

— Уилл? Ты как — ноги держат?

— Ага, — откликнулся Уилл, медленно и осторожно выходя на улицу.

Блейд не осмелился отвести взгляд от вампира. Сколько они за ним гонялись, и вот тварь вылезла в самый неподходящий момент. Должно быть, тоже услышала свисток. Сердце Блейда колотилось от адреналина после недавней кормежки. Он весь подобрался, готовый сражаться или бежать — как всегда, когда бывал в лучшей форме, особенно после питания от Уилла, но сейчас господину предстояло защищать не только себя. Уилл едва держался на ногах, а Онория — всего лишь человек.

Вампир, прихрамывая, шагнул вперед, опустил на четвереньки и понюхал воздух. Его слепые глаза покрывала мутная пленка. Блейд не рискнул принять это за слабость. Слух и обоняние существа с лихвой компенсировали ему отсутствие зрения. Оно издало несколько странных пронзительных звуков, и Блейд вспомнил кое-что необычное, о чем слышал много лет назад, но думал, что забыл.

Вампиры «видели» мир с помощью звуков.

— Онория. Када оно нападет, беги со всех ног. Не оглядывайся. Дуй прям домой и запри двери. И наделай побольше энтих пуль. — Блейд протянул пистолет себе за спину.

— А как же ты? — прошептала Онор, забирая оружие.

На мгновение он восхитился ее храбростью. Ей полагалось визжать от ужаса, но она сохраняла спокойствие.

— Неча щас храбриться, — напомнил он. — Мы постараемся его обдурить.

Уилл крадучись обошел тварь по кругу. Голова вампира повернулась следом под неестественным углом. Меж зубами неуверенно мелькнул раздвоенный язык.

— Да, да, мерзкая скотина, — пробормотал Уилл. — Мы не люди. Не видать те седня легкой поживы.

Блейд медленно потянулся за своими ножами и со щелчком их раскрыл. Лезвия все еще блестели от крови тесака.

Голова вампира резко дернулась обратно к нему. Губы скривились, обнажив зубы в беззвучном рычании. Уилл сделал выпад в сторону твари.

— Нет! — закричал Блейд.

Чертов монстр рванул быстрее, чем можно себе представить. Размытое движение — и Уилл с пронзительным криком упал, истекая кровью. Худая и гибкая тварь отпрыгнула от стены, рикошетом отлетев назад.

Блейд стиснул зубы. У него оставались доли секунды, чтобы принять решение, но он не смел двинуться с места. За ним стояла Онория.

Пора решать. Блейд яростно набросился на существо, взрезая его своими лезвиями. Плоть разошлась как шелк, воняя, словно рыба требуха, выброшенная на пристань. Когти

оцарапали Блейда, рассекая его руку раскаленным клеймом. Один коготь уцепился за кожаный наруч на запястье, и тот отвалился, разрезанный пополам.

Сзади закричала Онория. Блейд извернулся в падении и отчаянно попытался схватить тварь. Поймал жилистую лодыжку, и существо обернулось с текучей гибкостью, стремясь добраться до лица Блейда.

— Онория! Беги!

Она сорвалась с места в вихре юбок. Блейд сомкнул руки вокруг тела вампира, пытаясь раздавить его своей силой. Тварь вскинула задние когтистые лапы, вонзаясь в живот Блейда и словно опаливая его кишки белым огнем. Он стиснул зубы, не давая монстру добраться до горла. Твою мать, сильный ублюдок! Хозяин трущоб разжал руки, пальцы скребли по шишковатым выступам вампирского хребта. Он вонзил в вампира свои ногти, совсем незначительно замедлив тварь.

Затем она внезапно высвободилась, набрасываясь на господина. Кривые когти царапнули Блейда по горлу. Он слегка прикоснулся к отметкам. Так близко. Всего несколько миллиметров правее...

Мимо с гневным рыком пронесся Уилл; его сузившиеся до тонких щелочек зрачки полыхали злостью.

В любое другое время Блейд убрался бы с дороги и позволил помощнику разорвать тварь на кусочки. Но это был вампир. Единственное живое существо, способное остановить вервувльфена в припадке неистовой ярости.

Вампир двинулся вперед, за Онорией. Блейд бросился вслед за Уиллом. Руки грязнокровного хлопали по бокам, а ботинки тяжело шлепали по мостовой. Показалась Онория, за ней скачками неся вампир.

Она обернулась и увидела тварь. Расстояние между ними сократилось. Блейд резко увеличил скорость, обходя Уилла. «Ну уж нет. Она моя».

Он не успеет. На принятие решения — доля секунды. Грязнокровный выудил один из метательных ножей и сбросил скорость. Вампир уже почти настиг беглянку. Резким движением запястья Блейд послал кинжал в полет.

Лезвие глубоко вошло в бок вампира, и он завизжал. Уилл каким-то образом опередил Блейда, с рычанием врезаясь в существо со всей своей звериной силой. Они упали. Уилл боролся, просто пытаясь удержать тварь на месте. Нож все еще сидел глубоко в теле врага. Блейд ухватился за клинок и рванул его вверх, прорываясь сквозь сухожилия и мышцы, стараясь воткнуть его глубоко в нутро вампира. Густая черная кровь потекла из вампирских ран, но они практически тут же начали закрываться, стоило Блейду выдернуть нож. Бесполезно пытаться заставить тварь истечь кровью.

Вампир закричал; от высокого пронзительного вопля у Блейда свело зубы. Гнилая вонь забивала нос, мешая дышать. Затем тварь отшвырнула Уилла в сторону. Второй бросок. Нож вонзился в грудину монстра, проскальзывая меж его ребер. Налитые кровью глаза распахнулись от боли, вампир дернулся, лягаясь, полосуюя когтями, пытаясь освободиться. Кровь забрызгала Блейда, обжигая кожу, как кислота.

Он вскрикнул и отдернул руки, стиснув их от боли, что окатила его тошнотворной волной. Вампир кинулся прочь, вскарабкался по водосточной трубе и исчез среди крыш.

Ушел. С кинжалом Блейда по-прежнему торчащим из его груди.

— Уилл? — Рука болела. По коже стекала кровь — темная, синевато-красная, давшая голубокровным их прозвание. Должно быть, вампир подрал его когтями несколько сильнее,

чем Блейд осознавал.

Уилл с трудом поднялся на четвереньки и теперь стоял с опущенной головой. Онория исчезла, но они находились недалеко от ее дома. Блейд было двинулся туда, затем оглянулся на Уилла. Вампир все равно убежал в другом направлении, а вот помощник был ранен.

— Ты как? — Блейд присел на корточки.

Уилл оскалил зубы:

— Хреново. Сукин сын едва меня не выпотрошил.

Господин похлопал друга по плечу. Оставалось только ждать, когда волчий вирус исцелит разорванную плоть. Кожа полыхала жаром под холодной ладонью грязнокровного. Вирус уже работал на полную мощность, повышая температуру тела Уилла на несколько градусов. Ему предстоит полночи истекать потом от лихорадки, пока его кожа будет срастаться заново.

— Кому говорил, неча к ним лезть, — сказал Блейд, поднимаясь на ноги. — Они ж сильнее нас. Быстрее. Это те не со мной разминаться.

Уилл схватился за протянутую руку Блейда:

— Спасибо. — Вервувльфен сплюнул кровь и заставил себя подняться. — Че-то не дотумкал.

Блейд окинул его взглядом:

— Покеда с этим дерьмом не разгребемся, я от тебя не кормлюсь.

— Ты ж не собираешься у нее брать.

— У нее силенок не хватит. Пока.

— Сам-то не особо раскисай, — буркнул Уилл, стискивая руку друга, словно тот пытался вырваться. — Не только мне не следовало рыпаться за вампиром в одиночку. Она ж просто женщина.

Блейд стряхнул его ладонь:

— Вали домой. Поспи. Те не помешает.

— А сам куда намылишься?

— Убедиться, что она добралась домой в целости и сохранности, — проворчал хозяин, разворачиваясь на каблуках. Воздух пах чистотой, дождь смыл вонь вампира. Тварь наверняка спрячется в своем укрытии, чтобы зализать раны.

— Блейд?

— Че?

— Ты пырнул его ножом прямо в сердце, — прошептал Уилл.

Господин задумался.

— Знаю. Держи рот на замке. Остальным — ни слова. И ступай домой. Седня я присмотрю за хижкой Годдов.

Онория захлопнула створку и прижалась к двери, ловя ртом воздух. «Боже праведный, пощади...» Она поежилась, прислушиваясь, нет ли погони. То чудище — вампир — шло за ней по пятам. Его странное свистящее дыхание слышалось за спиной. Потом оно затихло, а Блейд и Уилл остались бороться не на жизнь, а на смерть.

Живы ли они? Как же можно было их оставить? Но чем она могла помочь?

Онор оттолкнулась от двери и бросилась к спальне, доставая оружие из кармана. «Молнии» способны продырявить даже вампира.

Онория проскользнула мимо спящей на раскладной койке сестры.

В ящике комода осталось всего двадцать пуль. Можно сделать еще, но нет денег на ингредиенты. Дрожащими руками Онория открыла барабан и перезарядила пистолет.

Лена зевнула:

— Онор? Что ты делаешь? — Потерев заспанные глаза, она вдруг заметила оружие. — Куда ты собралась?

— На улицу, — ответила Онория. — Не высовывайся.

— Что произошло? У тебя кровь на юбках.

— Это не моя.

Отперев задвижку, старшая мисс Тодд глубоко вздохнула. Это безумие. Но ведь если вампир захочет до нее добраться, то ничто — ни двери, ни стены — его не остановит.

Густой туман тяжелой муťou повис на улице. Онория вышла за порог и закрыла за собой дверь. Потом сделала еще шаг.

— Черт ты дери, женщина! Ты че творишь? — раздался вдруг голос Блейда.

Онория едва не выстрелила в мостовую. Прижав руку к груди, она подняла голову. Блейд смотрел на нее с края крыши так спокойно, будто не находился на высоте метров шести.

— Я боялась, что тебя ранило, — мрачно пояснила она и добавила: — Тебя с Уиллом.

— Испереживалася за меня. — Блейд спрыгнул с крыши и приземлился рядом, согнув колени, чтобы смягчить удар.

— И за Уилла. — Несмотря на прохладный тон, Онория осмотрела грязнокровного, в поисках увечий. — Что с твоими ладонями? — спросила она. Он словно выбил окно голыми руками.

— Вампирская кровь, — пояснил Блейд, показывая ожоги.

— Больно? — Она не видела, как вирус латал его раны, но каждый раз, стоило моргнуть, и повреждения становились уже не такими заметными.

— Немного.

— Что ты тут делаешь?

— Приглядываю за домишком. Уилл слабоват стоять на страже.

— В этом нет нужды. Что случилось? Вы убили тварь?

Блейд потянулся к ней. Онория затаила дыхание. Неужели?.. Он сжал и нежно потер меж пальцев одну из прядей, обрамляющих ее лицо.

— Я ж слово дал тя защищать. — Затем опустил руку. — Нет, мы ранили чудище, но оно сбегло.

Онория почувствовала легкое разочарование. И, посмотрев на его разорванную рубашку

и множество сочащихся кровью порезов, предложила:

— Можешь пойти, мне нужно осмотреть твои руки.

И отвернулась прежде, чем успела бы забрать назад приглашение. Чарли заперт в своей комнате. Блейд не сможет его учуять: брат несколько месяцев назад лишился присущего ему мальчишеского аромата.

Вдобавок господин, как выяснилось, сидел на крыше, истекая кровью и мучаясь от боли, потому что обещал защищать Онорию.

В груди слегка потеплело. «Не глупи, — укорила себя Оноп. — Может, он намного честнее, чем ты думала, но все равно голубокровный».

Онория закрыла все три замка. За ее спиной Блейд прошел по комнате, рассматривая разношерстную мебель и вымытый до блеска пол.

— Сядь, — попросила хозяйка, подошла к плите и поставила чайник. Маленькая плитка уже потухла, поэтому Онория встала на колени и положила в печку дрова. Все, что угодно, только бы не смотреть на гостя.

Следующий этап был хуже всего. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула:

— Снимай рубашку, я смою кровь.

— Не нужно. Энти тряпки уже не спасти, милашка. — Но Онория услышала, как он снимает рубашку через голову.

И тут же вспомнила интимную сцену кормления в укромном уголке до появления вампира. Стало жарко. Это проклятое возбуждение совсем ни к чему.

Собравшись с силами, Оноп встала и развернулась. Но, даже зная, что Блейд обнажен по пояс, оказалась не готова к этому захватывающему зрелищу: свет от камина поблескивал на бледной коже, очерчивая изгибы и округлости впечатляющих мышц. Он был стройным, «текучим», не таким широкоплечим и мощным, как Уилл.

И все равно Онории хотелось его коснуться, погладить курчавые светлые волосы на груди. Возможно, даже провести кончиком пальца от пупка вниз по узкой дорожке, уходящей под пояс штанов...

Блейд тихонько кашлянул и улыбнулся:

— Оноп, мои руки. — И тут до нее дошло, что господин уже вытянул их на ее обозрение.

— Хорошо, — резко ответила зардевшаяся мисс Тодд.

«Что делать? Бинты, нужны какие-нибудь бинты».

Онория порвала на лоскуты старую рубашку брата, налила кипятка в миску и поставила остывать. Она могла двигаться и выполнять простые задачи, но не думать. Или же, напротив, слишком много размышляла.

Тонкая струйка крови побежала по животу Блейда. Намочив льняную тряпочку, Онория встала на колени у его ног и, ощущая мускулистое бедро под кончиками пальцев, осторожно промокнула порез.

— Рана затянулась, — хрипло заметила Онория.

Какая глупость. Ей доводилось видеть обнаженных мужчин — подопытных пациентов в Клинике, которые, обезумев, срывали с себя одежду и трясли прутья клетки, а также парочку конюхов дома Кейна, плавающих в пруду.

Вот только Блейд не был ни юнцом, ни буйно помешанным.

— Ага, — кивнул он и откинулся в кресле, положив руки на бедра и лениво рассматривая врачевательницу сузившимися глазами.

— Ты очень быстро исцеляешься, — сказала она.

— Эт вирус.

Нет, дело не в этом. Онория не раз занималась ранеными в Клинике. Голубокровные быстро исцелялись, но не так. Хотя... ее пациенты были новообращенными. Возможно, когда вирус захватывал тело, то также ускорял исцеление и реакции. Разумеется, возрастала и нужда в питании.

— Ты всегда так быстро выздоравливал? — Онорию снедало любопытство ученого.

— Без понятия. Смотря скока крови выпью.

— Ясно. — Она прополоскала тряпочку. — Кровь сдерживает вирус, давая ему необходимые железо и кислород. И чем больше крови...

Что произойдет? Вирус успокоится? Усилится дар исцеления? Или вирусу самому нужна кровь, чтобы жить и размножаться? Получается, он воспроизводится в организме?

В молчании Блейд не сводил с нее глаз:

— А ты много знашь.

Она проговорила. Далеко не все понимают, на что способен вирус, зная только, что он передается через выпитую или впрыснутую кровь голубокровного. Пришлось быстро что-то придумать, так как Блейд уже с подозрением уставился на помощницу прищуренными глазами.

— Я в детстве читала «Путешествия по Востоку» сэра Никодемуса Бэнкса.

— Первого голубокровного.

— По правде сказать, он был не первым. Давай, я посмотрю на руки. — Подтащив кресло поближе, Онория взяла Блейда за руку. Кончиками пальцев дотронулась до мозолей на его ладонях. Он аккуратно и коротко стриг ногти. Рабочие руки, совершенно не похожие на холодные ухоженные пальцы представителей Эшелона. Невольно она задумалась, каково чувствовать прикосновение огрубевшей кожи. — Он всего лишь распространил вирус по Европе.

Ага, прячась от убийц восточного Белого двора. В детстве Онории это казалось захватывающим приключением, и она заставляла отца перечитать историю снова и снова.

— Не слышал об енттой книжке. Она об вирусе? — спросил Блейд.

— Никодемус отправился послом в Запретный город в Белый двор. Императорская семья считалась божественной, а вирус — даром, который передавали только своим родным. Сэр Никодемус писал, что, по слухам, этот дар прибыл из таинственного исчезнувшего мира, скрытого в Гималаях много лет назад, и что император инфицировал себя сам, дабы получить власть и внушить страх врагам.

— Как же Бэнкс заразился? — спросил Блейд.

Онория вычистила порезы на его руках. Те уже почти исцелились. Лишь на ладонях виднелись остатки сильного ожога.

— Гостей пускали далеко не во все уголки дворца, но сэр Никодемус был... исследователем.

— То бишь бабником?

— Похоже на то. — Ее губы предательски сложились в улыбку. — Он услышал девичье пение и забрался по стене. Никодемус писал, что голос был словно у соловья. И что влюбился в девушку еще до того, как увидел.

Блейд закатил глаза:

— Хренов стихоплет.

— Да, есть в этом что-то поэтичное.

— Те понравилась история. Ты — романтик, — с улыбкой пожурил Блейд.

— Вовсе нет, — возразила Онория. — Сэр Никодемус сильно рисковал. Император считал богохульством распространение вируса кем-то, кроме него, тем более чужаком. Когда во дворце узнали о случившемся, наш исследователь едва успел унести ноги.

— А девушка?

— Она должна была убежать и встретиться с ним. Вместо этого ему прислали ее руки в корзине, а заодно лучших наемных убийц.

— И че дальше?

— Сэр Никодемус сбежал по шелковому пути через пустыню. Он мало что запомнил. Кажется, впал в протрацию. А к тому времени, как пришел в себя, был уже в Греции, снедаемый жаждой крови.

— Если он правда любил девчонку, то должен был мстить ее папаше.

— Он и отомстил, — кивнула мисс Тодд. — Власть императорской семьи зиждилась на тайне и том факте, что даром обладали только они. Когда о вирусе узнали все на свете, он больше не представлял собой что-то особенное или могущественное. Они превратились просто в людей, над которыми довлеет проклятый недуг. Сэр Никодемус начал распространять болезнь, заражая... девиц легкого поведения.

— Ага, знаем таких.

— Но, добравшись до Англии, он стал выбирать, кому предложить свою кровь. Во Франции сэр Никодемус заработал целое состояние, продавая вирус французской аристократии. К тому времени, как недуг распространился по Англии, господин бывший посол слыл настоящим богачом.

— С чего платить за проклятье?

Онория посмотрела на Блейда, пытаясь сдержаться и не коснуться его лица.

— Улучшить скорость, зрение, выносливость, получить долголетие. Вирус гарантирует, что голубокровный больше ничем не заболеет. В то время течение недуга было неизвестно. Единственным минусом стал тот факт, что зараженный вынужден питаться кровью. Стоило измениться одному человеку, и весь двор захотел последовать его примеру.

— Одобряю такой план, — ответил Блейд. — Продать кровь за чертову уйму золота и к тому ж отомстить врагам. Я б восхитился им, не будь он таким долбаным позером.

— Как это по-мужски, — пробормотала Онория. — Вот, я сделала все, что могла.

Блейд посмотрел на руки:

— Заживут.

Но быстро ли? Нужно записать в блокнот свои соображения. Также надо бы проверить его рефлексy, но мисс Тодд и так подозревала, что Блейд быстрее и сильнее любого новообращенного подопытного. Не поэтому ли убить вампира, по слухам, труднее, чем голубокровного? Потому что в них вирус намного сильнее?

Интересно, как быстро восстанавливается вампир... Онория отбросила эту мысль. Глупо даже думать об этом. Ей никогда не удастся изучить одного из них. Разве что за секунду до того, как чудовище разорвет ее на клочки. Вампиры безумны из-за жажды крови, с ними не договоришься. Во времена короля Георга, когда для Эшелона имело значение только изобилие, случился набег вампиров. Город дважды сгорел. За чудовищами охотились как вооруженные граждане, так и сами голубокровные.

За год пять вампиров стоили жизни десяти тысячам горожан.

С тех пор, как только казалось, что голубокровный приближается к Увяданию, его быстро обезглавливали. Это происходило в тайне, но до Онории доходили слухи. Они называли это милосердием, а по ее мнению, ими двигал страх.

Город не выдержит еще одного набега вампиров. Люди и так уже возмущались, что механизмы отбирают у них работу, и что французы поступили умно, обезглавив всех своих голубокровных. Технология Эшелона держала недовольных под контролем, но одной маленькой провокации достаточно, чтобы снова поднять бунт.

— Че задумалась? — спросил Блейд.

Онория моргнула и перевела взгляд на гостя. Он смотрел так, будто читал ее как открытую книгу. Но ведь Блейд всегда за ней следил, во всяком случае, так Онории казалось.

— Я думала о вампире. Это было ужасно... — Она поежилась.

— Ага. Воняет как старая кляча, неделю проведенная под палящим солнцем. Грязная уродливая тварь.

Онория покачала головой:

— Конечно, его запах и вид отвратительны, но самое ужасное, что когда-то он был голубокровным, как ты.

Господин посмотрел ей в глаза своими, блестящими и зелеными.

— Разве ты не боишься? Говорят, это неизбежно, — выпалила она.

— Лекарства нету, такшо чему быть, того не миновать. — Блейд пожал плечами, как будто ему все равно, но опустил взгляд. — Я парней предупредил. Уилл смекнет, че делать.

— Это ужасно трудная задача, он совсем юн.

— Эт может тока он.

Онория вспомнила глаза верзилы и то, что он двигался почти так же быстро, как Блейд.

— Он ведь вервильфен?

Зеленые глаза сверкнули. Блейд словно взвешивал, можно ли доверять собеседнице.

— Ага.

Онория застыла. Вервильфены управляли Скандинавией, а в Германских штатах их держали на цепи и заставляли служить в армии. Но голубокровные плохо ладили с вервильфенами. Когда Эшелон пришел к власти, первым делом напал на шотландские волчьи кланы и убил почти всех в битве при Каллодене. Онория видела живого вервильфена только в клетке зверинца принца-консорта. Бедное безумное существо ходило из угла в угол. На человеческом лице горели волчьи глаза.

— Откуда он?

— Его продала мамаша, как только заметила первые признаки волчьего вируса, — пояснил Блейд. — Его выставили напоказ в Ист-Энде. Резали беднягу, шоб потешить толпу взрывом ярости берсерка. Ему было годков четырнадцать-пятнадцать. Я его вытащил.

— Я думала, вервильфен — естественный враг голубокровного.

— Врагами не рождаются, а становятся. Вервильфенов вырезают, потому что тока они могут разорвать голубокровного. Причем без напряга. Они — угроза, — продолжал Блейд и тихо добавил: — И я ненавижу клетки. Низзя было бросать его там. Уилл сидел там и пялился на меня дикими желтыми глазами.

Онория уставилась на руки. Разговор зашел в опасное русло. Так легко восхититься тем, кто вытащил из клетки подростка, понимая, каково ему приходится. Ей не хотелось смягчаться. Как только она наберется сил, то станет просто рабой. Трэлью, от которой господин будет кормиться. И все же...

— Сколько тебе было при заключении в Башню из слоновой кости? — спросила она.

— Без понятия. — Блейд пожал плечами. — Я родился в трущобах, мы там годов не считаем. У мя была сестра. — Услышав нежность в его голосе, Онория подняла глаза. Господин смотрел на стену, а его мысли витали далеко отсюда. — Викерс увидел, как она продавала цветы в Ковент-Гардене. Захотел шестнадцатилетнюю девчущку. Эмили была еще молода и купилась на его сказки. Тока отказалась бросать брата. Такшо ему пришлось взять и меня заодно. Кажись, я его забавлял. Его веселил мой говор. Типа долбанная диковинка. Он демонстрировал меня всем своим дружкам. Голубокровные устраивали бои: выставляли мальчишек друг против друга или против зверей. Викерс много ставил на меня. Говорил, что вознаградит, ежели я выиграю. Тока нельзя было рассказывать Эмили, но к тому времени сестра уже пристрастилась к кормлению. Вряд ли она особо возражала бы.

— Уверена, Эмили бы воспротивилась, — заявила Онория. Если бы речь шла о Чарли, она бы плюнула на все преимущества жизни трэли. Вот и еще одна причина ненавидеть Викерса, хотя и так хватало.

Ночная тишина словно разлилась на комнате, нагнетая обстановку. Глаза Онории горели от усталости, однако ей не хотелось бросать Блейда.

Глупо. Она и так сделала все, что могла: промыла ссадины и перевязала раны. Пора его выпроваживать.

Ну да, в одиночестве сидеть на крыше в холодной туманной лондонской ночи.

— Оставайся, — предложила Онор, отпихнув стул назад. — Я принесу одну из рубашек отца и одеяло.

В глазах Блейда мелькнуло что-то похожее на удивление:

— Ты предлагаешь мне остаться?

— Если, конечно, не решишь сидеть на крыше, как и собирался, не слушая моих возражений.

Внезапно Блейд вскочил на ноги, оказавшись слишком близко к Онории. Она отступила, но уперлась в стену.

— Онор, — прошептал он, неспешно протягивая руку, намеренно давая ей время запротестовать, если она пожелает.

Онория затаила дыхание.

— Я тогда принесу рубашку, — выпалила она и проскользнула под его рукой, слыша за спиной тихий хриплый смех.

Онория вошла в спальню и увидела, как Лена бросилась в постель. Маленький фосфоресцирующий светильник отбрасывал тусклое зеленоватое сияние. Он стоял два фунта, но прослужит вечно, в отличие от свеч и газовых ламп.

— Плохо спится? — спросила Онория.

— Он останется тут на ночь? — вместо ответа спросила Лена. — А как же Чарли?

Глянув на дверь, старшая сестра поднесла палец к губам. Открыв сундучок у кровати, порылась в содержимом. Отцовская рубашка, в которую он завернул дневник, лежала на самом дне.

— Это папина! — прошипела Лена.

— Но она же ему больше не нужна, так? — Сестра резко вздохнула. — Извини, мне не следовало так говорить. Это жестоко.

Черные глаза Лены сверкнули, а полные губы задрожали:

— Ты отдаешь ее ему?

Рубашка все еще пахла Артемием Тоддом, чернилами и химикатами. Онория застыла в нерешительности, перебирая пальцами потертый хлопок.

— Его рубашка порвана. Он сегодня спас мне жизнь. Я помню отца. Мне не нужна одежда, чтобы его не забыть.

— Это все, что у нас есть.

— Нет, — прошептала Онория, садясь на краешек койки сестры. Проведя рукой по блестящим черным волосам Лены, она улыбнулась. — Мы есть друг у друга, и это намного важнее рубашки.

— Ты правда так думаешь?

Жаль, что сестра в этом не уверена. Они были не в лучших отношениях в последние месяцы. Обе уставали и жили впроголодь, а это сложно вынести. Болезнь Чарли лишь усугубила ситуацию. Сестры находились на грани.

Онория наклонилась ближе и прижалась губами к виску Лены:

— Конечно, я так думаю. Вы с Чарли для меня важнее всего на свете. И я рада, что вы у меня есть.

Слезинка соскользнула по щеке Лены. Она все еще такой ребенок, хоть и старалась храбриться. За последние полгода из них троих она пострадала сильнее всего. Онория привыкла работать целый день в Клинике, Чарли был достаточно юным, чтобы приспособиться к жизни, казавшейся ему приключением. А Лена помнила красивые платья, друзей, привычные торты на столе и флиртующих молодых джентльменов, что вились вокруг нее будто бабочки. Она как раз собиралась выйти в свет и думала только о том, что надеть и с кем бы она хотела заключить контракт трэли. И тут ее выбросило в мрачный опасный мир, где мучил голод, а от работы пальцы приходилось стирать почти до кости, чтобы выручить на пропитание.

Лена поймала сестру за руку:

— Я тоже рада.

— Знаю. Поспи на моей постели. Нам придется делить одеяла, — попросила она Лену, взяв рубашку.

Онория взяла собственное теплое одеяло жуткого серого цвета и пошла к двери.

Ее сердце ушло в пятки, стоило заметить Блейда, изучающего дверь в комнату Чарли.

— Это комната моего брата, — зачем-то пояснила она.

— Вы его запираете?

— Он ходит во сне. Боюсь, что однажды он выйдет на улицу, — легко солгала Онория. Она ему уже столько лапши на уши навешала. Иногда повторяла выдумки так часто, что даже сама в глубине души начинала им верить. — Вот, — протянула она рубашку и одеяло.

Стройный и грациозный, Блейд двинулся вперед. Этот мужчина отлично чувствовал себя в своей шкуре. А как раз сейчас приличная часть этой шкуры предстала взгляду Онории.

— Благодарю.

Блейд подхватил одеяло и не глядя положил его на стол позади себя. Рубашка — другое дело. Он взял ее, позволил мягким складкам скользнуть между пальцами.

— Я уйду поутру. Поглядим, сумеем ли выследить вампира до его логова.

— Извини, — прошептала Онория.

— За что? — Господин вскинул густые рыжевато-коричневые четко очерченные брови, придававшие ему дьявольское обаяние.

— Ты мог бы поохотиться за ним сейчас, если бы не пообещал меня защитить.

— На вампира неча охотиться ночью одному. Мне нужна помощь Уилла. А он вышел из строя на пару дней. Такшо я просто пойду на разведку.

По крайней мере, при дневном свете он в безопасности. Вампиры, с их белой чувствительной кожей, не переносили солнечного света. Но если тварь пряталась в туннелях Нижнего города, где трущобы переходили в подпольный мир — да, там тоже жили люди, те, кто готов был рискнуть, — тогда Блейду придется пойти за чудовищем.

— Будь осторожен, — выпалила Онория.

— Волнуешься за мя, милашка?

— А кто же заплатит мне такую же цену? — ответила она и тихо добавила: — Я не желаю зла ни тебе, ни твоим подручным.

От легкой улыбки на щеках голубокровного появились ямочки. Блейд на самом деле выглядел настоящим красавцем, когда улыбался. У Онор даже слегка дыхание перехватило.

— Канешн, — согласился он. — Я передам парням твои пожелания. Че ж до меня... — Господин шагнул вперед и хрипло продолжил: — Я тя сам поблагодарю.

Онория не успела отступить. Он поцеловал ее, заглушив протест едва уловимым легким прикосновением прохладных губ. Затем отступил, по-прежнему держа рубашку. Улыбка Блейда стала какой-то другой... едва ли не тоскующей.

Онория моргнула, все еще выставив перед собой руки, словно пытаясь отгородиться. Вернее, если совсем честно, чтобы дотронуться до Блейда.

— Зачем ты это сделал?

Улыбка Блейда сводила ее с ума. Глядя на его рот, Онория еще ощущала фантомное обжигающее прикосновение его губ и боялась, что никогда не избавится от этого чувства.

Блейд пожал плечами, отвернулся и натянул рубашку:

— На случай, ежели завтра умру, чтоб ни об чем не жалеть. А мне хотелось поцеловать тя с первой встречи.

Грубая честность изумила ее. Онория невольно дотронулась до своих губ и, не сводя взгляда с Блейда, сказала:

— Мы об этом не договаривались.

— Неа, не договаривались. — Господин встряхнул одеяло и посмотрела на хозяйку. — Приятных снов, милашка. — И ослепительно улыбнулся, как будто знал, что у нее будут за сновидения. — Мои уж точно будут приятными.

На следующее утро пришла записка. Блейд как раз закреплял наручные ножны, когда к нему вбежала Ларк. Господин подхватил ее на руки и обнял:

— Эй, котенок. Че спешишь?

Девчушка сморщила нос от запаха его доспехов и протянула сложенный толстый кусок пергамента:

— Голубокровному охота перекинуться с тобой словечком.

Блейд опустил Ларк и взъерошил ее волосы:

— Голубокровный, во как?

Значит, его вчерашнее сообщение получено. Блейд взглянул на пергамент, но ничего не понял, даже когда сел и попытался сосредоточиться на мешанине из букв.

— Он едет сюды на паровом экипаже. — Ларк отдернула занавески и выглянула в окно.

Блейд натянул сапоги и нащупал за поясом нож с зазубренным лезвием. Прошлая ночь доказала, что вампира нужно ранить как можно тяжелее прежде, чем тварь начнет исцеляться.

— Ага, иду. Пусть Рип выйдет на крышу с винтовкой.

Ларк бросилась в Логово за здоровяком-подручным.

Господин засунул пистолет за пояс сзади, потому что дураком не был, и поддернул ножны. Пора станцевать с дьяволом.

Безлошадный паровой экипаж подъехал как раз, когда Блейд шагнул за порог. Модно одетый кучер в синей ливрее сидел на козлах впереди и управлял кэбом с бесстрастной уверенностью. Отделанный перламутром экипаж блестел в тусклом солнечном свете. Позолоченный причудливый узор извивался по поверхности. Блейд заметил, как кто-то раздвинул синие бархатные занавески.

Какая глупость: приехать в таком роскошном кэбе в район голодранцев. Вот из-за подобной дурости и вспыхивали бунты.

Наверное, потому рядом с экипажем и шли четыре металлогвардейца, топая железными сапогами по булыжникам. Блейд посмотрел на их левые руки и на секунду застыл. Огнеметы, заменяющие конечность — опаснейший вид оружия.

Блейд прислонился к косяку. Грум в ливрее спрыгнул с запяток, поспешно выдвинул ступеньку и открыл створку. Встав рядом на колени, он склонил голову, когда изящная ручка в перчатке оперлась на дверцу.

Вот те на... женщина. Значит, они либо надеялись успокоить его, либо соблазнить. Черт, да все, что угодно.

И это могла быть только одна женщина.

Блейд подошел, вытащил из кармана золотой портсигар.

— Миледи Арамина, — поприветствовал он, зажигая тонкую сигару. — Какой приятный сюрприз. Я б ща раскланялся, но мои колени уже не те, что раньше.

Леди Арамина вышла из экипажа, придерживая юбки изящной рукой, и осмотрелась с прохладным безразличием. Бледные холмики ее груди едва не вываливались из зеленовато-оливкового лифа платья. Черное кружево сохраняло видимость приличий, а еще кусочек изысканных кружев прикрывал глаза. Сложное сооружение из черных страусиных перьев и металлических бусинок скрепляло элегантный поток темно-рыжих кудрей, которые гостья

не потрудились припудрить перед приездом. Это придавало ей эротический и загадочный вид, и Блейд невольно понаслаждался зрелищем пару секунд. Он ведь всего лишь мужчина, а леди Арамина, как говорят, красивейшая женщина в Англии.

Прежде ему не доводилось с ней встречаться. Голубокровные Эшелона были в основном мужчинами, за одним потрясающим исключением. Заражение женщин запрещалось, дабы не подвергнуть слабый пол жажде крови и истерии, но леди Арамина являлась единственной наследницей дома Казавиана. Ее отец, умирая от неизвестной болезни, совершил непростительный проступок, лишь бы только его дом не канул в лету. Поговаривали, будто он хохотал, подыхая в постели. Другие же утверждали, что он сам себя надул, так как его дочь на деле почти не имела влияния. Каким-то чудом ей удалось пережить множество покушений на свою жизнь, но Казавиан стал самым слабым из семи Великих домов.

Леди Арамина принялась стягивать перчатки, что, как ни странно, напомнило Блейду об Онории. Какая тревожная мысль. Ему не следует думать о ней так часто, однако проклятая девица, похоже, намертво засела голове.

И тут-то сногшибательное очарование леди Араminy растеряло свою силу. Рыжие волосы оказались недостаточно темными, карие глаза — слишком светлыми, похожими на бренди. А вот оставшиеся в его памяти черные омуты Онории блестели сдержанным гневом. Именно в них он хотел бы утонуть, погружаясь в ее тело, а не в этих расчетливых очах, которые теперь следили за ним.

Мда, тревожно. Блейд вдохнул сладкий дым.

— Вы получили мое сообщение? — спросила леди Арамина, отдавая перчатки груму, но не отводя взгляд от Блейда.

— Щас сами все выложите. Заходите, я пошлю за чаем и ячменными лепешками, и мы с вами хорошенько потолкуем, идет?

Карие глаза цвета бренди потускнели, но Арамина не знала, насмехается над ней этот наглец или нет.

— Я прибыла не одна.

Блейд чувствовал запах одеколona из экипажа.

— Ага. — А взглянув туда, увидел мускулистое бедро и ногу в чулке. — Вижу.

— Мы не причиним вам вреда, — ответила Арамина, направляясь к господину, словно он должен обратиться с дороги.

Блейд бросил сигару на булыжники и раздавил ее. Арамина остановилась перед ним, недовольно нахмурив бледное холодно-прекрасное лицо. Господин сделал шаг вперед и посмотрел на нее сверху вниз. Леди не особо напряглась, только поджала губы.

Сунув руки в карманы, он обошел гостью по кругу, как будто осматривая ее:

— Роскошная голубка. Принц-консорт послал вас, шоб меня умаслить?

Арамина чуть сжала пальцы. Хорошо.

Она повернула голову и посмотрела на него через плечо. Взглядом леди готова была содрать с Блейда шкуру, и он подозревал, что Арамина уже представляла себе эту картину.

— Вам не стоит враждовать со мной, — предупредила леди Казавиан.

Красивая гадюка. Блейд быстро схватил и сжал ее запястья за спиной. Она вздохнула и прошипела:

— Убери от меня свои руки!

— Слушай сюды, дорогуша, — холодно произнес Блейд. — Мы уже враги. Я никада этого не забуду. Такшо хорош юлить. Мне не по нраву твои игры.

Он услышал, как из экипажа вышел другой голубокровный, но вот аплодисменты застали его врасплох.

Мельком взглянув в ту сторону, господин вскинул брови. Вот уж кого он не ожидал увидеть в обществе леди Арамина, так это Лео Бэрронса. Дома Кейна и Казавиана много лет враждовали, выжидая, когда противник оступится. Дом Кейна едва не уничтожил Арамину.

Во что же играет принц-консорт? От всех этих интриг у Блейда голова разболелась.

Стоило ему отпустить леди, как она развернулась и выхватила маленький кинжал, украшенный драгоценными камнями. Блейд успел отступить.

— Угомонитесь, принцесса, а то еще ножичком порежетесь.

Арамина оскалилась.

— Довольно, — приказал Бэрронс. — Говорил же, что ему не нравятся игры.

— Интересная оценка от того, кто ничего обо мне не знает, — отозвался Блейд, внимательно рассматривая гостя.

Тот развернулся с жуткой грацией, непривычной для голубокровных Эшелона. Значит, умеет фехтовать на мечях. А еще хорошо знает Онорию.

Блейд коротко кивнул, как приветствуют друг друга дуэлянты.

Бэрронс взглянул на крышу и спросил, взяв щепотку табака:

— Опять снайперы?

— Осторожность не помешает, — ответил Блейд, махнув рукой в сторону темного входа в Логово. Металлогвардейцы хотели было пойти следом, но господин отрезал: — Машины останутся здесь.

— Они умеют вести себя в доме, — сказала Арамина.

Блейд вытянул руку, загораживая ей дорогу:

— Ага, но ко мне в дом они не попадут.

Леди хотела было запротестовать, но ее спутник пробормотал:

— Оставь. Нам надо обсудить кое-что поважнее.

Блейд опустил руку:

— Ага.

Арамина, кажется, собиралась возмутиться, что грязнокровный пойдет за их спинами, но Бэрронс зашел первым, опасный даже в бархате и кружевах, и пропал во тьме Логова.

— После вас, — сладко предложил Блейд.

Арамина ринулась вперед в вихре пахнувших жасмином юбок. Блейд быстро оглядел улицу и крыши и последовал за ней.

О'Шей ожидал в так называемой комнате для посетителей. Там было темно и пахло плесенью, а половицы чуть ли не проваливались под ногами. С окон свисали драные занавески, а камин потух. Единственный намек на то, что жилище чем-то отличалось от трущобных лачуг, — три элегантных кресла времен Людовика XVI в центре комнаты.

Даже Бэрронс, казалось, поразился почти пустому помещению. Арамина изящно сморщила нос. Но Блейд давно усвоил, что нельзя пригревать гадюку на груди. Эта комната была показной. Немногие видели настоящие покои и домашнюю пристройку, в которой жила его «семья». Онория — единственная за последнее время, кого он впустил в свою святая святых.

— Жди снаружи, — тихо приказал Блейд О'Шею, а затем обратился к голубокровным: — Садитесь. — Сняв красный плащ, бросил его на спинку и опустился в кресло. Ларк выскочила из тени со скамеечкой для ног. Минуту просидев в нерешительности и сердито

зыркнув на девчонку — он чего ей, чертов лорд? — Блейд закинул ноги в сапогах на подставку.

Бэрронс отодвинул кресло для Арамина. Блейд не упустил, как та посмотрела на спутника. Пусть они и притворяются союзниками, но если один из них учует яд в чашке другого, то, без сомнения, не скажет ничего, пока не станет слишком поздно.

— Вы утверждаете, что в трущобах Уайтчепела орудует вампир. — Арамина перешла сразу к делу. Каким-то образом, несмотря на обстоятельства, она сделала вид, словно это господин пришел ее о чем-то просить. Для такого и правда нужен настоящий талант.

— Ага. То еще чудище.

Бэрронс подался вперед:

— Вы его видели? Вы же сказали, что нашли только тела.

— Прошлой ночью наткнулся на эту тварь. Самолично. — Блейд с отвращением мотнул головой. — Никада подобного не видал. Конечно, слыхивал истории, но... своими глазами — совсем другое дело.

— Вы выжили, — заметила Арамина, взглядом показывая, что сожалеет о таком исходе.

— Едва, — ответил Блейд и махнул Ларк. — Подай, пожалуйста, бладвейн.

Девочка кивнула и бросилась вон из комнаты.

— Он быстрее и сильнее, чем все, что я видал. — Блейд тоже наклонился вперед. — Я проткнул ему сердце, а чудище едва моргнуло.

Все трое присутствующих не застали тот Кровавый год, все случилось еще до их рождения. Для них это был ужас, миф, превратившийся в кошмар наяву.

— Вы уверены, что проткнули именно сердце? — спросила Арамина.

Блейд ткнул пальцем под грудину:

— Вот тут. Твари не понравилось, но она не особо пострадала.

— Вам удалось его найти? — спросил Бэрронс. Вел он себя делано спокойно, но напряжение в темных глазах выдавало тревогу.

Блейд покачал головой:

— Он убег, как тока я его ранил, и мне не удалось его догнать.

— Вы не стали его преследовать? — спросила Арамина.

— Вампир потрепал одного из моих подручных. Я не дурак, чтоб охотиться на него в одиночку. Хочу понять, откуда он.

— Мы еще точно не знаем, — ответила Арамина. — Принц-консорт приказал нам разобраться. Нельзя такое допустить. Кто-то знал, что происходит, и умыл руки.

Бэрронс кивнул, глядя в пол рядом с сапогом Блейда. Возможно, потому что хотел обвинить собеседника в чем-то, но господин никак не мог стряхнуть ощущение, будто гость что-то скрывает.

Ларк вернулась, осторожно неся поднос с бладвейном, и сначала протянула напиток хозяину.

— Мы готовы предложить поддержку военных. Принц-консорт... — продолжила Арамина.

— Ага. Легион металлогвардейцев прибудет за чудищем, и че потом? Они просто уберутся и оставят в покое меня и трущобы? — Блейд рассмеялся. — Черта с два. И че подумают мои люди, када заметят, что пришли их враги? Они подымут бунт.

— Может, вы переоцениваете людскую нетерпимость, — возразила Арамина. — Они совершенно не бунтовали в других районах. Если только у вас имеется иная причина против

прихода легиона. Так?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Блейд прищурился:

— Эт не Кенсингтон, миледи. И, может, вам стоит осмотреться. Люди помирают с голода, а налоги все растут. Принцу-консарту тут не рады. Увидят орду металлогвардейцев в трущобах и решат, шо дело дрянь. — Он подался вперед: — Если считаете мя трусом, скажите прям в лицо.

Арамина покраснела. Одно Блейд об Эшелоне усвоил крепко: они могут мило улыбаться жертве, одновременно планируя ее смерть, но если поймать их на обмане, то сразу раскалываются.

Бэрронс замаскировал смешок кашлем:

— Так что вы предлагаете? Принц-консарт желает как можно скорее избавиться от этой проблемы.

Блейд притворился, что думает, но еще прошлой ночью все решил, лежа на полу в кухне Онории и слушая ее дыхание из соседней комнаты.

— Два десятка Ночных ястребов.

Некоторые из этого гарнизона были такими же, как он, инфицированными вирусом жажды и выброшенными, когда сумели обуздать голод. Их обостренные чувства позволяли им стать доками по поимке преступников. И они работали на таких же улицах, как и в трущобах.

— И вы, — добавил Блейд, глядя Бэрронсу прямо в глаза. — Я поработаю с вами.

Лучше присмотреть за ним. И, может, даже узнать, что для него значит Онория — а еще лучше, кто для нее этот голубокровный.

Арамина моргнула:

— Бэрронс? Но почему? Он дуэлянт, но не чета вампиру.

— Он говорит то, че думает. Мне это по вкусу. И если и пытается меня надуть, я не вижу, как.

— Не говоря уже о нашем общем знакомом, — прошептал Бэрронс.

Они посмотрели друг на друга. Бэрронс точно знал, чего от него хотел Блейд. Волоски на затылке господина встали дыбом, но он резко кивнул:

— Ага, и это тоже.

— Знакомый? — Арамине не нравилось, что она не в курсе.

— Старый друг. — Бэрронс улыбнулся леди и встал. — Мы принимаем ваше предложение. Будем вместе управлять охотой. Принц-консарт пошлет два десятка Ночных ястребов. И я хотел бы настоять на эскадроне металлогвардейцев, несмотря на вашу осторожность. Они полезны для зачисток туннелей, когда нежелательно рисковать жизнями.

Разумно. Блейд задумался:

— На эскадрон я соглашусь. Несколько огнеметов и пару-тройку землетрясов. Либо мы его выкурим, либо выкопаем.

Блейд отдал Ларк пустой бокал и поднялся, протягивая руку. Бэрронс секунду колебался, затем сжал предложенную ладонь. Несмотря на кружевные манжеты, у аристократа была твердая хватка и мозоли. А когда господин сдавил чуть сильнее положенного, наследник дома Кейна улыбнулся и ответил тем же.

Они разжали руки и кивнули друг другу.

— Заметано, — сказал Блейд.

— Заметано, — согласился Бэрронс.

Арамина поднялась и разгладила юбки:

— Ну что ж, рада, что вы пришли к соглашению. Если понадобится, я буду в экипаже. — Она повернулась и вышла, оставив терпкий экзотический аромат жасмина.

— Красотка, но тока безумец решит поиграться с такой тигрицей, — заметил Блейд.

— Она не так уж плоха, если ей подрезать коготки, — возразил Бэрронс, демонстрируя дьявольскую улыбку.

Блейд указал на дверь. Оба молчали; между ними искрилось почти видимое напряжение, от которого по коже господина забегали мурашки.

Аристократ ничего не сказал хозяину по пути к выходу, но остановился на пороге:

— Вы знаете, кто она?

Можно было не сомневаться, о ком речь.

— Ага. Кто она вам?

— Старинная приятельница, — ответил Бэрронс.

— Приятельница. Мне не нравится это слово, оно мне ниче не говорит.

— Ее отец много лет работал на герцога Кейна, пока его не сманил Викерс. Мы выросли вместе. — Бэрронс бросил на собеседника сердитый взгляд. — Не буду утверждать, будто мы друзья, нет, но мне бы не понравилось, если б с ней что-то случилось.

Блейд почувствовал облегчение, но не до конца.

— Она пришла ко мне, и я дал ей защиту.

— В качестве трэли? — требовательно спросил Бэрронс.

— Ага.

Бэрронс тихо и невесело рассмеялся:

— Боги, я ее до этого довел.

— Че за хрень вы городите?

— Она сначала пришла ко мне. И я отказался помочь. Если б знал о ее намерениях, то, может, проявил бы больше такта. — Бэрронс кивнул. — Я передам наше соглашение принцу-консорту и завтра утром вернусь с подмогой.

— Ага, — процедил Блейд, но его собеседник уже ушел, легко и грациозно направляясь к экипажу.

«Она сначала пришла ко мне...» Какого черта это значит?

Онория вонзила шприц в резиновую крышечку флакона с густым коллоидным серебром, пытаясь не обращать внимания на то, как содрогнулся брат. Игла должна быть достаточно большой, чтобы втянуть вязкую жидкость — значит укол причинит адские страдания. Но самое ужасное начнется, когда серебро вступит во взаимодействие с вирусом, и Чарли охватят болезненные судороги.

Иногда лечение оказывается хуже недуга. Но в данном случае это вообще не было никаким лечением. Уколы просто ненадолго замедляли процесс, даря им еще немного времени.

— Ну давай, Чарли, — пробормотала Онория. — В какую руку?

— В правую, — вздохнул тот, протягивая тонкую словно у пугала ручонку. На сгибе локтя уже красовалось несколько мелких шрамов. При таких частых инъекциях вирус не мог излечивать раны.

Онория туго затянула кожаный ремешок на плече брата и привычным движением ввела иглу в вену. Чарли закусил губу, сдерживая слезы.

— Скоро все пройдет, мой маленький мужчина, — приговаривала она, наблюдая за медленно убывающим металлом. — Еще чуть-чуть. Всего несколько минут.

Потом коллоидное серебро соединится с вирусом, и Чарли придется сдерживать уже крик. Господи, как же Онория это ненавидела. Должен быть способ получше! Профилактическая вакцина подействовала на обеих сестер Тодд, так почему же не сработала с Чарли?

Всегда находилось несколько людей, к которым вирус не цеплялся. И отец Онории экспериментировал, смешивая их кровь, не в состоянии что-либо объяснить, но готовый вакцинировать этой невосприимчивой кровью всех желающих. И в большинстве случаев срабатывало. Наверное, только один из нескольких сотен испытуемых проявлял симптомы болезни. И лишь по жестокой иронии судьбы Чарли оказался в их числе.

А может, и нет. Онория всегда подозревала неладное. Отец как-то оцарапал ее шприцем, который уже использовал на пациенте из Института, но утверждал, мол, это случайность. А вдруг такая же «случайность» произошла и с Чарли? От подобных мыслей становилось дурно, но ведь для мистера Тодда наука была всем. А поиск вакцины — смыслом жизни.

— Ну вот и все. — Онория вынула иглу и прижала к ранке марлевую подкладку.

Чарли дрожал, изо всех сил стараясь лежать спокойно. Затем пронзительно, позвериному, вскрикнул от боли и уткнулся лицом в подушку. Онория отложила шприц в сторону и погладила худенькую спину, чувствуя пальцами каждое ребро...

— Удалось сдержать завтрак?

Он помотал головой и что-то задушено промычал. Онория скользнула на кровать рядом с братом, обхватила руками его крошечное тельце и, крепко прижав к себе, запела колыбельную, что отец напевал им в детстве:

— *Тише, мой Чарли, малютка моя,*

Папа подарит тебе соловья.

Если же он не споет нам ни слова,

Папа найдет короля заводного.

Если и эта игрушка сломается...

Прошло много бесконечных минут, прежде чем слезы брата иссякли. И еще больше потребовалось, чтобы он перестал мучительно содрогаться. Боль забрала все силы, и Чарли устало распластался на простынях.

Онория переплела свои пальцы с его:

— Все закончилось, Чарли. На сегодня все.

— Хочу, чтобы навсегда закончилось, — прошептал он.

Ком встал в ее горле.

— Не говори так. Ты же не имеешь в виду...

— Имею. — В голосе брата звучали слезы. — Ты не представляешь, каково это.

— Тс-с. — Она погладила его по спине; сердце болезненно сжалось.

«Отец, я обещала тебе, что буду о нем заботиться. Но как я могу защитить его от этого?

От самого себя? Ты же клялся, что все получится! Что вакцина подействует...»

Но она не подействовала, а отец так и не довел лекарство до ума. Оставались только записи в его дневнике и...

Рука Онории замерла. Мистер Тодд зашифровал большую часть записей, но она знала шифр. Возможно, ей удастся закончить работу отца.

Отчаянный шаг. Но Онория как раз была на грани отчаяния. Долгое время она лгала себе, но правда состояла в том, что Чарли становилось все хуже.

Приподнявшись на локтях, Онор заглянула в лицо брата. Ресницы подрагивали на его щеках. Боль его изнурила. После инъекции он обычно спал часами...

Онория соскользнула с кровати и, быстро нацарапав записку для Чарли, оставила ее на соседней подушке. Затем поцеловала брата в холодный лоб и прихватила с собой шаль, чтобы не замерзнуть. До Института путь неблизкий.

* * *

Ничего. Они целый день убили, прочесывая трущобы, и не нашли даже намека на вампира. Блейд вышагивал по крыше, балансируя на черепице, и хмурился.

— Ну где-то ж он должен быть, — пробормотал следующий за ним по пятам Уилл.

— В Нижнем городе. Мы тока там еще не искали.

— Хренов ад.

Да уж, с этим Блейд был полностью согласен. Нижний город служил убежищем для бездомных и бедняков, что не могли себе позволить платить дань Эшелону или скрывались. Отчаявшиеся. Правила Нижним городом банды тесаков, прячась в туннелях, которые когда-то являлись проектом Восточной ветки подземной железной дороги, соединяющей районы, но затем все рухнуло, заживо похоронив под обвалом сотни рабочих. Разразившийся скандал привел к краху железнодорожной компании, и строительство остановилось за недостатком средств. Дальнейшие попытки очистить туннели лишь привели к токсичным взрывам из-за вскрывшихся газовых месторождений, а затем поползли слухи о призраках, раздирающих живых на клочки. Эшелон в кратчайшие сроки объявил о закрытии проекта и заколотил туннель досками.

Там внизу был долбаный муравейник. Идеальное место, чтобы спрятаться. Блейд сразу заподозрил, что именно туда тварь и направилась, но понадеялся, что ошибается.

Легкий ветер принес с собой знакомый аромат. Дернув головой, хозяин трущоб оглядел улицу. Десятки людей плелись домой с работы. Блейд никого не узнавал... и все же совершенно отчетливо чуял запах Онории. Где она?

Явно не та старуха на углу. И не безвкусно разряженная шляха, что грызла ногти, разглядывая не слишком-то богатую уловом толпу. Улица бурлила благодаря шайке местных мальчишек, играющих в переулке с вертуном. Они носились туда-сюда вслед за заводным вертящимся мячом, который с равным воодушевлением отскакивал от стен, телег и прохожих. Цель игры — поймать вертуна раньше всех или хотя бы до того, как его раздавит проезжающий мимо экипаж.

Мяч промчался мимо черноволосой девушки с палкой на плечах, на краях которой балансировали ведра с углем. Механическое жужжание становилось все громче — верный признак того, что завод вертуна подходит к концу. Девушка пошатнулась, когда мимо пронеслась толпа мальчишек, с гиканьем и длинными крючковатыми палками, что использовались для ловли мяча — ну или для подножек друг другу.

— Да чтоб меня... — пробормотал Блейд.

Онория измазала волосы и лицо угольной пылью так сильно, что стала почти неузнаваемой. В Лондоне полно таких вот молодых женщин, продающих уголь, дабы свести концы с концами. Чертовски хорошая маскировка. Даже Блейд поначалу не обратил на нее внимания.

Возможно, помогло то, что двигалась Онар чересчур неуверенно, слегка опуская голову всякий раз, как кто-то на нее смотрел. А вот опрятные чистые ногти выдавали ее с потрохами. У угольных девчонок таких рук не бывает.

— Вот же дьявол! — выругался Уилл, едва не налетев на друга.

— Дуй домой. Передохни. Я скоро.

— Не стоит она этого.

Блейд знал, чем вызвана такая неприязнь помощника. Уилл презирал большинство женщин — или вообще их избегал. После того, как мать продала его за пять фунтов, он послал всех баб к черту.

И, конечно, возникло некоторое недоразумение пару лет назад, когда двое мужчин договаривались о кормлении. Уилл был молод, в расцвете сил и с минимальным сексуальным опытом — если таковой вообще имелся. И он очень бурно отреагировал на кормление. В теле его вспыхнули такие чувства, к которым в обычные дни Уилл, вероятно, был не склонен. Блейду потребовалось некоторое время, чтобы понять, с чего это помощник отныне избегает встречаться с ним взглядом. А затем настал тот злополучный вечер, когда Уилл потянулся к господину, наплевав на все правила.

Они все уладили. Блейд мягко разжал хватку Уилла.

— Ты себя угрохаешь. Она проблема! У тебя башка не варит, — рычал вервильфен. — Если так невтерпеж, наведайся в один из притонов или прямо на улице выбери шляху. Вокруг полно девок, с которыми можно кувыркнуться.

— Хочу эту.

— Почему?

Блейд пожал плечами. Он даже себе не хотел признаваться, не то что обсуждать с Уиллом, но Онория его заинтриговала.

— Забудь, Уилл. — Блейд шагнул на расположенную под углом черепицу крыши и скатился вниз к сточному желобу. — Скоро вернусь.

Не обращая внимание на бормотание помощника об упрямых дураках — Уилл наверняка знал, что господин услышит, — Блейд оттолкнулся и приземлился на мостовую. Его добыча только что скользнула в переулок, ведущий на Петтикоут-лейн. Куда она собралась?

Блейд следовал за Онорией сквозь толпу пешеходов на Петтикоут-лейн и вдоль всей Уайтчепел-хай. Она направлялась к Олдгейт. В город. В самое сердце Эшелона.

Внутренности скрутило, и перед глазами внезапно всплыло лицо Бэрронса, так что пришлось сжать кулаки. Если Онор встречается с этим голубокровным, Блейд должен знать. Он еще не совсем двинулся, чтоб с кем-то делить женщину. Онория приняла защиту господина. А значит, любого посягательства на нее со стороны другого мужчины достаточно, чтобы оного убить.

Блейд вслед за беглянкой шагнул под тяжелую кирпичную крышу Олдгейта, и людям хватало одного взгляда на его лицо, чтобы тут же убраться с дороги.

«Какая жалость. Ведь Бэрронс мне почти понравился».

Клиника находилась в огромном каменном здании в Блэкфрайерс, окруженном пятиметровыми стенами с колючей проволокой, подключенной к заряженной молнии. Любой, кто рискнет дотронуться, получит сильный разряд тока.

Снаружи дом производил отталкивающее впечатление, дабы люди держались подальше, но Онория знала, для чего на самом деле нужны все эти преграды: чтобы не дать новообращенным сбежать.

Обойдя с ведрами вокруг здания, мимо увитых плющом стен, Онория остановилась и осмотрелась, дабы убедиться, что ее никто не заметил.

Кроме главных ворот существовало еще два способа попасть внутрь: сверху и снизу. Либо, задержав дыхание, проплыть в темных водах, что насыщали Клинику, и проскользнуть через железные прутья. Либо забраться на дерево, перепрыгнуть чуть больше метра между ветками и стеной, а затем надеяться, что на западной стороне все еще есть тот ворох проволоки, под которым можно пролезть.

Вынужденное голодание пришлось как нельзя кстати. Теперь Онория была стройнее, чем в день побега, хоть понемногу и набирала вес благодаря еде, купленной на деньги Блейда. Но и не такой худышкой, как в шестнадцать, когда отчаянно носилась по закрытым дворам и соревновалась с другими учениками. Онория обыгрывала их всех. Большинство ребят не решалось пролезть под подключенной к молнии проволокой, но она еще тогда отличалась смелостью. Беззаботностью. Прямо как Лена.

Сейчас, в двадцать четыре, Онория считала, что избавилась от излишней бесшабашности и глупости. Однако она замерзла, значит придется лезть через стену, а не плыть под ней.

Онор остановилась под деревом и подвязала юбки. Волоски на затылке встали дыбом. Ей казалось, что за ней наблюдают, но, быстро оглядевшись, она никого не заметила.

Вскарабкавшись на дерево, Онория остановилась в изгибе ствола, восстанавливая дыхание. В прошлый раз она была здесь в ту ночь, когда отец отослал их прочь. Лена и Чарли ждали в паровом кэбе за несколько кварталов, пока старшая сестра проникла в Клинику под покровом темноты. Ведь не только отец записывал свои исследования.

Ценность отцовского дневника заключалась в хранившихся в нем сведениях. Записная книжка Онории, которую та держала в запертом ящике стола в Клинике, была почти так же опасна. С помощью этих записей Вickers мог бы восстановить открытия мистера Тодда.

Все шло просто чудесно, пока не показался ночной охранник с собакой. Онория как раз кралась к выходу, уложив оба дневника в мешочек на поясе, когда животное залаяло, и ей пришлось спрятать записи и бежать.

Подчас безопаснее всего прятать что-то прямо под носом у того, от кого нужно это скрыть.

Онория замерла, когда ветка стала прогибаться под ее весом, и осмотрелась: чуть больше метра до стены и пять метров до земли.

Капелька пота стекла с носа. Онория ухватилась крепче и медленно села на корточки. А в детстве намного легче, когда ничего не боишься. Вцепившись в ветку над головой, Онор снова посмотрела на стену.

Вот только не ожидала, что так ослабла после месяцев голодания. Она едва допрыгнула

до стены, схватилась руками за край, не обращая внимания на острую боль от сломанных ногтей, из последних сил вскарабкалась вверх и на мгновение остановилась, чтобы отдышаться.

На двор опускалась темнота, скрывая явные признаки запустения и густой слой сажи на всех поверхностях. Онория поползла по стене. Проволока в этом месте перепуталась, оставив отверстие, позволявшее пролезть под ней.

Онория начала понемногу продвигаться вперед, подтягиваясь точно гусеница. Все было хорошо, пока дело не дошло до бедер. Узел на юбке мог задеть проволоку.

— Ну же, — прошептала она, неловко поправляя одежду.

Кто-то крикнул:

— Эй, ты!

Онория застыла.

Охранник вышел из-за угла сада и махнул кому-то вдалеке. К счастью собаки с ним не оказалось.

«Не шевелись. Не дыши. Может, он тебя не заметит».

Напряженная минута затянулась. Охранник крикнул что-то о перерыве на чай и рассмеялся, услышав ответ собеседника. Затем исчез за углом западного крыла.

Судорожно выдохнув, Онория снова поползла вперед.

Она спустилась по стене, нащупывая ногами щели между камнями. Густая растительность скрывала нарушительницу от окон-бойниц главного здания. Плющ стелился по зловещим голубовато-серым стенам, а главный вход перекрывала опущенная решетка, напоминавшая оскаленные зубы.

Охранники-люди сейчас, должно быть, пьют чай в западной сторожевой башне. Онория пригнулась и поспешила к кладбищу за главным зданием. Если распорядок стражей не изменился, у нее есть самое большее минут пятнадцать до того, как охранники начнут последний обход.

Кладбище отделялось от садов низкой стеной. Придется выйти из укрытия, чтобы попасть к железным воротам. Взглянув на дом, Онория внимательно осмотрела окна. Похоже, там никого, но ведь с этой стороны располагались камеры. Проследить за ней могли лишь подопытные, большинство из которых находились на последних стадиях вируса жажды.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, мисс Тодд добежала до каменной арки, за которой находились ворота. Прижавшись спиной к стене, она выглянула из-за угла. Все тихо. Затем осторожно приоткрыла створку. Ворота заскрипели, вызвав приступ паники, но криков не последовало. Проскользнув в узкий проем, Онопор на всякий случай мельком оглянулась. Чувство, что за ней наблюдают, усилилось.

А может, это просто холодок по коже от кладбища, где служащие Клиники хоронили тела заразившихся, которые пострадали от побочных эффектов вируса. Некоторых разрезали и осматривали в подвальных лабораториях перед тем, как выбросить. Других сжигали, а пепел потом вводили добровольцам из бедняков, чтобы выяснить, уничтожило ли пламя вирус. Обо всех этих ужасах они с отцом узнали в последние недели своего пребывания здесь, но так и не смогли ничего поделать.

На могилах стояли обычные гранитные надгробия — просто как дань людской сентиментальности. Но чуточку дальше высилась потрясающая крипта с парящим над ней мраморным ангелом. Безмятежное лицо обращено к небу. На медной табличке значилось:

«Эмили Энн Ратингер. Умерла в 1821 году. Спи спокойно, любовь моя». Вот тут Онория и спрятала дневники.

Ворота не запирались на ключ, но от времени практически заросли. Онория осторожно потянула решетку, и ржавчина посыпалась под ее пальцами.

Створка поддалась, и незваная гостья сумела проскользнуть внутрь. В склепе было темно и холодно, но она не осмелилась зажечь факел, который купила по дороге, так как он осветил бы помещение, будто фейерверки в ночь Гая Фокса. Закрыв за собой ворота, Онория наощупь спустилась по лестнице.

Один. Два. Третий кирпич справа. Вот. Это место она нашла несколько лет назад. Онория потянула плохо прилаженный кирпич, и посыпалась известка.

Мешочек с дневниками лежал прямо в углублении. Онор схватила его, приторочила к поясу, затем поспешно поставила кирпич на место. Тишина затягивала ее. Непонятно, почему ей так не по себе, прежде она не боялась сюда спускаться.

Пора убираться, пока не пришла охрана, и ужас не заставил Онор струсить. Она поспешила к выходу, дошла до ворот...

И застыла.

Кто-то двигался к склепу по неухоженной лужайке. Синий плащ из мятого бархата свисал с широких плеч, золотой нагрудник поблескивал в лунном свете. Бледный мужчина с отрешенным лицом вышагивал по траве, вооруженный тростью из черного дерева.

К Онории направлялся ее худший кошмар — герцог Викерс.

Голод грыз Блейда, и голубокровный машинально выглянул из укромного места. Викирс во плоти. Такой возможности не представлялось больше полувека.

«Думай, идиот!» — приказал он себе. Эскадрон охранников совсем рядом, а Викирса невозможно застать врасплох — мерзавец носил чертов нагрудник не снимая. Единственный способ убить этого злодея — обезглавить, а так как в трости герцога скрыто тонкое лезвие, то подобраться к нему близко — настоящее самоубийство.

Да ещё и Онория здесь. Чертовка, какова хрена она тут забыла? Внезапно Блейд едва не задохнулся от жуткой мысли: «А если это не случайно? Нет. Невозможно».

Блейд скользил от укрытия к укрытию, следуя за парочкой. Викирс остановился у усыпальницы и воткнул трость в мягкую траву. Палка так и осталась торчать; голубокровный снял перчатки и повесил их на золотую ручку.

«Что он делает?»

Блейд пригнулся, чтобы скрыться за пышно растущим кустом роз. Викирс склонил напудренную голову, стиснул руки за спиной и... просто стоял на месте. Как будто отдавал кому-то дань уважения.

Горе? Или чувство вины? Блейд вскинул бровь. В жизни бы не поверил, что герцог-убийца способен на такие чувства.

«Надеюсь, ты мучит бессонница».

По крайней мере очевидно, что Онория не заодно с ним, так как даже не шевелилась. Если бы Викирс не искупался в духах, то почувствовал бы ее запах.

«Какое искушение. А если тебе больше такой возможности не представится?» — прошептал дьявол у него на плече.

Блейд с трудом сглотнул. Пятьдесят лет за такой шанс. Все те дни, когда он просыпался от крика, вновь переживая агонию утоленного голода и вспоминая тело сестры на полу. Запах ее крови на себе. Скользкую влагу между пальцами. Этот вкус во рту и — черт побери — жажду испить ещё.

И растерянного Викирса в заляпанном кровью белом парчовом пальто, выдавившего:

«Ты убил ее».

Голод, внутренний демон, взревел в Блейде, желая вырваться на свободу. Он ненавидел себя и Викирса. Мир посерел и приобрел резкость. Розы потеряли цвет, а герцог стал бледным пятном на пейзаже кьяроскуро.

Пятьдесят лет.

Эмили.

«Знаешь, я ведь люблю ее, — однажды признался Викирс во время редких приступов меланхолии, накрывавших его по молодости. — Но она никогда не будет принадлежать только мне. И все из-за тебя. Я сделал тебе... подарок. А она не понимает».

Блейд в каком-то тумане почувствовал, как руки сжимаются в кулаки. Влюбленный не закрыл бы возлюбленную вместе с ее обезумевшим от жажды крови братом. Викирс никого и никогда не любил, кроме себя.

Блейд шагнул вперед, чтобы броситься...

— Ваша светлость!

Внутренний животный голод заставил Блейда спрятаться и отыскать обладателя голоса,

вторгшегося в его охотничьи угодья. Господин подавил дикий рефлекс, который требовал разорвать на части запыхавшегося слугу у ворот.

Викерс развернулся и схватил перчатки. В его бледных глазах сверкнул гнев, но герцог подавил это чувство:

— Эбигнейл! Я же приказал меня не беспокоить!

— Это девчонка! Дейзи! — прохрипел Эбегнейл. — У нее просто невероятное улучшение! Уровень вируса в крови упал на три процента по сравнению с прошлым месяцем.

Викерс подобрался, словно охотничий пёс и выпалил:

— Три процента? Ты уверен? Как?

— Пока не знаю, ваша светлость.

— Я хочу ее увидеть.

Викерс схватил трость.

Удачная возможность упущена. Демон внутри Блейда завыл от разочарования. Ярость закипела у него внутри. Какая-то часть уговаривала: «Нет, ты не животное!» — но она была слишком мала и заперта в глубине его разума.

Все темные мысли всплыли на поверхность. Ему хотелось убивать, потопить мир в крови. Ногти впились в ладони, и только тут Блейд понял, что сжимает руки в кулаки так крепко, что они дрожат.

«Эмили, о боже, Эмили!»

Послышался шорох юбок, и кто-то пошевелился в усыпальнице. Блейд вскинул голову, будто взявшая след гончая. На губах заиграла улыбка.

«Хочу», — мелькнула у него мысль.

«Тогда бери!» — прошептал внутренний демон.

* * *

Тишина.

О боже мой!

Онория отняла руку ото рта, сделала дрожащий вздох. Казалось, она задержала дыхание на несколько часов, ожидая ухода Викерса. Выглянув за решетку, она не заметила и следа герцога. Надо убраться отсюда, пока он не вернулся.

В ужасе Онория выскользнула через ворота, стрелой метнулась за угол и врезалась прямо в чью-то крепкую жесткую грудь. Она чуть не заорала, но кто-то зажал ей ладонью рот, развернул и прижал к твердому, как сталь, телу.

— Ну-ка, ну-ка, и кто это у нас здесь? — прошептал Блейд.

Онория едва не получила апоплексический удар, ее колени подогнулись. Господин подхватил бедняжку и снова заключил в стальные объятия.

Онория с облегчением закрыла глаза. Хвала небесам, она в безопасности. Если, конечно, можно считать себя в безопасности в объятиях голубокровного.

— Мой котеночек забрел так далеко от дома, — промурлыкал Блейд.

Глаза Онор распахнулись: слова сочлились аристократической издевкой. Голос господина изменился, стал незнакомым, грубее и нежнее, словно бархат на песке.

Пленница попыталась освободиться из хватки. Блейд жутковато усмехнулся, от чего волосы у нее на теле встали дыбом, и спросил:

— А если я тебя отпущу, ты закричишь?

Она отрицательно покачала головой.

— Какая жалость.

Ладонь, закрывающая рот, вдруг пропала, но объятий Блейд так и не разжал. Он провел губами по шее, вызвав внутренний трепет.

— Спокойно, милая, спокойно, — шептал он словно гипнотизер.

Как странно, что голубокровный способен разжечь ее страсть. Онория вздрогнула, когда господин кончиком языка слизал с ее шеи капельки пота. Она чувствовала пульс, грохочущий в сонной артерии, и задумалась, не почувствовал ли это соблазнитель.

— Блейд, — прошептала она, посмотрев на него через плечо. В его красивых изумрудных глазах, ставших обсидиановыми, не было ничего человеческого.

Когда Блейд посмотрел на ее губы, во взгляде его мелькнуло что-то темное и голодное. Внутренний демон, голод. Он сейчас повелевал господином, так что надо быть очень осторожной. Одно неверное движение, и Блейд разорвет ей горло или задерет юбки и возьмет здесь и сейчас, наплевав на последствия. Что же его привело в такое состояние?

Отец предупреждал: «Никогда не показывай страха, это их только раззадоривает».

— Блейд, — увещевала его Онория решительным шепотом. — Нам пора уходить, сейчас не время.

Тот не обратил на слова внимания, зарылся пальцами в ее волосы и оттянул голову назад. Онория задохнулась от этой грубости, но где-то в глубине души сгорала от страсти.

— Блейд.

Господин коснулся губами и оцарапал зубами нежное горло. Он ее не ранил, просто открыл рот и осторожно прикусил кожу над ключицей. Онория вскрикнула, ее колени подогнулись, а по телу прошла волна жидкого тепла. Сильными мозолистыми руками он обхватил ее груди через колючее шерстяное платье. Она едва не потеряла сознание.

— Прекрати! — прошептала Онория, но Блейд провел рукой по ее плоскому животу, приподнимая юбку до талии и двигаясь ниже... Пока Онор не остановила его, чувствуя, как соски болят в оковах шерстяной одежды. — Мы не можем этого сделать. Умоляю, прекрати!

— Ты этого хочешь, я этого хочу...

— Я этого не хочу! — возразила Онория и вскрикнула, когда он дразняще провел рукой меж ее бедер.

— Неужели? — Блейд обхватил другой рукой ее грудь. — Здесь нас никто не увидит, — уговаривал он низким соблазнительным голосом. — Я услышу их приближение. — Приподнял ее юбки, сжимая пальцами, и прошептал: — Онор, моя Онор, я жажду тебя попробовать, хочу выпить до капли.

Онория беспомощно посмотрела на дома. Надо каким-то образом унять управляющий им голод.

— Потом. Если Викирс вернется...

— Я его прикончу.

Блейд прижал Онор спиной к каменной стене усыпальницы, поднял ее руки вверх, стиснув запястья над головой. Онория стукнулась затылком о стену, и голова пошла кругом.

— Ты моя. — Блейд схватил ее рукой за подбородок, заставив посмотреть на него. — Ты принадлежишь мне. Больше никому.

— Блейд, умоляю, отпусти меня.

Эти черные глаза уже начинали ее пугать. На его лице не осталось ничего кроме голода.

Вокруг ее горла обвилились холодные пальцы. Сердце Онории заколотилось. Тот Блейд, которого она знала, где-то там внутри — с его дьявольской улыбкой и шумным кокни. Нужно просто его отыскать.

— Блейд, ты же обещал меня защищать. Если Викерс вернется, то не один. Меня схватят. Даже ты не сможешь расправиться и с Викерсом, и с эскадрой охранников, вооруженных парализующими пистолетами. Здесь знают, как справиться с голубокровными. Тебя победят, а меня возьмут в плен. Тогда Викерс сделает со мной все, что заблагорассудится.

Блейду это совсем не понравилось — блеск чёрных глаз начал затухать.

— Нет!

— Ты не сможешь ничего с этим поделать.

Блейд ослабил хватку на ее горле.

— Хочу, — сказал господин, глядя туда, где лежала рука, словно это его отвлекало.

— Знаю, я тоже хочу. Хочу... хочу коснуться тебя. Отпусти меня.

Блейд задумался и отпустил Онорию.

Та медленно провела руками от его запястья до плеча и пробралась под длинный плащ из огрубевшей кожи. Под растянутой рубашкой виднелась бледная плоть. Зная, что Блейд наблюдает, Онория прижала ладони к его груди, чувствуя медленный размеренный стук сердца.

Его кожа была очень холодной. Онории захотелось дотронуться до нее губами, открыть рот и попробовать языком. Возмутительная мысль, совсем как те, что приходили к ней по ночам.

Онория подняла голову, приблизившись к лицу Блейда, его дыхание обдавало ее лоб. Сердцебиение под ее рукой начало учащаться. Онор облизнула губы, от пристального взгляда голубокровного по коже побежали мурашки.

— Медленно, — прошептала она.

Блейд наклонился ближе. Губы слились с губами, и когда Онория втягивала воздух, то крала его дыхание.

Сердце Онор теперь бешено билось, вторя голосу, звенящему в ушах: «бе-да, бе-да, бе-да». Блейд усилил напор, открыл рот и легонько провел языком по ее губам, пробуя на вкус. О боже! Она открыла глаза и почувствовала, как его грудь давит на ее отталкивающие руки. Разумеется, это всего лишь иллюзия. Если ему захочется взять больше, он так и сделает, и никакие слова и действия его не остановят. Да и вряд ли ей захочется его останавливать.

Тело пульсировало от незнакомого желания, которым Онория не умела управлять. Она перебирала пальчиками по груди Блейда, пряча их глубже под рубашку, а из горла рвался странный звук, почти стон. Он — ее враг, а она его целует. Но как же он хорош на вкус...

Как будто почувствовав, что Онория держит его на расстоянии, Блейд отпрянул и посмотрел на нее темным взглядом. Сузив глаза, сжал ее лицо в ладонях и стремительно овладел губами.

Онория ничего не могла поделать: ее предательские руки ласкали гладкую кожу его плеч. Нерешительно она приоткрыла губы, и первое полное проникновение его языка ее ошеломило. Празднуя победу, Блейд прижался к Онории всем телом, вдавливаясь в чувствительную развилку меж ее бедер.

Это слишком. Онория оторвалась от его губ и стала хватать ртом воздух. На ее щеках и ниже в непривычных местечках горел жар.

— Нам нельзя этого делать.

Блейд развернул её лицо и снова поцеловал, лишая дыхания. Онория схватила его за волосы и оттянула голову назад. Ей нужно поразмыслить. «Думай, черт возьми!» Но так трудно соображать, пока его язык ласкает ямочку на шее. Онор закатила глаза и поежилась.

— Ты обещал. Дал слово защищать меня.

Когда он застыл, прижимаясь губами к ее коже, Онория едва не зарыдала от облегчения. Ей не выиграть, когда тело так сильно хочет сдаться. Уязвимость пугала. Онория попыталась оттолкнуть Блейда, но тот даже не пошевелился. Руки, прижатые ладонями к каменной стене, обхватывали ее как стальные прутья. Он склонил голову и резко и судорожно вдохнул аромат Онории.

Она прошептала:

— Ты обещал.

Блейд ударил кулаком в стену. Онория невольно подскочила. Его глаза были дьявольски черными.

— Блейд, умоляю, вернись. Я хочу с тобой поговорить.

— Ты и так говоришь, — сказал прохладный, совершенно четкий голос. Как же ей хотелось услышать грубый жаргон кокни, который уже стал почти родным. Кто же знал, что ей будет не хватать протяжного выговора?

— Вернись, отведи меня домой, — попросила Онория, трепещущей рукой касаясь его щеки.

— А если соглашусь?

Блейд повернул голову и поцеловал ее пальчики. Прикосновение влажных губ заставило ее снова отвести глаза, а слова застряли в горле.

— Если согласишься? — смущенно повторила она.

— Что ты мне дашь?

Онория растерянно глядела на Блейда.

— Я... я... я тебя поцелую.

— Только что целовала.

— Нет, не целовала, а лишь позволила тебе поцеловать меня.

Блейд замер, прижимаясь губами к пальчикам Онории, и низко замурчал:

— Куда?

— Куда?

Вокруг было пусто, но скоро охрана начнет патрулирование. И если они наткнутся на ее обезумевшего от голода голубокровного, Онория себе этого никогда не простит. И тут до нее дошло, о чем он ее спросил.

— Что значит «куда»? Нет, прекрати, знать не хочу. Я имела в виду в губы.

Какое-то время тянулось опасное молчание. Блейд сжимал и разжимал в кулаке складки ее юбки. Затем глубоко вздохнул и отступил прочь, а Онория зашаталась и едва не сползла по стене усыпальницы.

Господин стоял к ней спиной.

— Блейд? — прошептала она.

Он долго не отвечал, затем повернулся, показав все еще угольно-черные глаза.

— Ага, я этого не забуду, милашка.

Онория вздохнула почти с облегчением. Опасность еще не миновала, но мало-помалу Блейд приходил в себя. Оттолкнувшись от стены, она напонила:

— Полагаю, нам лучше убраться отсюда.

— Дома ты мя не тока поцалуешь, — вдруг выпалил господин.

Онория сразу посмотрела на него.

Блейд ткнул в нее пальцем и рыкнул:

— Расскажешь, какого черта здесь шлялась. Больше не брещи, Онория, ненавижу лгунов.

Паровые двигатели экипажа, с грохотом катившегося по темным туннелям, издавали ритмичное монотонное шипение. Окрестности освещались развешенными то тут, то там газовыми лампами, и время от времени транспорт проезжал под вентиляционной шахтой, через которую пар поднимался наверх, где мерцал туманный полумесяц.

В это время ночи в экипажах почти никого не было. Пассажиры потихоньку выходили, пока Онория с Блейдом не остались одни в молчании, не желая разговаривать.

Чернота в глазах господина наконец рассеялась, но Онория сомневалась, что изумрудный страстный огонь в его взгляде лучше. Иногда Блейд посматривал на нее, будто не знал, что с ней делать, но спутница не сводила взгляд с окна, крепко вцепившись в поручень.

«Расскажешь, какого черта здесь шлялась».

Дневники казалось, прожигали карман насквозь.

«Ненавижу лгунов».

Что же Блейд имел в виду? Желудок завернулся узлом от страха. Онория почти ему не лгала, не считая происхождения, о котором специально недоговаривала. Так о чем же он?

Экипаж со скрежетом остановился, двигатель в последний раз громко изрыгнул пар. Онория встала, а Блейд прислонился бедром к двери, ожидая, пока кондуктор откроет.

Сойдя на пустую платформу, Онория испугалась еще сильнее. Почему же Блейд молчит?

Они прошли кабину лифта и поднялись по лестнице в сто семь ступенек. Онория обрадовалась, так как сомневалась, что вынесла бы пребывание в узкой кабинке вместе с господином, пока тросы подняли бы их на улицу.

Последние километры пешей прогулки прошли в тягостном молчании. Онория мысленно вспоминала свои действия, пытаясь выяснить, чем себя выдала.

Она так увлеклась, что едва заметила, как путь подошёл к концу. Блейд обнял ее за талию, и Онория увидела, что он открыл дверь перед ней.

— Благодарю.

Господин сощурился и повел гостью в темный коридор.

Миновав знакомую гостиную, Онория замешкалась у подножия лестницы, а господин скрылся в темноте.

— Блейд, куда мы идем?

Он остановился на лестнице.

— В мои покои.

Онория испугалась, но заставила себя пойти дальше. «Не думай об этом! Просто не думай об этом!»

Но господин желает получить ответ и поцелуй.

Онория не знала, что пугало ее сильнее. Если размышлять об этом слишком долго, можно почувствовать фантомное прикосновение его губ к ее губам. Онория запнулась.

Второй этаж был ярко освещен: коридор с начищенными до блеска пчелиным воском полами и элегантными газовыми лампами на стенах. Звуки ее шагов заглушала красная турецкая ковровая дорожка. Блейд ждал, открыв дверь для Онории.

— Ух ты... прямо дом в Мейфере, — восхитилась она, разглядывая обстановку.

— Не крысиная нора, но глупо триндеть об том повсюду.

Сжав юбки в кулаках, Онория вошла в красивую переднюю. Не обращая внимания на элегантную мебель и безделушки, она сразу посмотрела на открытую дверь в его спальню.

О боже!

Вышедшая оттуда улыбающаяся женщина застыла и изумленно моргнула.

— Ты поздно. Что-то случилось? — спросила она у Блейда, не сводя глаз с гостьи, заметив все: рабочее платье, высокую прическу с густым темным шиньоном и изящные скулы, которые свидетельствовали о благородном происхождении.

— Ничо серьезного, Эсме.

Сдержанный с Онорией, Блейд спокойно подошел и поцеловал Эсме в щеку.

— М-может... м-мне уйти? — заикаясь, пролепетала гостья.

Блейд окинул ее страстным взглядом.

— Нельзя, пока не заплатишь долги.

Эсме раздраженно посмотрела на господина, цокнула языком, прошла по толстым коврам и взяла Онорию за руку.

— Перестань вести себя как грязное животное, Блейд. Взгляни на нее. Что ты с ней сделал? Прокатил в ящике с углем? Как тебе не стыдно! — Эсме робко улыбнулась Онории: — Пойдемте найдем вам чистую одежду. Вы, должно быть, проголодались. Блейд, попроси принести с кухни поднос с едой.

Господин вскинул бровь, но кивнул:

— Долго?

— Дай нам час, — ответила Эсме. — Джон, кажется, приготовил баранье рагу, а в кладовой есть хлеб.

Она точно его выпроваживала. Сардонически улыбнувшись за спиной Эсме, Блейд кивнул и подошел к двери.

Как только та закрылась, властная женщина внимательно посмотрела на гостью:

— Ну вот, теперь давайте мы приведем вас в порядок к возвращению его лордства. Вы, должно быть, Онория.

— Прошу, не утруждайте себя, мне пора к брату и сестре. Не стоит... — Войдя в спальню, она увидела в соседней комнате огромную медную ванну. — О!

— Уилл, кажется, присматривает за домом, так что ваши брат и сестра в безопасности. — Эсме улыбнулась. — По трубам идет чертовски горячая вода. У меня есть разные виды ароматического мыла, хоть Блейд их и не жалуется.

При мысли об этой высокой чувственной женщине в ванне Блейда, Онория застыла.

— Вы — его трэль.

Эсме вытаращила глаза:

— Он вам не говорил?

— Я знаю, что у него их несколько, но... вы уж точно не миссис Фаггети.

Эсме смягчилась:

— Вы не ожидали меня здесь увидеть. Милая, я его экономка, присматриваю за всеми и... да, даю ему свою кровь.

«У меня есть две трэли, с которыми я временами оказывался в койке...»

У Онории возникло ужасное раздражающее подозрение, что одной из них была красотка Эсме.

Экономка открыла кран, и в медную ванну потекла горячая вода. На полу лежала черно-

белая плитка в шахматном порядке, а с золотой вешалки свисали роскошные пушистые белые полотенца. В углу стояла музыкальная шкатулка с большим завитым рогом.

— Вот уж не думала, что он любит музыку.

Эсме села на край ванны, болтая рукой в пене.

— И любит принимать горячие ванны, заботится о котах и семье. — Она улыбнулась шире. — Откройте глаза и сердце, Онория, он вас еще удивит. Блейд не часто пускает сюда гостей, особенно тех, с кем знаком так недолго.

Онория нахмурилась:

— Он упоминал обо мне?

— Нет, но все домашние взбудоражены. Уилл не устает повторять, что у Блейда появилась зазноба.

— Могу поспорить, что он еще много чего повторяет.

Эсме рассмеялась:

— Парень — защитник. Блейд спас его от ужасной жизни, когда остальным было плевать. Вервульфены преданно заботятся о своих семьях-стаях.

— Я не нравлюсь Уиллу.

— В таком случае вас бы здесь не было, — ответила Эсме и, посерьезнев, продолжила: — Мы все по-своему защищаем Блейда.

Экономка посмотрела на Онорию долгим красноречивым взглядом, а та отвернулась и ахнула. В зеркале в углу она увидела грязную оборванку со спутанными волосами, угольными разводами на щеках и в платье, напоминающем мешок из-под картошки.

Онория давно не видела своего отражения. Они с Леной могли без этого обойтись, а в академии она была настолько занята, что редко смотрелась в зеркало, которое мистер Мейси поставил для учениц, чтобы отрабатывать осанку.

Она выглядела... ужасно.

— Вы пока отмокайте, а я принесу расческу. — Эсме закрыла кран. — Вот так. Раздевайтесь, я найду вам чистую одежду.

Хоть она и воспитывалась в доме Кейна, где многочисленные слуги удовлетворяли малейшую ее прихоть, прошло уже много времени с тех пор, как Онория раздевалась перед другой женщиной. Особенно перед той, которая служила тому же господину.

Ну хотя бы комната была теплой, а войдя в горячую воду, Онория едва не упала от облегчения. Погрузившись по горло, она невольно прошептала:

— О боже мой!

— Это одна из лучших затей Блейда — ванна, в которой можно плескаться вдвоем.

Онория мылась, стараясь не думать, как в ванну поместится еще один человек, во что он будет одет и насколько его тело прикроет пена.

— Вы давно служите его трэлью? — спросила она, чтобы отвлечься.

Эсме собрала грязную одежду гостя, убрала прядь волос с лица и ответила:

— Восемь лет. Мой Том умер в шестьдесят седьмом, и я продержалась почти год, пока не была вынуждена принять контракт Блейда.

— Он добр к вам? — Может, это и не главный вопрос, но сойдет.

Эсме подумала и отложила одежду.

— Он очень внимателен к нам, старается сделать процесс как можно безболезненней и удобней.

— И не требует плотских услуг?

Не услышав ответа, Онория подняла глаза.

Эсме зарделась и прижала руку к щеке.

— Только по взаимному согласию. Я не должна такое говорить, но, полагаю, вы имеете право знать. И я помню, как была напугана, согласившись на контракт, совершенно не зная, чего ждать.

— И чего же? — спросила Онория.

— Чуда, — ответила Эсме. — Не буду врать, это больно, но ощущение такое... приятное. — Она беспомощно пожала плечами: — Словами этого не описать, Онория, но вам не нужно бояться, он никогда нас не обидит.

— Даже когда его глаза чернеют? — нерешительно спросила Онория.

— Чернеют? Не понимаю, о чем вы.

— Когда его охватывает жажда.

Эсме неторопливо снова взяла одежду.

— Боюсь, что никогда не видела, чтобы его глаза темнели. Он всегда себя так сдерживает. Я почти уверена, что и другие его таким никогда не видели. — Экономка закусилла нижнюю губу. — Может... может, Уилл прав, и вы на него плохо влияете.

* * *

Блейд налил себе немного бладвейна и услышал торопливые шаги Эсме. Судя по громкому шуршанию юбок, нотаций не избежать.

Она заглянула в комнату, держа в руке трофей: шелковую ночную рубашку. Блейд и его команда занимались торговлей в трущобах, скупая краденное. Кое-что он оставлял себе, например, почти всю мебель в Логове. А кое-что, вроде этой ночной рубашки, хранил в подвале перед продажей.

Блейд настороженно посмотрел на экономку:

— Ты ж не дашь ей это надеть?

Онория будет вне себя при виде прозрачного куска кружева. А он несколько дней промается бессонницей от видений, связанных с Онорией в этом одеянии.

— Это единственное, что ей подойдет.

— Она не останется.

Эсме удивилась, а затем задумалась и кивнула:

— Думаю, ты приложил все усилия, чтобы убедить ее в обратном?

Блейд тихонько зарычал и сделал глоток бладвейна.

— Не твое дело!

— Разумеется, мое. Мы все переживаем из-за вздора, которым потчевал нас Уилл последние дни. Я уже распереживалась, что тебя подцепила на крючок леди Эшелона.

— Стал бы я плясать под чью-то дудку!

Чертов Уилл! Подручным больше нечем заняться, как перемалывать господину косточки.

Эсме положила ночную рубашку. Блейд услышал участившееся сердцебиение. Черт! Сейчас зачитает нотацию.

— Девушка хотела знать, какой ты и что делала я, когда твои глаза чернели. Что она имела в виду?

Блейд допил бладевин.

— Это ерунда.

— Блейд! Она опасна для тебя? — Эсме взяла его за руку.

— Я на мгновение потерял самообладание. Этого больше не случится.

Эсме вытаращила глаза:

— Понятно.

Блейд тихонько выругался и поставил стакан. Он знал, что Эсме тут же настучит Уиллу.

Откинувшись в кресле, господин провел рукой по лицу:

— Нет ниче дурного.

— Ты проверил уровень вируса в крови?

— Конечно, проверил, первым делом после возвращения, — отрезал Блейд. Он каждый день проводил вычисления, чтобы убедиться, что не приближается к Увяданию. — Все те же семьдесят восемь процентов. Вряд ли скоро буду лезть на стены.

— Уровень высок уже несколько месяцев. — Эсме опустила перед ним и положила руку на его колено. — Я слыхала о новых инъекциях коллоидного серебра...

— Они не стоят и кучки лягушачьего дерьма. В противном случае, их бы делал каждый чертов голубокровный! — Блейд покачал головой, вскочил и отступил на пару шагов. — Как только уровень поднимется до восьмидесяти, сразу скажу. Тогда передашь Уиллу следить за мной в оба.

— Блейд...

— А не лучше ли поискать платье? А то девицу там всю поморщит, как сливу.

Эсме медленно села на корточки:

— Ну что ж, нам бы этого не хотелось, верно? Было бы жаль, если бы вся эта мягкая обнаженная кожа сморщилась.

Эсме специально это сделала, всегда умела поддеть. От одной мысли о коже Онории его член встал по стойке смирно, и Блейд сердито посмотрел на экономку:

— Ты жестока.

— Перестань вести себя как побитый пес и сделай что-нибудь полезное. Она боится тебя, особенно после сегодняшнего. Тебе надо быть с ней нежным, показать, что ты не чудовище из ее кошмаров.

— Я не виноват, она и до меня имела дело с голубокровными.

Эсме взяла рубашку.

— Вот тебе мой совет: она молода и осторожна, но все-таки женщина. Поухаживай за ней, очаруй. Я знаю, что ты можешь, когда хочешь.

— Пытался, — процедил он сквозь зубы. — Я был с ней нежным как котенок, но так ниче и не добился. Шарахается от меня.

— Ответь мне честно: желаешь с ней переспать или оставить при себе?

— А какая разница?

— Если желаешь переспать, то обмани и очаруй. А если хочешь чего-то большего, нужны другие методы. Если ты действительно этого хочешь, я помогу.

Блейд понимал, что Эсме желает услышать подтверждение его интереса к Онории, чтобы вволю посплетничать с домашними, но всё же его новаяявленная трэль явно едва-едва к нему потеплела. Выражение ее лица во время сегодняшнего поцелуя отличное тому доказательство. И поцелует она его только из чувства долга, только поэтому.

— Она меня не хочет.

— А ты ее?

Блейд снова сердито зыркнул и сунул руки в карманы:

— Ага, хочу.

Эсме ослепительно улыбнулась:

— Значит принеси мою расческу, побудешь у дамы горничной.

* * *

Онория надела шелковый восточный халат, который Эсме где-то откопала. Он был слишком большим, и полы алого цвета волочились по плитке, но ткань совсем не раздражала кожу. Давно ей не доводилось носить шелк.

Не стоит к этому привыкать.

Онория вздохнула и надела украшенные мехом тапочки. Обувь тоже была слишком большой, но если поджать пальцы на ногах, то вполне можно ходить.

Девушка, смотревшая на нее из зеркала, совершенно отличалась от той, что была там раньше: каштановые волосы закрывали плечи и доходили до талии. Онории не мешало бы подстричься — концы посеклись, но она много месяцев об этом не вспоминала. Нужды не было.

В дверь постучали.

— Войдите, — ответила она, повернувшись в облаке аромата розы. Может быть, Эсме нашла какое-нибудь белье. Онория чувствовала себя голой в халате и ночной рубашке.

Однако вместо Эсме зашел Блейд, к удивлению Онории, держа в руках расческу. Он было открыл рот, но заметил гостью и выдохнул, словно молитву:

— Черт побери!

Онория застыла и сжала руками вырез халата.

— Я тебя не ждала.

Она посмотрела ему за спину, но комната была пуста.

— Ага. — Господин задержался в дверях, одетый в чистую белую рубашку с пышными рукавами и узкий кожаный жилет, застегнутый на левую сторону. Блейд замотал шею красным шарфом и смыл с лица угольную пыль, которая точно попала на него с Онории.

— Меня прислала Эсме, пока поищет тебе какую-то одежду, — ответил господин, показывая на расческу. Если бы Онория сама не нервничала, то заметила бы его смущение.

Не думая, она выпалила:

— Значит ты сюда пришел не за поцелуем?

Блейд нахмурился и вошел в ванную комнату.

— Мож меня не целовать, если не хош. Я был не в себе и не потребую награды.

Господин подтащил низкий стул к зеркалу и обернулся.

— Садись.

Онория неловко села. Что значит «не потребую награды?» Скоро ли придет Эсме?

— Я дала слово.

Зеркало замерцало в свете свечей. Блейд стал позади, его светлые волосы были растрепаны. Взял прядь ее волос и начал расчесывать, осторожно распутывая колтуны. От легчайших прикосновений у Онории побежали мурашки, а соски напряглись под шелковым халатом.

— Не хочу, чтобы ты цаловала из чувства долга, а хочу, чтоб ты сама того желала, — ответил он, распутывая прядь.

Онория и Блейд встретились глазами в зеркале.

Онория зарделась. Дотронувшись костяшками пальцев до ее плеча, он захватил еще несколько прядей. Онор не знала, что на это ответить. И как ни странно почувствовала легкое разочарование. Разнежившись в ванне, Онория была готова поцеловать Блейда и все прокручивала в голове, как это сделать: легонько прикоснуться губами, совсем чуть-чуть, а затем отпрянуть, рассчитавшись с долгом.

Только теперь Блейд уверяет, что ей не нужно этого делать, если нет желания. Онория ощутила странную неудовлетворенность, словно ее обманули.

Блейд осторожно водил расческой по волосам. Так приятно, почти завораживающе. Плечи расслабились, несмотря на близость голубокровного. Когда Блейд присел на краешек стула, прижавшись бедром к ее ноге, Онория снова открыла глаза, но он не стал к ней приставать, обратив все внимание на волосы.

— Похоже, вот и ответ, — небрежно заметил Блейд.

Онория посмотрела на господина, который почти закончил расчесывать волосы и водил пальцами по прядям, словно не желая останавливаться.

Ей не сразу удалось прочистить горло.

— Я думала, ты на меня сердишься.

— Сержусь?

Он перестал ее гладить.

— Ты молчал всю дорогу домой и едва удостоил меня взглядом.

Блейд протяжно выдохнул и снова начал ее ласкать.

— Ах, милашка, я вовсе не сержусь на тебя.

— Тогда что?.. — хмуро спросила Онория.

На Блейда накатила усталость, он опустил руки на колени:

— Я злился на себя. Давненько не терял самообладания. Думал, что справлюсь, но увидал Викерса и понесло.

— Викиерс? А при чем тут Викиерс? — прошептала она.

— Это он запер мя в башню и инфицировал. — Стиснув кулаки, он чуть не сломал расческу. — И убил мою сестру.

Онория машинально коснулась его руки.

— Осторожно.

Он удивленно опустил глаза и протянул ей щетку для волос.

— Эсме с мя башку снимет. Расческа принадлежала ее муженьку.

Взяв вещицу, она продолжила гладить мозолистую кожу его ладоней. Блейд схватил ее руку, переплетя пальцы. Их ладони соединились, и ее хрупкие пальчики контрастировали с его крупными. Так интимно. Однако Онория не вырвалась из его хватки.

В ушах загрохотал стук сердца. Что с ней такое? Нервы? Или дело в другом? В чем-то непонятном?

— Откуда ты знаешь герцога Ланнистера?

Вопрос Блейда застал ее врасплох. В голове полная неразбериха. Слишком сосредоточилась на его холодных руках и их ощущении на коже.

— Викиерс? — Онория встрепенулась, как испуганная газель. Когда Блейд стиснул ее пальчики, Онория поняла, что машинально пыталась вырваться. В голове роились мысли.

Онория пыталась вспомнить их разговор. Это она упомянула Викерса или первым о нем заговорил Блейд?

Господин предупреждающе сжал ее руку.

— Онория, не лги.

— Я не... — запнулась она, так как готова была солгать, в попытке найти какое-то объяснение. — Я... я...

Повисло молчание. Онория чувствовала на себе взгляд порочных зеленых глаз, внимательно ищущих правду. Но как рассказать? Онория поняла, что хотела бы довериться ему, поведать о Чарли, дневниках. О том, как она постоянно оглядывается в поисках убийц Викерса. Но они с Блейдом едва знакомы.

Слишком много лет она наблюдала игры голубокровных при дворе. Следила за языком, скрывала отцовские тайны даже от брата и сестры. Внезапно на глаза навернулись слезы. Это глупо, слезами делу не поможешь, но жжение становилось все сильнее, пока рука Блейда не стала темным пятном в свете свечей. Боже, как же ей хотелось поговорить хоть с кем-то, кто бы выслушал, обнимал, пока она изливала наболевшее, снимая камень с души.

Блейд погладил ее по щеке, стерев теплую капельку.

— Онор, я тя не обижу.

— Откуда ты знаешь? — Она посмотрела ему в глаза: — Я с тобой едва знакома, а ты от меня чего-то хочешь. Откуда мне знать, можно ли тебе довериться?

Блейд скривился.

— Мож потому, что я уже храню твои тайны, мисс Годд.

Онория едва не пропустила мимо ушей окончание фразы, но потом вытаращила глаза. Блейду она представилась как мисс Прайор.

Господин обнял поднявшуюся Онорию за плечи, но та оттолкнула его, упершись спиной в комод, и Блейд ее отпустил, подняв руки. На его лице промелькнуло раздражение.

— И давно ты знаешь? — прошептала она.

— С самого начала.

Онория покачала головой.

— Нет, этого не может быть.

— У меня глаза и уши в Эшелоне, особенно вблизи Викерса. Он назначил цену в десять тысяч фунтов за троих: мисс Онорию Годд, мисс Хелену Годд и мистера Фредерика Чарльза Годда. Об том ведомо немногим, но достаточно, чтоб я сложил два и два.

Блейд шагнул к Онории, но та отступила. Халат распахнулся, и гостья тут же поправила одежду, остро чувствуя отсутствие нижнего белья.

— А чего ты хочешь от меня?

— Если б хотел сделать те больно, уже б сделал, — сказал он и замолчал. — Я хотел узнать, зачем ты Викерсу. Я желаю ему смерти, Онор, и хотел использовать тя как приманку. Поначалу.

Ее лицо побелело.

— Но теперь нет, — заверил Блейд и прищурился. — Я не дам этому червю к те приблизиться.

Однако Онория еще не пришла в себя от возмущения.

Блейд собирался ее использовать.

— Почему? — потребовала она ответа. — Потому что хочешь меня для себя?

Он приблизился:

— Это и так ясно. Я хочу тебя в постели, милашка. Но даже если бы не хотел, все равно не подпустил я тебя к тебе.

Онория обошла ванну, держа его на расстоянии:

— Я собиралась тебя поцеловать. Думала об этом, пока ты не признался. Не могу поверить, что была такой душой!

Блейд отшатнулся как от удара. Прищурился, будто браня себя за плохо выбранное время.

— Собиралась поцеловать?

— Да, собиралась.

— Это нечестно. — Они двигались одновременно, вместе танцуя вокруг ванны. Блейд мог бы миглом ее поймать, если бы захотел, но он не пользовался своим проворством. — Я тогда пытался раскрыть карты между нами.

— Зачем? Лучше было бы держать меня в неведении.

Блейд остановился.

— Ты ничо не знаш про мои намерения или про то, че от тебя хочу.

— Так чего же ты хочешь? — Онория так разозлилась, что с удовольствием бы что-нибудь швырнула, желательно ему в голову. Почему так больно? На мгновение между ними было все хорошо. Никакого напряжения, лишь покой. Она лужицей растекалась, пока он расчесывал ее волосы. А теперь Блейд все испортил.

Он окинул ее сердитым прищуренным взглядом.

— И?

Со злостью легче справиться, чем со слезами.

— Не знаю, — тихо ответил он без всякого акцента.

— Ну что ж, это... честно. — Онория прислонилась к стене. Затем медленно сползла по ней. Злость уже начала угасать, натолкнувшись на его огорчение. Он так же, как и она, не знал, что делать.

Блейд подошел к ней, бесшумно ступая ботинками по плитке. Онория напрягла плечи, но не попыталась убежать.

— Так зачем ты сдалась Викаерсу? — Он встал перед ней на колени. — Зачем ходила в Институт?

Онория смотрела на него, но молчала. Если бы речь шла только о ней, она бы сдалась. Но как бы ей не хотелось довериться Блейду, она боялась. Из-за Чарли.

— Ясно. — Он поднялся и отступил. — Я пришлю Эсме с одеждой, а потом провожу тебя домой.

Онория облегченно вздохнула. Блейд не станет заставлять ее раскрыть тайны. Они с Чарли в безопасности.

Но почему же она чувствует себя так паршиво, как будто снова его обидела? Да и не все ли ей равно?

Лена встала, отпихнув стул назад:

— Где тебя носило? Я получила записку и прождала несколько часов. Ты с ума сошла? Я только и думала о том, что Викерс тебя схватит — и ты покойница!

— Блейд уверял, что послал весточку. — Онория очень устала после недавнего всплеска эмоций.

Поставив сумку на стол, она подошла к умывальнику и плеснула воды на лицо.

Лена фыркнула:

— Послал. Обзавелась новым платьем?

Онория понятия не имела, где Блейд раздобыл это одеяние из бордового шелка, но подозревала, что оно принадлежало актрисе или любовнице купца. Эсме закрепила слишком широкое платье булавками на спине, но вырез остался чересчур низким. Опустив взгляд, Онория увидела несколько сантиметров обнаженной бледной кожи в декольте. Провожая гостью домой, Блейд время от времени искоса поглядывал на ее грудь.

— Одолжила, — присаживаясь, ответила Онория.

Лена перетащила стул поближе и принялась допрашивать сестру:

— У кого?

— У Блейда.

Лена долго сверлила ее глазами в молчании. Онория открыла сумку, чтобы достать дневники.

— Онор, что это ты такое делала, что пришлось раздеться? — Любительница удовольствий Лена теперь выражалась как настоящая пуританка.

— Я приняла ванну и смыла угольную пыль.

Лена вытаращила глаза:

— Онория!

— В одиночестве. Экономка нашла мне платье. Все было прилично. Вполне возможно, что следующая встреча произойдет не так уж и скоро, так как мы поссорились. — Она вытаращила первый дневник и застыла. Вместо него в руках у нее оказался экземпляр «Алой буквы». Распахнув сумку настежь, она достала вторую книгу — тоненькое издание «Укрощения строптивой». Перелистывание ничего не изменило. Это были не дневники.

— Лживый... коварный... ублюдок!

— Онория!

Она бросила книжку на стол и встала, закусив костяшку, чтобы сдержать наплыв эмоций. Что еще за игры? Ей нужны дневники!

— Он, должно быть, подменил их, пока я одевалась. Видимо, понимал, что я не собираюсь возвращаться.

В вихре юбок разозленная Онория бросилась к двери.

Лена схватила сестру за руку:

— Не смей! Сейчас почти полночь, а убийца на свободе.

— И вервольфен у нас крыше. Я попрошу, нет, потребую, чтобы он меня проводил! — разошлась Онория.

Лена изумилась:

— Ч-что... у нас на крыше?

— Большой волосатый вервольф! — воскликнула Онория, окидывая потолок сердитым взглядом. — Шпион, которые подслушивает все наши разговоры. — Она была в ярости. Как Блейд посмел? Он не имел права забирать дневники. Ей надо работать с записями отца, чтобы попытаться найти лекарство для Чарли, пока не стало слишком поздно. Если уже не поздно, но думать об этом не хотелось. Она поклялась отцу, что позаботится о брате и сестре и не позволит ничему случиться с Чарли.

— Мне кажется, не стоит тебе выходить сегодня, — сказала Лена, встав у двери и перегораживая выход растопыренными руками. — Ты слишком расстроена.

— Я не расстроена, я вне себя! — Онория подняла правую руку: на указательном пальце блеснуло стальное кольцо. — Мне очень хочется парализовать его и кастрировать.

Лена побелела:

— С ума сошла? У нас всего один нож для готовки, и я его тебе не дам.

— Я собиралась воспользоваться ложкой, — ответила Онория и устало провела руками по лицу.

— Ты и так бы ничего не смогла сделать с дневником сегодня. Не глупи! Лучше успокойся и приди к Блейду с утра. Ты выспишься, а ему как раз настанет пора на боковую. У тебя будет преимущество.

— Черт! — пробормотала старшая из сестер. Ей едва удавалось держать глаза открытыми, не говоря уже о том, чтобы иметь дело с властным голубокровным. Раз уж именно Лена предложила разумное решение, похоже, Онория и правда плохо соображает.

— Ты права. — Она понурилась. — Я приду к нему утром. — После долгой ночи, когда доведет свой гнев до точки кипения.

* * *

Бум, бум, бум!

Онория отступила, держа в руках сумку, набитую книгами. Если случится худшее, можно просто взрезать обманщику по голове.

Снова постучав, она услышала шаги. Дверь открыла покрасневшая и запыхавшаяся будто от бега Эсме.

— Онория. — Экономка заправила черный локон за ухо. — Мы тебя не ждали.

— Блейд точно ждет, он пригласил меня прошлой ночью.

Онория прошмыгнула в дом. В резком утреннем свете виднелись пылинки, поднимающиеся в воздухе вокруг шелестящих юбок.

— Да? — Эсме дурой не была и смотрела на гостью с подозрением.

Похоже, экономка верна хозяину, но, разумеется, поймет ее как женщина женщину.

— Он украл необходимую мне вещь. Пожалуйста, Эсме.

— И как ты собираешься ее вернуть?

Онория покраснела:

— Любыми способами.

Эсме неправильно ее истолковала и улыбнулась полными губами.

— Он в своих покоях, скорее всего, собирается прилечь на часок-другой. Мужчины только что вернулись.

Онория невольно застыла у лестницы:

— Есть убитые?

— Нет, они просто патрулировали улицы. Удачи.

— Я думала, вы на его стороне.

— Возможно, — тепло улыбнулась Эсме. — А может, посылаю ягненка в логово волка.

Не обращая внимания на поддразнивание, Онория глубоко вздохнула и поднялась по лестнице. Никакой она не ягненок. Блейд заплатит за обман. От ее кожи все еще пахло розовым мылом Эсме, так что есть надежда незаметно подобраться к господину.

Онория быстро подошла к двери и задумалась, не постучать ли. Эсме вроде так не делала, а незваной гостье хотелось застать хозяина врасплох. Решившись, она открыла дверь, проскользнула в комнату и застыла на месте.

Блейд развернулся, услышав ее изумленный вскрик, и поспешно обернул полотенце вокруг талии. Но ткани оказалось маловато, и одно сильное бедро так и осталось открытым, даже когда господин кое-как заткнул один край полотенца за другой. Блейд изумленно посмотрел на Онорию и нахмурился.

Она не могла оторвать глаз от широкой мускулистой груди. Грубая татуировка лентой опоясывала его левую руку и тянулась вдоль ребер. Дорожка волос опускалась от пупка и до края полотенца. Натянувшаяся ткань показала, что господин вовсе не возражал против неожиданного визита.

Онория поспешно отвернулась. Такого она точно не ожидала, но как можно мстить, если Блейд почти голый?

— Ну шо ж, вряд ли ты пришла подоткнуть мне одеяло, — протянул господин.

— Конечно, нет, — бросила Онория через плечо, заметила его соблазнительное тело в зеркале и отвернулась, зардевшись, к стене. — Ты точно знаешь, зачем я пришла. Ты неприлично выглядишь, оденься!

— Это не я тока что ворвался в покои жентльмена, не постучав.

У нее во рту пересохло, стоило ей услышать звук упавшего полотенца. О боже милостивый! Он голый. Перед ее мысленным взором появилось видение обнаженного Блейда.

Так просто удостовериться, верно ли ее представление.

«Не смей!» — приказала себе Онория.

— Боюсь, ты мя ошарашила, — бросил господин, неторопливо двигаясь за спиной гостыи.

Послышался шелест простыней, а затем шорох кожаной одежды.

— Ты в подобающем виде?

— Едва ли, — иронично ответил Блейд.

— Одет?

— Ага.

Он с ней играет. Сжав руки в кулаки, Онория повернулась и посмотрела ему в лицо. Краем глаза заметила, как он натягивает кожаные штаны, но не осмелилась опустить взгляд ниже.

— Мне нужны дневники. Это не игра! Ты же знаешь, как они для меня важны.

— Дневники? — Блейд принял изумленный вид. — Так эт в них дело. А ты разве вчерась не забрала свои пожитки?

— Ты их подменил, пока я одевалась. В сумке оказались «Алая буква» и «Укрощение строптивой». Представляю, как ты хохотал до колик.

Блейд сложил руки на груди и внимательно посмотрел на Онорию. Мышцы его рук напряглись.

— Ага, мне так приспичило повидаться с тобой еще разок, что я спер драгоценные дневники. Че в них за важность?

— Не твое дело!

— Тада обратно их не получишь.

Кольцо жгло ее палец.

— Нет, получу.

Она шагнула к господину.

— Хош мя умаслить, милашка? Ну так вот, мне осточертели игры! — Он шагнул навстречу и окинул ее сердитым взглядом: — С тя уже причитается поцелуй, которого я так и не дождался.

Он опять вторгся в ее личное пространство, стараясь утратить весом и ростом. Внизу живота что-то затрепетало.

— Ты же говорил, что не хочешь поцелуя против воли.

— А може, я передумал.

Ногтем Онория поддела верхнюю часть кольца, выставив иголку, смоченную в ядовитом веществе. Одна мысль о поцелуе Блейда ослабляла волю — и колени. Но, подобравшись вплотную, удобнее его обездвигать. Она задрала подбородок и посмотрела господину прямо в глаза.

«Давай, кровопийца, поцелуй меня насильно, и это будет последнее, что ты сделаешь в ближайшее время».

Его глаза слегка расширились, и господин спросил тихим хриплым голосом:

— Ты бросаешь мне вызов?

Он приблизился настолько, что ее юбки касались его ног.

— Я не могу тебя остановить, но обещаю: ты об этом пожалеешь.

Блейд медленно и осторожно погладил ее по щеке, следя за движениями своих пальцев. Коснулся соблазнительной верхней губы, ощутил влажность ее рта и задержался в центре нижней губы. К тому времени Онория вся трепетала.

— Ага, — прошептал Блейд, довольно улыбаясь, — все еще строишь из себя чертову мученицу! Нетушки.

Он отступил и отвернулся. Затем, к удивлению Онории, взял рубашку, словно пытаясь решить, надевать ее сегодня или нет.

— Прошу прощения?

Блейд стал на колени на край кровати со смятыми простынями и грудой красных подушек. Кожаные штаны обтягивали стройные ягодицы, подчеркивая мускулистые бедра. Когда он потянулся за кинжалами, чернильно-черная татуировка на груди исказилась.

У Онории пересохло во рту.

— Ты мя слыхала. — Господин выпрямился, подпоясался ремнем и только потом посмотрел на гостью с поддразнивающей ухмылкой, как будто точно знал, о чем она сейчас думает. — Ежели возомнила, будто я сворую поцелуй, шоб ты потом могла поплакаться, — черта с два. Хош мя — значит бери.

— Я тебя не хочу.

— Ага, и поэтому твой запах изменился. Ты такая соблазнительная и возбужденная, голубка. Мне ль не знать, когда деваха с мужика глаз не сводит. Один из плюсов

голубокровного. — Он развел руки, показывая свое великолепное тело во всей красе. — Хош мя пощупать? Поэтому твое сердце стучит аж в ушах и тяжело дышать? — Он ухмыльнулся. — Ты ж знаешь, я не прочь. Мож ласкать всего меня пальчиками или губами. — Господин приблизился еще на шаг. — Хош мя попробовать? Слизать мой пот, отведать моей соленой кожи?

Блейд наклонился, нависнув над ней. Только тут Онория поняла, что, зачарованная его соблазнительными губами и порочными предложениями, уперлась в стену.

— Не хочу я до тебя дотрагиваться и пробовать, — прошептала она и зажмурилась. Напрасный труд. Она все еще мысленно видела перед собой стройное тело, играющие мышцы на руках, а Блейд уперся ладонями в стену по обе стороны от ее бедер.

— Лгунья, — ласково прошептал он ей на ушко.

Странный вскрик вырвался из горла Онории.

Блейд взял ее за руку и прижал к своему твердому прессу. Онория открыла глаза и посмотрела господину в лицо.

Лучше возможности и не придумаешь. Осталось только повернуть руку и уколоть его. Но что-то ее остановило. Возможно, шелковистая прохладная кожа под ладонью или выражение его глаз.

Склонившись к губам Онории, Блейд едва ощутимо провел пальцами по ее волосам, вытянул мягкую прядь ей на плечо. Онор не сводила глаз с его чувственного рта и маленькой кривой ямочки, появлявшейся, когда он улыбался. Рот грешника, демона, соблазняющий ее совершить всевозможные нечестивые поступки. Дыхание Блейда касалось лица, лаская щеки.

Онория едва дышала, так колотилось сердце. Это безумие, ничего подобного она прежде не испытывала, даже флиртуя с опытными и утонченными голубокровными, с которыми познакомилась в доме Викерса. Блейд был из другого теста. Грубый, дикий, мужественный. Такой украдет поцелуй и не потерпит отказа. А еще может пленить ее сердце... и стереть его в порошок.

Это опасно. Однако впервые в жизни Онории хотелось забыть об осторожности и просто принять предложенное. Отбросить все тревоги, волнения и побыть юной и легкомысленной хоть раз в этой проклятой жизни.

Узнать, каков Блейд на вкус. «Я хочу, чтобы меня поцеловали».

Она уставилась на стоящего перед ней голубокровного. И вот так, мгновенно, ее своевольная натура словно вырвалась из клетки. Черт побери! Какой вред от одного поцелуя?

Онория встала на цыпочки и жадно прижалась губами к его губам. О боже! Какая ошибка.

Вкус голубокровного затопил тело до самых пальцев ног. Блейд сжал ее руки железной хваткой, издал изумленный горловой стон и завладел ртом Онории. Теперь уже не убежать.

Ощущений было одновременно слишком много и слишком мало. Онории хотелось вжаться в его тело, слиться с ним, и это желание испугало ее. Она жаждала большего и от поцелуя, и от господина, пока либо сама не сгорит дотла, либо он от нее не устанет. Для него ведь их отношения ничего не значат, всего лишь утоление потребности и победа в состязании.

«А что же это значит для тебя, Онория?» — спросила она себя. И уже было собралась отрицать очевидное, но, когда Блейд отстранился, позволив ей вздохнуть, поняла, что лишь

обманывает себя.

Онория отвернулась, пытаясь собраться с мыслями. Блейд поцеловал ее в щеку, в лоб, ласкал языком изящное ухо. Онория держалась за господина, пока сердце билось, а мысли роились в голове. Чего ей хотелось? На мгновение погрузиться в страсть, на несколько ночей избавиться от тусклой жизни? Или большего?

Любящего мужчину, который сжимал бы ее в объятиях и шептал, что она — центр его мира, что он о ней позаботится. Того, кому можно доверять и кого любить в ответ.

Глаза обожгли слезы. Глупости! Как ей вообще такое в голову пришло: выбрать голубокровного среди всех мужчин мира?

— Хорош так много думать, — пробурчал он ей на ушко. — Просто чувствуй. Женщина, ты слишком много думаешь.

Да, так просто забыться, просто чувствовать и закрыть ту часть души, что робко тянулась вверх, желая большего. Онория покачала головой и оттолкнула господина:

— Я тебя поцеловала, теперь отпусти.

Блейд зарылся рукой в ее волосы и сжал пряди в кулаке. Онория не могла пошевелиться и застыла, принимая грубоватую нежность.

— И эт, по-твоему, поцелуй? — угрожающе спросил Блейд.

— Да, за дневники. Я выполнила свою часть сделки, ты обещал.

— Ага, ток их-то два! Уговор был по шутке за поцелуй. — Господин слишком явно наслаждался ситуацией. — Да и ты, милашка, ниче в них не смыслишь.

Онория, прищурившись, посмотрела Блейду в глаза.

«Неужели? А ты вроде не возражал».

— По-моему, все проще простого: я прижимаюсь губами к твоему рту, а ты меня лапаешь.

Он стиснул ее пряди и отпустил. В глазах мелькнуло что-то опасное.

— Че, правда, милашка? Думаешь, я тя не соблазню? Че я какой-то кобель, которого хлебом не корми, дай полапать девицу? — Блейд навис над упряницей, провел рукой по ее волосам к горлу. — Слухай сюды. Мне больше полсотни лет. Практики хоть отбавляй, Онор. — Он медленно улыбнулся. — Теперь у тя проблемы.

Блейд снова зарылся пальцами в ее волосы и сжал пряди, заставляя гостью запрокинуть голову.

— Хорош любезничать и ждать, — сказал Блейд, лаская дыханием зардевшуюся щеку Онории.

Затем овладел ее ртом, потираясь бедрами о гостью. Это было настоящее доминирование, заявление своих прав, что должно было напугать ее сильнее. Однако Онория почувствовала прилив сил. Сердце молотом колотилось о ребра. Чтобы не упасть, она стиснула плечи Блейда. Могла бы и не переживать. Он своим твердым телом припечатал ее к стене. Иного выхода, кроме как подчиниться, не было.

«Только через мой труп».

Онория зарычала и оттолкнула Блейда, но тот был безжалостен. Она заметила обжигающий взгляд зеленых глаз, а потом господин закусил ее губу и втянул в свой рот. Вспышка боли прокатилась по телу, словно искра молнии, то тут же растворилась под теплой лаской его губ. Сжав ее волосы еще сильнее, Блейд удерживал Онорию так, чтобы она больше не могла с ним бороться, и приказал:

— Сдайся.

— Н-нет, — едва слышно прошептала она.

Блейд сменил тактику, легонько провел губам по краю женского уха и впился зубами в мочку так резко, что Онория вздрогнула и ахнула. Жар охватил ее живот и спустился ниже в развилку меж бедер. Онория смущенно заерзала, почувствовав влагу в том же месте.

— Коснись меня, — приказал Блейд и прижал руки Онории к своей груди. С каждой лаской он забирал чуточку ее тепла, и вдруг она мимолетно представила, каково же чувствовать прохладный и крепкий как сталь член в своем лоне.

«Какая опасная мысль...»

Из ее груди вырвался стон. Теперь Онория ни в чем не была уверена. Лавина ощущений накрыла ее, грозя сбить с ног.

— Отпусти меня, — попросила Онор, хотя на самом деле желала обратного. И именно это напугало ее больше всего.

Блейд украл один поцелуй, другой, покусывал ее губы, заставляя открыться. Онория не могла не ответить. Господин опустил ее руки себе на мускулистый живот, провел по полоске волос, стрелочкой уходящей вниз. Новые ощущения охватили Онорию.

А его вкус, боже, что за вкус! Их языки сплелись в жаркой схватке, страстные и голодные. Его губы были прохладными и буквально соблазняли поцеловать в ответ — что Онория и сделала.

Все началось вполне невинно, из простого любопытства. Почему бы и не попробовать чуточку... Но ей захотелось большего. Кровь стала густой и теплой, и потекла по жилам, как растопленный мед. Онор не понимала, что происходит. Блейд потянул ее руки ниже к краю кожаных штанов и вдруг прижал к длинному возбужденному члену.

Глаза Онории расширились.

— Во, че ты со мной творишь, стоит мне тя увидеть, — прошептал Блейд, окидывая ее горящим взглядом.

Онория отдернула руки, но Блейд снова их поймал и прижал к своей уже знакомой и не такой будоражащей груди. Между бедрами Онор пульсировало в каком-то диком, первобытном ритме. Она машинально провела ладонями по коже, изучая партнера. И на этот раз, когда их губы слились, вела уже она.

Блейд вдруг дернулся. Онория, все еще прижимаясь к его губам, сделала шаг вперед. Голубокровный отступил, пытаясь уклониться:

— Полегче, голубка.

Он нахмурился, а на его белой коже выступила капелька крови.

На секунду Онория замешкалась. Он что, ее не хочет? Затем Блейд моргнул, будто пытаясь встряхнуться, и зашатался. Она подхватила его под мышки, едва не врезавшись в стену под весом голубокровного.

— Че т-ты с м-мною с-делала? — невнятно пробормотал господин.

О нет! Кольцо. Онория уставилась на иголочку. Она умудрилась его оцарапать.

Блейд был слишком тяжелым. Онория, пошатываясь, потащила его к постели, надеясь, что успеет уложить.

— Еще шаг!

Едва достигнув цели, оба упали. Онория приземлилась на Блейда, тяжело дыша, а он лежал, придавливая ее руки. Если бы господин мог что-то сделать, то, без сомнения, воспользовался бы случаем, но один из побочных эффектов яда — частичный паралич на несколько минут. Блейд оставался в сознании, но двигаться не мог.

Онория приподнялась на локтях и заправила выбившуюся прядь волос за ухо. Блейд сердито глядел на гостью, будто много чего хотел ей сказать. Пожалуй, к лучшему, что некоторое время ему не выпадет такой возможности.

— Сам виноват, — ответила плутовка и взобралась на Блейда верхом.

И тут же округлила глаза. Похоже, паралич сковал еще одну часть тела господина.

Кашлянув, Онория сползла с постели и расправила юбки:

— Минут через десять это пройдет, затем ты полностью придешь в себя. Может, останется легкое головокружение или тошнота, но ненадолго.

— Гррхвф.

— Не пытайся разговаривать. Я не хотела этого, — нервно извинилась Онория и слегка нахмурилась. — Ну, поначалу, может, и хотела, но в итоге все произошло случайно. Честно, я в тот момент совсем об этом не думала...

Ну да, тогда Блейд руками и ртом вытворял с ее телом что-то настолько порочное, что удивительно, как она вообще не потеряла рассудок.

Господин лежал без движения, но следил за гостьей глазами. Она взяла подушку и подложила ему под голову.

— Не смотри так на меня, я же тебя не ранила. Мне просто нужно вернуть дневники.

Судя по ответному красноречивому взгляду, когда Блейд сможет пошевелиться и Онория попадетс ему в руки, ее ждут неприятности. Лучше бы ей убраться отсюда до того, как паралич пройдет.

Онория огляделась: в открытом шкафу виднелась одежда Блейда. Гостья порылась в ней, перекопав аккуратно сложенные бархатные и кожаные вещи. А этот голубокровный любил кричащие оттенки. До всего хотелось дотронуться, и Онория не смогла устоять и провела рукой по мягким как масло кожаным штанам. Представила их на Блейде.

Затем отдернула ладонь и зарделась от смущения. Довольно, она уже подарила ему тот поцелуй. Теперь они квиты. Разве что ее ждет расплата за его нынешнее состояние.

При этой мысли Онория заторопилась. Прошло уже почти две минуты, а действие токсина зависело от многих параметров: веса жертвы, того, давно ли принималась кровь, уровня вируса и много чего еще. Но обычно яд обездвиживал голубокровного примерно минут на десять. Времени в обрез.

Онория бросилась искать дневники, осмотрела ящики стола, заглянула под разбросанную одежду, за занавески. Даже ванную проверила, вспомнив, что там происходило накануне. Подлец! Он расчесывал ее волосы, гладил шелковый халат на ней, притворялся, что на уме у него только соблазнение, а на деле собирался украсть ее собственность.

Онория выдвинула один из ящиков комода и нахмурилась, заметив множество свертков. Хоть они и не походили на дневники, она все равно взяла один из любопытства, а открыв, едва не выронила. Куча презервативов. Так со сколькими же чертовыми трэлями Блейд делит постель? Должно быть, он ее за дурочку держит.

Захлопнув ящик комода, Онор вернулась в спальню. Блейд обвиняюще сверлил ее взглядом.

— Я знаю, они где-то здесь! — Возле кровати стоял еще комод. Онория открыла ящик и застыла: там лежали блестящие стальные наручники, подбитые изнутри чем-то мягким. — Ну надо же. — Она выразительно покачала браслет на пальце и посмотрела на Блейда. — Значит, делишь постель только с двумя трэлями? Позволь не поверить, я не вчера родилась.

В ответ послышалось ворчание.

Онория подскочила, но Блейд все еще оставался парализован. Она бросила наручники обратно и выудила кожаный рулон. А развернув его на сундуке, обнаружила с полдюжины флешетт. Тех самых, которые Блейд использует, когда решит, что Онория достаточно оправилась, чтобы стать донором.

Онор уже почти все обыскала. Остановившись, она закрыла глаза и крепко задумалась.

«Если бы я была дьявольски хитрым голубокровным, то где бы спрятала что-то ценное?»

С постели донесся полузадушенный звук. Блейд уже пытался шевелиться. Но это невозможно, прошло лишь пять минут.

Блейд сумел перевернуться на бок и сердито уставился на нахалку. В зеленых глазах сверкало обещание возмездия. О боже! Если она не успеет убраться до того, как он придет в себя, придется платить дьяволу по счетам. Если только не... Онория с надеждой посмотрела на наручники.

Блейд перехватил ее взгляд... и, судя по выражению лица, приготовился кого-то убить.

— Только пока ты не успокоишься, — нервно пообещала Онория, взяв металлические браслеты и направляясь к парализованному голубокровному.

Блейд приподнял плечи и заерзал, пытаясь сесть. Онория положила ладонь на его грудь и толкнула. Он упал обратно на постель и издал угрожающий горловой рык. Во рту у Онории пересохло. Это безумие. Она не только зашла на арену к быку, но сейчас сознательно машет перед его мордой красной тряпкой.

— Сам виноват, — упрекнула Онория Блейда, заковывая его запястье. — Ты не понимаешь, мне нужны эти дневники. Из-за них я едва не попала в лапы Викерса. Где же они? — Она защелкнула второй наручник. Пленник так сжал руки в кулаки, что на запястьях выступили жилы.

— За...пла...тишь, — выдавил он.

Онория побелела и заговорила, с каждым словом все тише:

— Ну да, конечно, заплачу. Но если ты просто скажешь мне, где дневники, я уйду, а... вечером вернусь. Уверена, мы сможем договориться о моем наказании. Если хочешь, могу еще раз тебя поцеловать.

Блейд бросил на нее испепеляющий взгляд.

— М-может, и не один раз.

Не обращая внимания на плутовку, господин сжал в кулаках цепь. Онория облизнула губы:

— Только не навреди себе. Все равно не сможешь их сломать.

Блейд, не слушая, рванул стальные кольца. Онория взвизгнула и потянулась к его рукам:

— Тебе нельзя так скоро напрягаться! Токсин не сразу перестает действовать.

Блейд дернул еще раз. Кажется, одно из звеньев немного подалось. Онория отшатнулась от постели. Черт бы его побрал! Где же дневники? Она проверила под кроватью, даже пошарила рукой под матрасом, на котором лежал разъяренный полуобнаженный мужчина в восемьдесят килограммов весом. Если ей не удастся поскорее отсюда сбежать...

— Даже тебе не сломать стальную цепочку, — крикнула она, в суматохе бегая по комнате.

Блейд сжал цепь, наблюдая, как Онория разбрасывает одежду и двигает мебель. Гостья буквально спиной чувствовала его горячий, полный ярости взгляд.

— А... мне... не... надоть.

Онория застыла и посмотрела на деревянные перекладки, через которые пропустила цепь. Блейд вовсе не собирался ломать кандалы.

— О!

На ее глазах он потянул в последний раз, и перекладки разлетелись. Он вырвался на свободу, но кандалы на запястьях так и остались, слава богу.

Блейд перевернулся в сидячее положение, соскочил с кровати, зашатался и едва удержал равновесие.

Онория отступил на шаг, затем еще на один:

— Не вставай, некоторое время ты не сможешь двигаться как надо.

Как ему удалось прийти в себя так быстро?

В Клинике отец проводил опыты на новообращенных. О боже! То ли возраст, то ли вирус повлияли на результат. Да и какой же у Блейда уровень? Господину больше полусотни лет, достаточно, чтобы вирус прижился. На мгновение ее затошнило от страха.

— Чем ты мя отравила?

Блейд как-то сумел устоять на ногах.

Онории не понравился его взгляд. Она отступила еще дальше и врезалась в дверь. Ладони вспотели, и она вытерла их о юбки.

— Мой отец выяснил, что небольшая доза болиголова странным образом действует на голубокровного.

Блейд, пошатываясь, шагнул к ней:

— У мя голова, как в вате.

Онория нащупала дверную ручку, не осмеливаясь отвести от господина глаз:

— Ну да. Это ощущение пройдет... правда, не знаю, когда. Во время опытов вещество действовало минут десять. Но вот ты уже в прекрасной форме. А прошло-то всего шесть минут. Тебе стоит отдохнуть, пусть яд выйдет из тела. Не хочу, чтобы ты поцеловался с полом.

— Да некада мне отдыхать, черт ты дери! Ты хоть знашь, че наделала? Через час сюда припрутся стражники Эшелона. Не могу я встретить их вот так.

Онория сжала дверную ручку:

— Эшелон?

— Ага, и отродье герцога Кейна. Мож, слыхала о нем? Лео Бэрронс с цельным эскадроном Охотников Гильдии.

Онория залилась краской до самого декольте и задохнулась. На секунду ей показалось, что она хлопнется в обморок.

— Охотники Гильдии?

Знаменитые Ночные ястребы, промышляющие в городе.

— На вампира идем. Мы с ними щас в одной лодке. Не могу пришить его сам. А че? Какие-то проблемы, Онор? А, точно, у Гильдии ж на тебя ордер.

Блейд врезал кулаком по двери рядом с ее головой. Звякнули кандалы, и створка захлопнулась.

— Я просто хотела забрать дневники и уйти.

— У мя их и не было. Я ж те говорил.

Она покачала головой:

— Тогда кто же?..

— Эсме, — ответил Блейд. — Тока она здесь читает. Решила нас столкнуть. Хотя травить мя ты сама надумала.

— Я не... — Онория сжала губы. — Прости.

— Ага, ток извинений маловато. — Блейд протянул ей закованные запястья. — Теперь прощение придется заслужить, Онор. Твоя кровь поставит мя на ноги.

Ключ от наручников лежал у Онории в кармане и словно прожигал дыру в юбках.

— Мне казалось, ты решил подождать.

— При таком раскладе обождать низя, — ответил Блейд.

— Я позову Эсме.

— Я уже кормился от нее на неделе и от Уилла тож. Единственная трэль в ближайшей округе — миссис Фэггети, но стока, скока мне надь, она не даст. — Блейд прижал палец к груди Онории. — Тока от тебя я могу кормиться без опаски. Справедливо, чо уж.

Она сглотнула и, едва дыша, опустила взгляд на крепкий палец. Господин прав. Если он появится в таком виде перед любимым представителем Эшелона, даже Лео, то превратится в кусок мяса посреди стаи голодных акул. И виновата в этом только Онория.

Она судорожно выдохнула и ответила:

— Я готова.

Ситуация ведь не противоречит заключенной сделке. Лучше покончить со всем разом, чем оттягивать неизбежное.

В зеленых глазах господина промелькнул гнев.

— О, знаю, Онор, ток я тя не спрашивал. Поди сюды.

Он указал на кровать.

— Нет уж, — отказалась Онория. Делать это на постели слишком непристойно. А ей и так не по себе. — А почему не в кресле?

— Онор, живо в кровать, — сказал Блейд, как отрезал.

На подгибающихся ногах она подошла к постели и села на краешек. Блейд властно протянул ей руки.

— Хош, шоб я сам ключ поискал? — спросил он, видя ее замешательство.

— Нет, все в порядке.

Онория вытащила ключ дрожащими пальцами. «Черт бы побрал этого голубокровного!» Казалось, прошла вечность, прежде чем ей удалось попасть в замок. Блейд мог бы помочь, но предпочел стоять столбом, словно это входило в наказание, а затем мягко попросил:

— Ляг.

Онория послушалась. Блейд поставил колено на край постели, и матрас прогнулся под его весом. Онор сдвинулась, задела бедром ногу голубокровного и схватилась за простыни, чтобы совсем на него не скатиться.

Блейд устроил второе колено так, что оседлал ее ноги. Онория отползла назад, пока не уперлась в изголовье. «Дыши, просто дыши», — убеждала она себя.

Но не могла не посмотреть на его рот, этот порочный, слегка искривленный рот с тонкими губами, часто изгибающимся в улыбке. Скоро он коснется ее тела, будет слизывать с нее кровь.

Боже правый, она к этому не готова. «Может, вообще никогда не буду готова», — подумала Онория, но напредила себе о заключенной сделке.

Блейд бросил рядом с ней наручники. Его лицо совершенно ничего не выражало, лишь глаза почему-то сверкали.

— Надень.

— Думаю, они не нужны. Я полежу спокойно.

— Онор, заткнись! — Блейд подтащил ближе столик и разложил на нем кожаный сверток с флешеттами. — Твое ерзанье мя заводит, а так низя. — Он посмотрел ей в глаза. — Щас нам это ни к чему.

— Пожалуйста, надень рубашку, — выпалила Онория.

— Я те не нравлюсь? — Блейд указал на свой бледный, рельефный торс, как будто она его раньше не видела. Затем небрежно провел рукой сверху вниз от середины груди и дальше, зарываясь в светло-желтые волоски, стрелкой уходящие под пояс брюк.

Онория не ответила на вопрос, лишь залилась краской и повторила:

— Пожалуйста.

Как же неловко. Пусть с трэями в нынешнем обществе и обращались уважительно, Онория всегда считала себя немного старомодной. Все равно они кому-то принадлежали. Как скот. Онор повидала достаточно кормлений в Клинике и знала, чего ожидать. Блейд придержит ее, сделает надрез на вене и жадно присосется к теплomu потоку крови.

Как можно уважать того, кто, по сути, считается едой? Ужасная мысль. Внутри все свело от изжоги и тошноты.

Блейд был добр: заплатил за ее ужин, довольно нежно расчесал волосы. Но все изменится здесь и сейчас. После этой минуты Онория станет для него всего лишь пищей.

Блейд, видимо, почувствовал неладное. Перестал поглаживать себя рукой, слез с Онории, сошел с постели, отступил и натянул через голову рубашку:

— Так лучше?

Онория грустно кивнула:

— Да. — Слово вырвалось хриплым шепотом. Она попробовала снова: — Благодарю.

— Я тя не пораню, — вдруг пообещал Блейд и нахмурился. — Ну, несильно. Слегонца кольнет.

Он неправильно понял причину ее нерешительности, хотя при мысли о клинке на коже Онория задрожала.

— Пожалуйста, покончи уже с этим. Довольно разговоров.

— Канешн.

Блейд снова встал на колени, оседлав ее. Онория поспешила застегнуть наручник на запястье, пока не передумала. Она нервничала, ибо не знала, сможет ли лежать смиренно, а сопротивление было бы совершенно некстати. Ведь Блейд и так возбудится сверх меры, и она рисковала раздражить таившееся в нем чудовище. Онория уже видела кормление. Однако сейчас щелканье замка показалось ей хлопаньем двери тюремной камеры.

— К чему мне их прикрепить? Ты же разломал кровать.

Как ни странно, говорила она спокойно и сдержанно и воспринимала происходящее словно со стороны.

— Дай-ка. — Блейд наклонился, закрыв своей тенью газовые лампы люстры.

По коже Онории пробежал трепет предвкушения. Она легла на спину, ощущая, как господин нависает над ней.

Блейд посмотрел на оковы и завел руки Онории ей за голову. Напрягшиеся до боли соски терлись о натянутую ткань льняного корсета.

Пропустив наручник вокруг кровати столбика, господин защелкнул браслеты на руках гостыи. Отодвинувшись и положив руки на бедра, он уставился на Онорию, тяжело опустившись на ее ноги.

— Куда?

— В бедренную артерию. — Онория покраснела и закрыла глаза, чтобы не видеть его пронизательный взгляд. — Не хочу, чтобы кто-то потом заметил следы.

Откуда бы он ни взял кровь, все равно происходящее слишком интимно. Блейд мог бы присосаться к нежной коже шеи или запястья, но Онория уже знала, что в тех венах не так много крови, как в других.

Легкий чувственный трепет запульсировал между бедер. Предвкушение, страх и что-то еще непонятное заставляло ее полыхать, как лесной пожар.

Онор стала задыхаться. Блейд внимательно посмотрел на нее, но она уставилась в потолок и попыталась не думать о тяжелых стальных браслетах, сковывавших руки.

Все мышцы тела напряглись. Она почувствовала легкое скольжение ткани по ногам, когда господин задрал ее юбки. Предвкушение охватило лоно, и Онория, осознав, что задержала дыхание, выдохнула. Блейд коснулся ее подвязок.

— Подожди.

Он застыл в терпеливом ожидании. Онория попыталась логично объяснить свое возражение, но так и не вышло. Казалось, ее мозг превратился в кашу.

А Блейд все ждал. Только это дало Онор силу посмотреть ему в глаза. Он позволил ей управлять ситуацией, хотя явно был главным.

— Я готова, — прошептала Онория.

Он взял ремень и попробовал натяжение. Онория знала этот прием по работе в Клинике.

— Я мигом. — Одной рукой Блейд поднял ее левое колено и прижал стопу в чулке к матрасу, а второй — перевязал жгутом бедро.

Онория не собиралась смотреть, но почему-то не могла оторвать глаз от того, что делал Блейд. Он двигался удивительно ловко, и она едва не забыла, что юбки задрались до бедер, а бледная обнаженная плоть над тусклыми лентами подвязки предстала его взгляду. Затем он крепко затянул ремень.

Боль, давление, тупая пульсация в ноге.

— Над сжать как следует, — извинился Блейд, чуть ли не рыча.

Онория тихо вскрикнула, когда он завязал ремень еще туже. Верхняя часть бедра пульсировала в такт с сердцебиением. Онория вдруг словно услышала громкие и частые удары. Обхватив руками цепочку наручников, она стиснула зубы и заставила себя не двигаться.

А немного обождав, склонила голову и глянула вниз. Блейд тяжело дышал, сжав зубы от усилий. Будто почувствовав на себе ее взгляд, он посмотрел на нее черными демоническими глазами. Мир померк.

Онория потеряла способность дышать и лишь ощущала обжигающую пульсацию в ноге, влажный жар между бедер, болезненную твердость сосков. Все в ней кричало об опасности, заставляя чувства обостриться.

Блейд впился руками в мягкую нежную плоть ее бедра и резко вдохнул через нос:

— Не двигайся, милашка.

Онория кивнула и откинулась на подушку.

Закрыв глаза, она сосредоточилась на ощущениях. Вот он развязывает ленточки подвязки, приспускает чулок. Каждое касание словно обжигало и без того распаленную пульсирующую кожу. Онория подавила стон, вызванный не только болью. Такого она никогда прежде не испытывала. Блейд большим пальцем погладил ее артерию. Затем убрал

руку — видимо, потянулся за лезвием.

Онория воспринимала происходящее, не видя самой картинки. Ощутила, как кровать прогибается под его весом. Услышала шорох простыней — такой интимный. Потом Блейд провел рукой по ее ноге.

Неожиданно внутреннюю сторону бедра пронзила боль от пореза. Онория вскрикнула, пытаясь не шевелиться. Сердце барабаном колотилось в ушах. И тут... его рот. Такой удивительно влажный. Обжигающий и ледяной. Ощущение посасывания вызвало ответный спазм внутри лона, будто с каждым глотком крови Блейд получал частичку сущности самой Онории.

Блейд резко распустил жгут. Онория выгнулась от боли, когда кровообращение в ноге вдруг возобновилось. Посасывание лишь усилилось, став почти нестерпимым.

— Тише. — Дыхание Блейда обдало ее бедро, его голос звучал хрипло от желания. Господин железной рукой удерживал пленницу на месте.

Онория остро чувствовала его прикосновение, желание разгорелось в ней с беспощадной яростью. Она едва сознавала, что машинально пытается высвободить руки, или что юбки собрались вокруг бедер. Плевать. Значение имели лишь губы Блейда, тянущие, посасывающие, и его язык, что лижет нежную плоть. Лишь внезапный порыв желания, от которого между ног стало жарко, влажно и скользко. Это непонятное чувство было настолько сильным, что Онория погрузилась в первобытную страсть, где не думаешь ни о последствиях, ни о доводах разума.

Есть только потребность.

Онория дернула бедрами. Блейд положил руку на ее живот, заставляя лечь, но пленница продолжала извиваться. Тихий вскрик сорвался с ее губ, стоило ему вонзить зубы в бедро. «Он меня укусил». От острого ощущения мурашки побежали по коже.

— Не шевелись! — угрожающе прорычал Блейд.

Все равно, что пытаться остановить прилив. Онория была на грани, и одного прикосновения его губ хватило, чтобы ее тело снова дернулось навстречу. Все казалось слишком ярким, всего было слишком много. Ей хотелось сорвать с себя одежду, чтобы избавиться от обжигающего зуда шерсти на ставшей чересчур чувствительной коже.

Блейд выругался, затем лизнул ее бедро. Жаркое прикосновение языка едва не заставило Онорию потерять самообладание.

Она вскрикнула.

— Онория.

Он произнес ее имя без акцента, вроде как отчаянно и с примесью чего-то еще. Она посмотрела ему в глаза. Дикое желание во взгляде Блейда застало ее врасплох, а ответный порыв охватил все тело.

Господин расстегнул ремень, отбросил его в сторону, прижал льняную тряпочку к ранке, останавливая поток крови, и поспешно перевязал.

— Где? — выдавил Блейд.

Онории не нужно было спрашивать, о чем он. Но даже сильное желание не могло заставить ее признаться о таком вслух.

Их взгляды встретились.

«Прикоснись ко мне, умоляю».

— Здесь? — Он сжал ладонью горячий розовый холмик между ее ног.

Онория должна была запротестовать, но вместо этого приподняла бедра, чтобы

прижаться к мужской руке нагретой плотью.

«Сильнее».

— Вот так? — хрипло и напряженно спросил Блейд, подтянув ее юбки вверх.

Хлопковое белье промокло насквозь. Прохладный воздух омыл разгоряченную кожу, когда Блейд расстегнул пуговицы. А когда коснулся обнаженного пульсирующего средоточия, Онория вскрикнула, будто пронзенная молнией.

— Черт ты подери, Онор!

Блейд приподнялся. Его рубашка распахнулась, открывая взору выпуклые вены и мышцы. Он играл с ней пальцами, посылая искры в ее лоно. Онория приподнималась и изгибалась, чувствуя, как в ней что-то растет. Волна. Огромная волна желания, угрожающая потопить ее. Онор никак не могла ей противостоять.

— Пожалуйста, быстрее, — молила пленница.

Господин гладил пальцами выпуклую жемчужину ее клитора. Обжигающие искры пронеслись по телу. Онория открыла глаза и увидела Блейда, не сводящего пылкого взгляда с ее лица. Его тяжелое бедро лежало поперек ног Онор, а сам он устроился на боку рядом, прижимаясь к ней членом.

— Тиш, не сопротивляйся, — простонал Блейд.

И скользнул в нее кончиком пальца, будто спрашивая позволения.

«Не думай».

Онория приподняла бедра и почувствовала, как он двинулся глубже. Какое необычное тянущее ощущение. В ответ она стиснула его палец внутренними мышцами.

Блейд потер мокрым большим пальцем ее клитор и увидел, как она содрогнулась. На его губах появилась мрачная улыбка:

— Доверься мне.

Еще один палец коснулся входа в лоно. Онория подняла бедра еще выше.

— Можно? — спросил господин.

Она замотала головой из стороны в сторону, раскрасневшись от желания, и издала еще один тоненький стон.

— Можно? — требовательно повторил Блейд, вводя в нее кончики обоих пальцев.

— Да.

И он наполнил ее, растянул. Появилась пульсирующая боль. Блейд смочил пальцы ее влагой, затем вытащил, чуть подразнил складки и снова вошел до конца.

Наслаждение росло.

Каким-то образом Онории удалось повернуться и прижаться лицом к Блейду. К своему изумлению, она вонзила зубы в твердую мышцу, которая связывала его шею с плечом. Блейд издал низкий горловой стон, двигая в ней пальцами все быстрее. В другой раз она смутилась бы своего поведения: лежать с мужчиной, раскинув ноги в отчаянной потребности, распутно двигать бедрами... Но сейчас для нее существовал только Блейд, лишь его прикосновения и растущее напряжение в лоне.

Блейд мучил ласками ее тело. Онория не могла пошевелиться, не могла дышать. Она открыла глаза и не сумела сдержать крика.

— Вот так, — прошептал господин хрипло и торжествующе.

Онория почувствовала, как он сжал свой возбужденный член сквозь штаны и сильно потерялся о ее бедро. Одна мысль об этом распалила пленницу сильнее, ярче. Волна наслаждения зависла над ней на сокрушительную напряженную секунду.

А потом Онория закричала, прижавшись лицом к его плечу, чтобы приглушить звук. Ее жадное лоно сжало его пальцы, втягивая их. Это ощущение вдруг стало слишком острым и сильным. Боже милостивый, это слишком!

— Вот так. — Блейд терся о бедро, одновременно входя пальцами глубоко в лоно. Ласка, казалось, обжигала, но Онорию больше ничто не заботило. Ей было чертовски хорошо.

Блейд вскрикнул и застыл, пытаясь отдышаться. А потом вытащил пальцы, притянул ее к себе и укусил. Острая боль заставила Онорию открыть глаза.

Только через несколько долгих мгновений Блейд упал рядом, тяжело дыша. Его быстрое сердцебиение вторило ее. Когда наслаждение начало утихать, Онория спохватилась. Боже милостивый! Блейд сунул пальцы внутрь нее. И обнажил ее при свете дня! Бедра стали скользкими и влажными от удовольствия.

— Не думай, — низко и хрипло простонал он.

Откуда Блейд узнал, что происходит у нее в голове?

Он слегка прикрыл ей бедра юбками, хоть материя поддалась не сразу, затем прижался лицом к шее Онории. С каждой секундой наслаждение угасало, а она приходила в чувство. «Что же я наделала? Что мы наделали?»

Сила разрядки застала Онорию врасплох.

«Я позволила ему меня коснуться, попробовать. И, боже милостивый, я наслаждалась каждой секундой». Секс оказался вовсе не скучным механическим процессом, о котором она читала в книгах, а настоящим водоворотом потребности и желания, сметающим все на своем пути.

Онория почувствовала, как из волос посыпались шпильки. Чулок сполз и болтался где-то внизу, у лодыжки, прямо как ее хваленые моральные устои. Смятые юбки практически не закрывали ноги.

И Блейд — живой, дышащий, тяжелый мужчина — лежал рядом и уже сейчас вызывал в ее теле новые желания.

Что-то горело внутри, какое-то легкое ощущение неудовлетворенности. «Я хочу еще».

Какая шокирующая мысль. За пять минут Онория из уважаемой невинной девушки превратилась в похотливую растрепанную распутницу. Блейд оказался намного опаснее, чем она считала.

— Думаю... думаю, тебе лучше меня отпустить.

Блейд повернулся, поднял голову с подушки и сердито посмотрел на Онорию:

— Я ж сказал, не думай!

Его щеки порозовели, а губы припухли.

«Не смотри!»

Онория отвернулась. Влага между бедрами так некстати напоминала о случившемся, как и витавший в воздухе мускусный запах.

— Прости. Не сдержался, — пробормотал Блейд.

Он винил во всем себя. И пусть в глубине души Онории хотелось его помучить, она подавила порыв и повернула голову к голубокровному:

— Я тебя сама попросила.

Блейд удивленно округлил глаза.

— Но больше такого не случится.

Он прищурился и возразил:

— Ну уж нет.

— Не случится, иначе я разорву нашу сделку. Я не могу... — Онория задрожала. — Для меня это слишком.

Наслаждение заставляло желать большего. Даже сейчас ее тело беспокойно пульсировало.

Сколько пройдет времени, прежде чем она станет молить Блейда о большем? Одна мысль о том, чтобы погрузиться в водоворот желаний, пугала Онорию до жути. За такое наслаждение она будет готова на все. Отбросит все свои принципы и попросит Блейда овладеть ею. Потеряется в чувствах к нему и потеряет собственное сердце. Нет, это слишком опасно. Ей и так забот хватает: Чарли, Лена, преследования Викерса. Стремительный заканчивающийся месяц, по истечении которого доктор Мэдисон сообщит властям о болезни ее брата. Как бы Онор ни хотелось свернуться в объятиях Блейда и прижаться к нему, это всего лишь эгоистичная потребность иметь что-то только для себя.

Онорию обжег гнев. «Черт бы побрал Лену! И Чарли! А особенно отца!» Вслед за этой вспышкой на нее накатило чувство ужасной вины. «Я не имела этого в виду. Просто хочу... Чего?»

Угрожающий и молчаливый, Блейд ждал ответа.

— Я не могу этого сделать. Пожалуйста, освободи меня, — попросила она.

— Онор.

— Прошу, — тихо повторила она. — Мне пора домой. Мой брат сегодня утром плохо себя чувствовал. Ты принесешь дневники?

Разочарование мелькнуло на лице Блейда, но он взялся за наручники, быстро повернул ключ и освободил пленницу. Она села, потеряла запястья, попыталась разглядеть юбки, но у нее закружилась голова.

— погоди. — Блейд прислонил ее к своему плечу. — Лучше полежи чуток. Потому-то мне больше по душе кровать.

— Ты со всеми трэями такое проделываешь?

Онория прижала руку ко лбу. Зрение затуманилось. Она чувствовала твердое и крепкое тело рядом. В глубине души ей хотелось прижаться щекой к плечу Блейда и опереться на него. Позволить ему взять на себя ее бремя. Онория жестко подавила это желание.

— Ниче такова. Обычно я не смешиваю секс и жажду крови.

— Как мне повезло.

— Да и мои трэи никогда не вели ся так, как ты, — прорычал Блейд и с дьявольской грацией соскользнул с постели. Похоже, он уже полностью восстановился.

— Сколько нужно ждать? Мне пора домой.

— Я притащу дневники, а там глянем, удержишься ли ты на своих двоих. Уилл проводит тя домой.

— Уилл будет в восторге, — язвительно ответила Онория и тут увидела лицо Блейда. — Извини, это было грубо с моей стороны.

Блейд пожал плечами:

— Уилл ток мя защищает. Вервульфены шибко пекутся о своей семье.

Интересная новость. Блейд считал всех своих подчиненных, плюс, разумеется, Эсме, семьей. На Онорию накатила острая тоска, которую она быстро придушила на корню. У Блейда своя небольшая семья, у нее — своя. И вдруг с ослепляющей ясностью Онор осознала: возможно, он понял бы, что она пытается сделать.

И все же... у нее не хватило смелости открыть рот и попросить его о помощи. А если он не поймет? А если потеряет самообладание, как уже бывало, и убьет ее брата?

— Онор?

Блейд внимательно наблюдал за сменой эмоций на лице гостыи.

— Значит, подожду, пока Уилл не разрешит мне уйти, — прошептала она. Трусиха.

Блейд еще минуту смотрел на нее, будто ожидая, что она скажет что-то еще, а затем его взгляд стал непроницаемым.

— Да будет так.

Эсме не услышала шагов господина, усердно вымешивая тесто и напевая себе под нос. Блейд прислонился к дверному косяку:

— Довольна?

Экономка вздрогнула и прижала испачканную в муке руку к груди.

— Боже, Блейд, не подкрадывайся так. — Она посмотрела на него с улыбкой на губах. — А ты поел. Вопрос в том, доволен ли ты теперь?

«Да, и слишком».

— Пришлось подзакусить. Она обездвижила мя каким-то чертовым зельем.

Эсме открыла рот и закрыла.

— Ты был с ней осторожен?

— Куды уж осторожнее.

Блейд провел рукой по лицу, чувствуя покалывание отросшей щетины. Опыт с Онорией не прошел для него даром. Он все еще был голоден, но теперь желал плоти. Сладкая кровь Онории едва утолила его жажду. Он все еще чувствовал привкус на губах, а запах ее возбуждения буквально прилип к нему, доставляя дополнительные мучения.

Вот дерьмо! Он знал, как ведут себя некоторые люди во время кормления. Но Онория едва не рвала простыни, выгибала спину и приподнимала бедра. Как, черт возьми, он сдержался?

«Потому что хочешь, чтобы она тебе доверяла».

Блейд почесал грудь и снова нахмурился. Это стремление было настолько важно для него, что ему удалось оттащить себя от края, когда он уже мог овладеть Онорией... И уничтожить ее доверие к нему навсегда.

— Ты о чем-то задумался. — Эсме снова принялась месить тесто. — Блейд, что происходит в твоей голове?

Он прижался бедром к скамье. Вероятно, Эсме единственная, кто мог задать этот вопрос и рассчитывать на ответ.

— Я ее едва не взял.

— Ага, но ты сдержался. Что же тебя остановило?

— А хрен его знает. Терплю. Пытаюсь завоевать ее. Частенько сомневаюсь, что она ваще сдастся.

Эсме счистила тесто с рук, вытерла их тряпкой, повернулась и обняла господина:

— Она же на тебя действует, верно?

Блейд посмотрел в ее невозмутимое лицо:

— С ней все хуже. Я тока кормился, а хочу еще. Как бы не сорваться.

— Но ты все-таки сумел с собой совладать.

— На этот раз.

И уровень вируса в его крови все рос.

Эсме поцеловала Блейда в лоб.

— Не сомневайся в себе. Ты хороший, Блейд. Я знаю, какой ты сильный. Все равно тебе придется подождать месяц, прежде чем сможешь снова от нее кормиться. Возможно, за это время она к тебе привыкнет.

— Може. — Если только он продержится целый месяц, не потребовав еще. Никогда в

жизни ему так не хотелось нарушить собственное правило. — Она хош вернуть дневники.

Эсме виновато покраснела:

— Ну конечно, ты догадался.

— Вряд ли Уилл или Рип любят почитать «Укрощение строптивой» на досуге.

Эсме отошла от господина, оставив за собой облако цветочного аромата.

— Они зашифрованы.

— Ты их глядела?

Эсме достала с полки банку для муки и вынула пару потрепанных тетрадей.

— Мне было любопытно, написала ли она что-то о тебе.

Блейд взял их, отметив, что кожа переплета мягкая и потертая. Провел ногтем по золотым буквам на дневнике потолще. Почему они так важны для Онории? Зачем рисковать жизнью и свободой, чтобы забрать их из Клиники Векерса?

Он сжал книжки крепче. Онория. Сдержанная, разумная, скрытная. Настоящая неприступная крепость. Сначала неудачи с ее штурмом подстегивали любопытство Блейда, но в последнее время он понял, что они его только расстраивают.

Блейду хотелось, чтобы упрямец ему доверяла, делилась секретами. Хотелось узнать больше о той истинной Онор, что скрывалась под этой маской неприступности. «Черт побери,пусти меня!»

Повезло еще, что она поверила ему на слово насчет дневников, иначе в этом их осторожном танце пришлось бы сделать шаг назад.

— Больше не суйся, — приказал Блейд Эсме, поднимаясь со скамейки. — Я не шучу. Иначе я сам кой во что сунусь.

Эсме посмотрела на господина:

— Не понимаю, о чем ты.

— Да ладно? А чо скажет Рип, коли я его спрошу?

Залившись краской так, что даже шея покраснела, Эсме принялась яростно мутузить тесто.

— Ты не посмеешь.

Блейд посмотрел на нее. Умный мужчина не стал бы нарываться на неприятности, когда женщина в таком настроении, но Эсме всегда была его доверенным лицом.

— Разве?

— Если хоть слово скажешь Джону, я надеру тебе уши.

— Кому-то ж надоть снять шоры с его глаз. А то сунул голову в песок как долбаный страус. — Блейд украл со стола готовую булочку, ловко увернувшись от Эсме.

Экономка перестала месить тесто:

— Джон был очень добр ко мне. Слишком добр. Я так и не поняла до конца, что чувствую... — Эсме замолчала и глубоко вздохнула. — Но не думаю, что мои чувства взаимны.

— Ага. Поэтому он мя убить готов, когда те пора подниматься в мои покои.

Эсме искоса посмотрела на Блейда:

— Он не осмелится. Он буквально молится на тебя.

— Поэтому-то Рип те и не открывается. Дай я с ним поговорю, как мужик с мужиком.

Краткого разговора хватит, чтобы разобраться в этом бардаке, который грозил развернуться в его собственном доме. Блейд серьезно относился к своим обязанностям, и, по его мнению, обеспечение будущего счастья Эсме и Рипа в них входило.

— Ты настоящий сводник. Может, отплатить тебе той же монетой? Я разрешу тебе поговорить с Джоном, а сама побеседую с Онорией.

Улыбка сошла с лица Блейда.

— Нет.

— Что, не такое уж прекрасное решение, если дело касается тебя самого? — Эсме закатила глаза. — Ты не можешь всем управлять, Блейд. И не заставишь ее доверять тебе. Потерпи.

Он похлопал дневниками по бедру.

— Я и так терплю. Она мне ни черта не говорит!

— И сам, конечно же, раскрыл ей душу, — съязвила Эсме.

Блейд замолчал.

— С чего Онории доверять тебе, когда ты не доверяешь ей?

— Эт те не сказки на ночь для дамочки.

— Может, и ее история из таких же.

Блейд поскреб подбородок:

— Я подумаю.

— Трус.

— Кто б говорил!

* * *

Блейд неторопливо спустился по лестнице, прислушиваясь к приглушенному разговору в гостиной. Голубокровные в его доме, и один из них как-то связан с Онорией.

Блейд нахмурился и с грохотом открыл двойные двери. Бэрронс с незнакомцем повернулись, но ни один из них не выказал изумления. Наследник Кейна сегодня надел металлический нагрудник и брюки из кожи буйвола; на ногах — растоптанные сапоги по колено, а к боку приторочен короткий меч. Неукрашенная рукоять выглядела потертой. И снова Блейду пришлось изменить свое мнение об этом голубокровном. Похоже, Бэрронс опасный противник. Господин нахмурился сильнее.

— Блейд, — поприветствовал его гость и кивнул на своего спутника: — Позволь представить: сэр Джаспер Линч, искусный следопыт Гильдии.

Линч превосходил ростом их обоих. Холодно и расчетливо он смотрел на разворачивавшуюся перед ним сцену. Благодаря носу с горбинкой и глубоко посаженным серым глазам, Линч напоминал сокола. Гость учтиво поклонился, но не ниже, чем принято среди голубокровных.

— Нужно отыскать вампира?

— Так точно.

— Есть предположения, где он может быть? — Линч внимательно смотрел на Блейда. Гость был одет в кожаное пальто Охотников Гильдии с застежками-клевантами из белого шнура и с хромовыми эполетами на широких плечах.

Блейду понравилось, что этот голубокровный перешел сразу к делу. Они не друзья, а лишь вынужденные союзники. Формальности и словесные кружева ни к чему.

— В трущобах наверху ево нема, — ответил Блейд. — Я со своими людьми прочесал кажен сантиметр. Он либо в Нижнем городе, либо хоронится на фабриках в Брикбенке.

Линч кивнул:

— А где тут ближайший вход в Нижний город?

Блейд подошел к проектору и зажег свечу за пиктографией. На грязной стене появилась грубая карта Уайтчепела и его окрестностей.

— Тута, — показал Блейд на южную границу трущоб. — Старый сломанный водосток, который кто-то прикрыл сеткой. Ведет прямехонько в канализацию. Кто-то прорыл туды тоннель со старой разрушенной восточной ветки.

Единственный путь в трущобы, где не нужно пересекать стену.

— Я подготовлю эскадрон. — Линч резко кивнул, повернулся и вышел за дверь.

Блейд поскреб подбородок:

— Занятный малый. Неболтливый.

— Его волнует лишь выполнение задания, — рассеянно ответил Бэрронс, глядя на карту.

— Хлебнете бладвейна? — предложил Блейд, наливая себе стакан.

— Извольте.

Свечка за проектором оплыла. Блейд почувствовал аромат цветочного мыла и услышал шорох юбок и тихие шаги за дверью. Онория. Выходит через черный ход с Уиллом.

Бэрронс взял стакан и отпил. Его глаза округлились.

— Превосходное вино, высшего качества.

— А вы че, ждали яду?

— Какую-нибудь бурду.

Они обменялись натянутыми улыбками, неискренними и напряженными.

— Я не по этой части. Нападу на вас напрямик, если до того дойдет.

— Приятное разнообразие, — протянул Бэрронс. — Поговаривают, что вы просто высокомерная уличная крыса. Выскочка. Мне вы почти нравитесь.

— Почти?

Бэрронс выпил бладвейн и со стуком опустил стакан на стол.

— Интересные у вас духи.

Блейд пришел прямо из спальни, намеренно не смыв запах Онории. В глубине души он хотел оставить эту метку на своей коже, продемонстрировать миру — или, может, только Бэрронсу, — кому она принадлежит.

— Вас че-то не устраивает?

Бэрронс сложил руки за спиной и внимательно посмотрел на хозяина дома:

— Она вам обо мне не рассказала.

Блейд стиснул зубы. Скрытность Онории уже начинала выводить его из себя. Если у нее был любовник — плевать, просто хотелось понять, почему она отказала ему, Блейду. Если, конечно, не питает что-то к этому молодчику... Господина словно ледяной водой окатили. Только не это! Всевышний, вряд ли Блейд настолько бескорыстен, что позволит Онории уйти к другому.

— Мне любопытно. Долго ли ее отец работал на вашего?

— Да, много лет.

— Вы были друзьями?

Бэрронс скривился:

— Нет, не друзьями. Намного больше и меньше. — Он склонил голову набок, будто изучая Блейда. — У меня нет на нее прав, если вы поэтому так на меня смотрите.

Блейд застыл. Во время допроса он метался по комнате, как тигр в клетке, невольно показывая свою слабость. Если Бэрронс захочет его скинуть, то теперь знает, как это устроить. Блейд небрежно пожал плечами:

— Девчонка забавная, но упрямая. — Он указал на дверь. — Готовы запачкать сапоги?

Бэрронс медленно, неспешно посмотрел на него и кивнул:

— Я на нее не претендую, но предупреждаю: не обижайте ее. — Он взял шляпу с вешалки у двери и надел с какой-то нелепой аккуратностью. Затем посмотрел хозяину дома в глаза. — Иначе мне придется вас убить.

Блейд уставился в спину Бэрронсу, направляющемуся на выход. И этот голубокровный утверждает, будто не претендует на Онорию?

— Сукин сын, — пробормотал господин и последовал за ним.

* * *

Онория потеряла глаза, пытаясь снять напряжение от усталости. Она знала отцовский код, но расшифровка — медленная, скрупулезная работа. А тут еще Лена заняла половину стола метрами желтого хлопка и болтала без умолку, зашивая шов.

Уилл уже на пороге, ворча, сунул сверток в руки Онории. Она было собралась окликнуть вервувльфена и попросить вернуть подарок, но тут обнаружила записку, написанную изящным почерком, вероятно, Эсме, но продиктованную самим Блейдом: «Для твоих брата и сестры».

Господин прекрасно знал: иначе она подарок не примет. Онория развернула коричневую бумагу и почувствовала, как глаза защипало от слез. Внутри свертка оказался аккуратно сложенный желтый хлопок, нитки и маленький швейный набор. А еще заводной мячик для Чарли.

Блейд ее переиграл. Онор не могла не принять такие подарки, и сама мысль, что он вспомнил о ее брате и сестре, заставила сердце биться чаще.

В груди сдавило. Онория стояла на улице и плакала, сжимая оба подарка, и далеко не сразу занесла их в дом.

Буквы в дневнике поплыли перед глазами. Онория отложила перьевую ручку и отошла от стола. Слабый полуденный свет струился из окон. Отодвинув занавеску, она увидела грязные булыжники и кучку оборванцев, играющих с вертуном в переулке неподалеку. Может, и Чарли однажды будет вот так резво гоняться за заводным мячом.

Улыбка увяла на ее губах. Онория пыталась сохранить надежду, но слишком много работы предстояло до того, как мечта станет явью. Отец почти нашел лекарство и твердил об этом все последние дни, думая только про вакцинацию. Но то, что он приблизился к разгадке, не означало, что ей под силу воспроизвести его работу. Онория это понимала. Ей далеко до гения Артемия Тодда. Какие безумные идеи и логические цепочки он выстраивал, прежде чем хватался за ручку и пергамент? Что, если ей не удастся в этом разобраться?

Прижавшись лбом к прохладному стеклу, она смотрела, как мальчишки безобразничали, мешая потоку транспорта и едва не сбив с ног молодую женщину. Чарли заслуживал такой жизни, а не постельного режима и многочисленных уколов. Но лучше уж так, в противном случае...

«А вдруг я ошибаюсь?»

Голод — медленная смерть. Хуже того, она превращала мужчин в обуреваемых жаждой крови чудовищ, живущих лишь ради удовольствия от убийства. Но Блейд голубокровный. И пусть Онория не могла разобраться в своих смешанных чувствах к нему, больше она не презирала его из-за вируса. На самом деле, она могла только восхищаться господином. Он был так близок к грани, но все еще старался сохранить самообладание.

Сейчас он в Нижнем городе, охотится на вампира среди местных жителей и банд тесаков. Просто потому, что решил выполнить свой долг перед теми, кто на него положился, и перед своей небольшой приемной семьей, которую сам и собрал. Блейд был незаконнорожденным, неграмотным и называл себя негодяем. Однако в одном его мизинце больше чести, чем у половины так называемых лордов Эшелона.

Онория задумчиво рисовала пальцем на окне. Уилл сейчас оправляется после нападения вампира, так что у Блейда есть только О'Шей и Рип. Люди. А за спиной кучка голубокровных и эскадрон металлогвардейцев. Хватит одной пули, чтобы Блейд перестал быть занозой в боку Эшелона.

— Что увидела? — спросила Лена.

Онория отдернула палец от стекла:

— Ничего.

— Ты весь день глядишь в окно, — заметила сестра, орудуя иглой с ниткой. — Как будто что-то высматриваешь.

— Глаза болят, — ответила Онория, потирая виски. — Мне иногда надо отдыхать.

Лена потупила взгляд и перестала шить:

— Они за чем-то охотятся, да? Когда я вышла за водой утром, Летти Хенкотт сказала, что в трущобы пришел эскадрон металлогвардейцев. Это за тем убийцей?

Что же ей сказать? Нельзя допустить, чтобы слухи о вампире распространились, а Лена сама бы согласилась, что ей не стоит доверять опасные сведения.

— Да, — сказала Онория после минутного колебания. — Они считают, что он в Нижнем городе.

— Ты переживаешь за него, — сказала Лена, опустив шитье.

— За убийцу? Вряд ли.

Лена закатила глаза:

— Я говорила не об убийце, и ты это знаешь. — Ее пронизательные карие глаза, казалось, видели Онорию насквозь. — Сначала я думала, что между вами просто сделка, но это не так.

— Если Блейд погибнет, мы снова окажемся на улице и не сможем выжить, — ответила Онория, шурша юбками при ходьбе. — Не будет денег на еду, на Чарли, на...

— Онор.

— У меня нет времени на это... на него. И так достаточно забот: ты, Чарли, деньги на пропитание...

— Чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь.

— Нет, боишься. Ты используешь нас с Чарли как прикрытие. Как щит, чтобы отгородиться от него. — Лена вздохнула. — Не могу сказать, будто я обрадовалась, когда ты впервые с ним связалась, но он доказал, что держит слово. И благодаря ему ты улыбаешься. Я так давно не видела твоей улыбки, — печально прошептала она.

Лена. Повсюду ищет сказку. Иногда Онория жалела, что сама не столь наивна.

— Он ведь не купил твою благосклонность этой тканью? — Онория вздохнула. — Блейд хороший мужчина, и он меня забавляет. Иногда.

— Что ж, полагаю, могло быть и хуже. По крайней мере, у него есть деньги, пусть даже он незаконнорожденный грязнокровный.

Онория загорелась гневом:

— Блейд честен и предан. Это ценнее, чем родиться в законном браке.

— Возможно, но, если уж ты выйдешь замуж, думаю, жениху не мешало бы иметь хоть какую-то родословную. Ну или по крайней мере уметь читать.

— Ему не нужны книжные премудрости, он и так умен, — возразила Онория, и тут поняла, что сейчас сказала Лена: — И я его трэль, а не невеста.

Лена плотнула чаю, насмешливо глядя на сестру поверх чашки и выразительно выгнув бровь:

— Я видела, как он смотрел на тебя, а ты — на него. Если не собираешься выходить за него замуж, то вряд ли я одобрю ваши отношения.

Старшая сестра так рот и открыла. На мгновение Лена заговорила в точности... в точности, как сама Онория. И тут до нее дошло. Прищурившись, она пожурела сестрицу:

— Ах ты маленькая плутовка.

— Он тебе и правда нравится. Ты готова была меня придушить, — улыбнулась Лена. — Ты за него переживаешь.

— Конечно, переживаю, — отрезала Онория. — Он охотится в Нижнем городе, а за спиной у него аристократы Эшелона. Любой из них может воспользоваться случаем избавиться от Дьявола Уайтчепела. Не говоря уже о вам... — Она прикусила язык. — Ос убийце.

Лена встала, протанцевала к сестре и, взяв ее за руки, закрутила:

— Ты такая неромантическая, Онор, и такая упрямая! Вы с ним уже целовались?

— Не твое дело, — буркнула Онория, высвободившись. Она покраснела так, что даже горло горело. Они с Блейдом делали намного больше.

— Целовались! Кокетка!

— Не радуйся так!

— Он хорошо целуется? — Лена улыбнулась шире. — Вижу, что хорошо, тебе явно понравилось. Сколько раз вы целовались?

Слишком много, у нее уже началась зависимость.

— Разговор окончен.

— Не порть мне веселье. Бог свидетель, у нас мало поводов для радости. Не помешает хотя бы одной из нас завести романтические отношения.

Как вовремя сестра напомнила ей об их положении.

— У меня нет времени...

— Если бы не обстоятельства, что бы ты сделала? — Лена серьезно посмотрела на сестру. — Если бы не было меня, Чарли, всего остального. Что бы сделала?

Онория заколебалась, затем покачала головой:

— Вопрос совершенно гипотетический, потому что вы есть. Я не могу притвориться, что вас нет, и не стоит мечтать о несбыточном.

— Онор.

Старшая Тодд закусила губу:

— Не знаю, я об этом не думала.

— Лгунья.

Слезы обожгли глаза, застав Онорию врасплох. Она отвернулась и сунула посуду в раковину, лишь бы занять руки.

— Я не думала.

— Онор. — Лена схватила ее за руку и остановила.

Что-то мокрое покатилося по щеке. Онория неловко утерла слезу и отвернулась, но Лена все поняла, поэтому обняла сестру за плечи и прижалась подбородком к ее шее.

— Я знаю, тебе не нравится спонтанность. Ты слишком много думаешь, как всегда. Но тебе нужно воспользоваться шансом. Иди к нему сегодня. Не думай, просто следуй велению сердца.

— Я не знаю, что велит мне сердце, — ответила Онория, утирая слезы рукавом, но они все лились и лились. Вдруг камень на сердце превратился в ком в горле. — Он голубокровный. Вне закона, и у него больше дюжины трэлей. Он почти на полвека старше меня!

— Разве не ты сама всего несколько минут назад говорила мне, что это все неважно? В чем же дело? Чего ты боишься?

Всего. Онория прижалась лицом к плечу сестры, пока ком в горле рос, грозя удушить.

— Не знаю, что со мной не так. Я не понимаю, чего боюсь, — прошептала она.

Улыбка заиграла на губах Лены, вытиравшей сестре щеки.

— Ничего смешного, — пробурчала Онория.

— Я знаю, что не так: ты не можешь этим управлять. Своими и его чувствами. Вот, чего ты боишься.

— Все не так просто. Допустим, он мне нравится — а что, если я ему нет? Что, если...

— Я вполне уверена, что ты ему небезразлична. Для такой разумной дамы ты несешь жуткую чушь.

— Лена, тебе это слишком нравится.

— Конечно, нравится. Нечасто мне выпадает возможность видеть тебя в растерянности.

— Я не в растерянности. — Поток слез стих. Странно, но Онор почувствовала, как напряжение немного спало.

— А вот и да.

Онория хотела возразить, но промолчала. Лена права. Онор сама не своя из-за мужчины. И неясно, почему. «Потому, что Блейд тебе не пара. Потому, что он может разбить тебе сердце. Потому, что он тебе нравится». Онория не стала развивать мысль, зажмурилась и глубоко вздохнула.

— Так, давай рассуждать логически, раз уж тебе это так нравится, — предложила Лена. — Сначала этот мужчина платит тебе целое состояние за согласие стать его трэлью, хотя мог бы отдать значительно меньше. Потом ставит ночную охрану у нашего дома по ночам, и, судя по рассказам соседей, в трущобах только мы пользуемся такой привилегией.

— Ты обсуждала его с соседями? Только не это! — воскликнула Онория.

— Да, обсуждала. В-третьих, предположим, ему просто хочется затащить тебя в постель. Любой мужчина сделает все и даже больше ради траха.

— Лена!

— Но он тебя не брал. — Лена выгнула бровь. — По крайней мере, я так думаю.

Онория покачала головой.

— Получается, его интересует что-то другое. Ты ему нравишься. — Тут Лена

заговорила, как обычно, и закатила глаза: — Хотя бог знает, почему.

Онория хлопнула сестрицу по руке. Кожа на щеках натянулась и высохла, будто по ним не слезы катились, а песок.

— Все не так просто.

— Ты слишком много думаешь. Не размышляй, а действуй.

— Но что делать?

— Все, что придет в голову, когда ты его снова увидишь. Во всяком случае, ты его определенно удивишь.

Онория представила, как прижмет Блейда к стене и поцелует. Вот это его точно шокирует. Она держала господина на расстоянии несколько дней. Несмотря на раздрай в душе, Онор не могла не рассмеяться, представив выражение его лица.

— Ты неисправима.

— Но я намного умнее тебя, когда вопрос касается дел сердечных, — возразила Лена.

Онория готова была задушить сестру или обнять. Но лишь улыбнулась в ответ:

— Спасибо.

— Не за что. Бог свидетель, как приятно иногда самой что-то посоветовать, а не выслушивать нотации. — Лена повернулась, смеясь и шурша юбками. — Отнесу Чарли ужин.

В миске было совсем немного супа, едва ли достаточно, чтобы накормить человека, но Онория знала, что брат и столько не съест. Мысль вернула ее с небес на землю. Щеки болели, словно с непривычки. Давно она не смеялась.

А ведь раньше было иначе. Столько всего вызывало у нее улыбку. Онория с грустью провела пальцами по спинке стула, пока Лена грела суп для Чарли.

Нет времени улыбаться. Время. Онор чувствовала его тяжесть на своих плечах, словно попала в ловушку на дне песочных часов, и каждая песчинка приземлялась прямо на нее. Ей надо управиться поскорее, пока этот песок не похоронил ее заживо.

Онория вздохнула и снова села, придвинув отцовский дневник. Она едва могла соображать из-за всех сегодняшних открытий. Когда это Лена стала такой мудрой?

«Сосредоточься, думай о записях, о недуге. С Блейдом разберешься вечером, когда будет время», — решительно приказала себе Онория.

Отцовский код было сложно расшифровать.

«Подопытный номер двадцать семь показывает невероятные признаки улучшения, такие же, как у номера девять и пятнадцать, — поспешно корябала Онория. — Ему вводили тот же антидот, что и другим в этой группе, так что, похоже, дело в другом. Если, конечно, он сам по себе не отличается от остальных и из-за этого выказывает другую реакцию. Среди переменных коэффициентов еда, сон, физическая нагрузка, количество солнечного света в камере. По моим расчетам, параметры едины. Каждому заключенному выдается ровно по четверть пинты крови в день, разрешается пятнадцать минут погулять во дворе, и их будят ровно после восьми часов сна. Да и освещение у них примерно одинаково. Так в чем же отличие? Что у этих троих общего, что выделяет их среди оставшихся?»

Онория зачеркнула последнее слово и уставилась на листок, пытаясь вспомнить расположение камер и номера безымянных заключенных, глядевших на нее через прутья.

И тут Лена закричала.

Суп расплескался по всему полу. Лена, застыв, стояла посреди комнаты.

— Чарли? — прошептала она.

У Онории перехватило дыхание, пальцы сжались на дверной ручке.

— Прости, — прошептал Чарли. По лицу его стекали слезы, смешиваясь с кровью на губах. — Мне очень жаль. Я не мог... Просто не смог остановиться.

Взгляд Онории метнулся к окровавленным простыням и месиву, в которое превратились его запястья. Она нерешительно шагнула в комнату, ощущая, как та начинает вращаться вокруг нее. Зрачки Чарли были почти полностью черными.

— О господи, — прошептала младшая сестра.

— Лена, принеси тряпку.

Чарли отодвинулся к изголовью:

— Ближе не подходи. — Его ноздри раздувались.

На деревянном ящике, служившем прикроватной тумбочкой, стоял флакон коллоидного серебра. Онория нервно прикусила губу, поглядывая на него.

— Чарли, ты истекаешь кровью. Нужно остановить...

— Знаю. — Его зрачки расширились на мгновение, а потом он застонал и ударился головой о спинку кровати. — Я чувствую запах крови.

— Прекрати, — твердо произнесла Онория. Она прошла мимо Лены, которая поспешила на кухню. — Прекрати, Чарли. Посмотри на меня. Если мы ничего не сделаем, ты истечешь кровью.

— Разве это так плохо? — прошептал брат.

Онория показалось, будто у нее из груди вырвали сердце.

— Не говори так.

— Самое отвратительное... мне это нравится. Кровь так хороша на вкус. — Его взгляд опустился ниже, к горлу сестры. — Я хочу еще.

— Не думай об этом. Думай о... шпинате. И копченой треске. — Два его самых нелюбимых блюда. Сработало. Он скривился. Онория снова медленно шагнула вперед.

Чарли прикусил губу и закрыл глаза:

— Я так устал.

Кровь вяло вытекала из его вен, будто те пытались зажить сами по себе. Как у голубокровного.

«Перестань», — приказала себе Онория. Еще не поздно. Не может быть. Она каждый день следила за уровнем вируса брата с помощью лакмусовой бумаги. Это были чрезвычайно грубые измерения, но она не могла позволить себе медные спектрометры, которыми пользовались в Эшелоне.

Лена вернулась с тряпкой.

— Помоги мне привязать его, — попросила Онория.

Чарли не сопротивлялся. Просто смотрел в потолок, пока они привязывали его руки к кровати, обматывая хлопок вокруг пальцев, потому что нельзя было стягивать запястья. Кровотечение почти остановилось, но Онория все равно обмотала запястья марлей, чтобы та впитывала ярко-красные ручейки крови.

— Что нам делать? — спросила Лена, присаживаясь, когда они наконец закончили.

— Мне просто нужно время, — автоматически ответила Онория. — Я все исправлю. Вакцина, которую дал ему отец, очевидно, не работает, но если я разгадаю формулу лекарства, то смогу остановить вирус. Я смогу...

— Слишком поздно, — прервал их Чарли и отвернулся к стене.

Онория запустила пальцы в его темно-каштановые кудри насквозь мокрые от пота.

— Нет, еще не... — начала она.

— Онор. — Лена взяла ее за руку. — Не мучай его больше. Уже действительно слишком поздно.

Нет, нет, не поздно. Не может быть. Ей просто нужно еще время, нужно разобраться, что же это за таинственная переменная, благодаря которой так полегчало подопытному номер двадцать семь.

— Отец говорил, что уже на пути к успеху. Если бы мне только удалось расшифровать его записи...

— Ты его мучаешь! — закричала Лена. На ее глазах выступили слезы. — Остановись. Просто остановись! Я не могу позволить тебе и дальше делать это. Ты только причиняешь ему боль.

— Неправда. — Онория отрицательно покачала головой. — Я знаю, что близка к разгадке. Мне просто нужно...

Она увидела, как крупные капли катятся по щекам сестры, и запнулась. Чарли лежал поникший, безучастно глядя в стену, и казался почти безжизненным.

— Я обещала отцу, — прошептала Онория. Слезы защипали глаза, грозя захлестнуть ее. — Я обещала ему заботиться о вас. — Горло свело спазмом боли. — Нет, — прошептала Онория, качая головой. — Нет.

Чарли повернулся к ней и прошептал:

— Пожалуйста.

Рыдания рвались наружу откуда-то из глубины. Онор пыталась сдержать их, заглушить, прижимая к губам костяшки пальцев, но безуспешно. Плечи задрожали от силы этих рыданий. Слишком поздно.

— Нам нужен голубокровный, — сказала Лена. — Чтобы помочь Чарли во время превращения.

Казалось, слова доносятся откуда-то издалека. Онория едва их слышала. Она потерпела неудачу. Внутри все так свело от боли, что бедняжку едва не стошнило.

— Как думаешь, Блейд мог бы поддержать нас? Онор? Как считаешь, он бы нам помог?

Чьи-то пальцы впились в предплечье, и в поле зрения появилось лицо Лены, пристально смотревшей на сестру.

— Нам нужен голубокровный, — повторила Лена. — Ты доверяешь Блейду? Думаешь, он сможет помочь обратить Чарли?

Онория прикусила губу. Надо взять себя в руки. Чарли все еще болен. Если кто-то не облегчит ему переход, он может сорваться и стать ночным кошмаром трущоб. Но могла ли она доверить Блейду жизнь брата?

После стольких месяцев в страхе тяжело бороться со старыми привычками. Но ответ пришел на удивление быстро. Блейд был к ней намного добрее, чем она того заслуживала, в то время, как сама Онория отвечала на эту доброту крайне скупно.

— Да, — прошептала она. — Я приведу его.

Это наименьшее, что она могла сделать, ведь именно ее гордость обошла Чарли так

дорого. И небеса свидетели, если Блейд поможет, Онория найдет способ вернуть и этот долг.

Блейд зашел в свою комнату и захлопнул дверь прямо перед лицом Эсме. Она следовала за ним по лестнице, требуя, чтобы он поговорил с ней, но у господина не было ни времени, ни желания. День охоты в туннелях вместе с Бэрронсом выдался длинным и изматывающим. Блейд ссутулился от усталости. Он бы отдал что угодно за возможность рухнуть сейчас на матрас и просто поспать. Хотя бы несколько минут покоя, прежде чем он сможет заниматься домашними делами и разбираться с требованиями Эсме.

День превратился в цепочку ужасных находок. Выяснилось, почему вампир перестал охотиться в трущобах: все жители Подземного города пропали. В некоторых пещерах-комнатах остались признаки поспешных сборов перед побегом. В других же — разгром или брызги крови. В нескольких обнаружили мертвые тела.

Блейд снял пальто и отбросил в сторону. Кожа с громким шлепком приземлилась на спинку кровати. Повернувшись, он схватил бутылку бладейна, поднес к губам и замер.

Из кресла, подобрав под себя ноги в одних чулках, на него серьезно глядела Онория. Как только Блейд увидел ее, то узнал тонкий женский аромат, витавший в воздухе. Вонь от запекшейся крови и разложения по-прежнему заполняла ноздри, но запах Онории пробивался сквозь них, словно свежий ветерок.

Жар охватил тело и опустился вниз к члену. Блейд был с ног до головы перемазан в грязи и прочих субстанциях, слишком отвратительных, чтобы о них вспоминать, но ему хотелось прижать гостью к стене и избавиться от тяжелых юбок платья. Его ноздри раздулись, мир вокруг утратил цвета. Блейд сжал кулаки.

— Ты чо тут делаешь?

Онория вздрогнула от его резкого тона. Он впервые заметил синяки у нее под глазами и этот взгляд... взгляд человека, потерпевшего поражение. Грудь сдавило тисками, там, где-то под ребрами. Блейд никогда раньше не видел Онор такой.

— Мне нужна твоя помощь, — тихо ответила она, не пошевелившись.

Он усмехнулся:

— Ну конечно.

Единственная причина, по которой она могла к нему прийти. Блейд отвернулся и сорвал кожаные наручи, тщательно избегая скрытых в них острых лезвий. Та же участь постигла потрепанный кожаный нагрудник — хозяин трущоб остался лишь в пропитанной потом рубахе. Потянув за воротник, Блейд через голову стащил и ее.

Непривычно тихая, Онория смотрела на свои руки, нервно сжимая пальцы.

— Я волновалась за тебя.

Блейд скомкал рубашку.

— Че вдруг? Боялась, наш лордик воспользуется шансом и воткнет мне нож в спину? Такскать, сузит круг соперников?

— Не уверена, что понимаю, о чем ты.

— Или, може, волновалась, что я его пырну? — произнес он, швыряя рубаху через всю комнату.

Бледные щеки Онории вдруг залила краска.

— О чем ты, черт тебя побори?

Блейд большими шагами подошел к ней. Наклонившись, положил руки на подлокотники, боясь, что если прикоснется к Онории, то уже не остановится. Она напряглась и плотнее вжалась в кресло.

— Думаю, ты отлично знаешь, про что я толкую, — ответил он.

Простое серое платье было слишком скромным. Всем своим существом ощущая голод, Блейд жадно блуждал взглядом по девичьим формам, затем наклонился вперед. Он многое бы отдал, чтобы коснуться ее, провести языком по этой стройной шее и узнать, насколько мягкая у нее кожа.

Онория твердо взглянула на него:

— Я не знаю, о чем идет речь. И хотела бы, чтобы ты перестал говорить загадками. И если с твоим обонянием что-то не в порядке, позволю себе заметить, что ты очень плохо пахнешь. На самом деле, как неочищенные сточные воды.

С тем же успехом она могла отвесить господину пощечину. Он прищурился, но отодвинулся:

— Ага. Надо помыться.

— Возможно, даже несколько раз, — парировала Онор.

Она определенно начинала напоминать себя прежнюю. Блейд окинул ее взглядом:

— Подем. Потрешь мне спину.

— Вот уж вряд ли.

Направившись в сторону ванной комнаты, он бросил через плечо:

— Эт те моя подмога нужна с чем-то там. Так что, черт возьми, че б те не помыть мне спину?

— У меня нет на это времени.

— А ты найди.

Вода брызнула из кранов, едва он их повернул, и ванную начал окутывать пар. Онория нерешительно замерла в дверях, оглядывая комнату, словно никогда раньше ее не видела. Гостья смотрела куда угодно, только не на хозяина.

Блейд лениво прикрыл веки, потянувшись к поясу брюк. «Попробуй игнорировать меня теперь». И расстегнул ремень.

Онория подошла к полке и, откупорив бутылочку ароматического масла, поднесла ее к носу, зажмуриваясь и глубоко вдыхая. Из-за пара локоны на затылке слиплись. На щеках появился румянец, и кожа стала влажной.

Член господина рвался наружу из тугого плена кожаных брюк.

Онория наконец выбрала одну из бутылочек и щедро плеснула масло в воду:

— Проблем сегодня не было?

Блейд присел на край ванной и сбросил ботинки. Онор говорила так спокойно, что можно было подумать, будто они супружеская пара, обсуждающая события прошедшего дня. Если бы не всё нарастающее напряжение в спине гостьи, или осторожные взгляды, которые она бросала на него, когда думала, что Блейд не видит.

— Ниче такого, кроме давно обескровленных тел. По крайней мере, эта тварь прошла и по тесакам тоже. Нашли слив-лабораторию, хотя стеклянные цистерны были разбиты и пусты. Ясно дело, вампир вдоволь там попиrowал.

Другие картины замелькали в его сознании, некоторые слишком мерзкие, чтобы на них задерживаться. Каталки, к которым тесаки привязывали своих жертв. Жгуты. Ржавые иглы,

чтобы сцезивать кровь, пока от тела не оставалось ничего, кроме пустой оболочки. И те цистерны — пять штук, достаточно большие, чтобы хранить в них кровь сотен людей.

Практически у господина под носом, а он и понятия не имел. Сколько людей пропало, о которых он даже не слышал? Блейд нахмурился еще больше.

— Никто не пострадал? — спросила Онория. Она возилась с полотенцами, спиной к нему.

Блейд увидел, как напряглись ее плечи, когда кожаные брюки с громким шлепком приземлились на пол. Член вырвался наружу и подрагивал у живота. До боли хотелось обхватить плоть рукой, но пришлось отказаться от этой идеи. Он и так уже был на грани сегодня. Лучше не искушать судьбу, особенно, когда Онория рядом.

— О ком-то конкретном печешься?

Она замялась:

— Нет.

Едва Блейд опустил в ванну, как тело окутал пар и приятный аромат. Онория склонила голову набок, словно пытаясь по плеску воды оценить степень наготы господина.

— Все прикрыто, — поддразнил тот, брызнув водой себе на лицо. — Мошь смотреть.

От воды исходил какой-то экзотический аромат, лимонный и слегка мужской, похоже на розовое дерево. Когда Блейд отнял руки от лица, на ресницах повисли капельки воды. Онория уставилась на него, как громом пораженная. Ну, по крайней мере, его тело все еще привлекает ее внимание. Похоже, порой она сама не сознавала, как часто за ним наблюдает.

Блейд специально закинул ноги на край ванны так, что вода расплескалась во все стороны. Щеки Онории залил румянец, и, с присущей ей бойкой энергичностью, она схватила мочалку и мыло.

— Наклонись вперед, — пробормотала она. — Чтобы я помыла тебе спину.

— Могла б ко мне присоединиться, — небрежно предложил Блейд с легкой вопросительной интонацией.

— Нет, спасибо.

— Ты намокнешь.

— Я буду осторожна. — Онор опустила мочалку в воду.

Осторожна или нет, она все равно намокнет, уж он-то об этом позаботится.

Масло переливалось на воде, поблескивало на его коже. Онория потеряла кусочек мыла, словно желая, чтобы это был щелок, и толкнула Блейда в плечо.

— Наклонись вперед.

Он подчинился. Что угодно, только бы заставить ее прикоснуться к нему. Грубая мочалка будто сдирала кожу, но чувство было восхитительным, и Блейд, прижав колени к груди, положил голову на руки, пока Онория терла ему спину.

— У тебя грязь даже на плечах, — пробормотала она. Сердитые движения уступили место более нежным, решительным, когда она пыталась смыть особенно упрямое пятно.

Он мог представить эту мочалку, мыльную и мокрую, как вокруг нее сжимается рука Онории, и она ласкает его кое-где в другом месте. Блейд от напряжения стиснул челюсти.

— Видела б ты сваво дружка Бэрронса, — произнес он, подняв голову. — По сторонам ваще не смотрел. В итоге шлепнулся на спину и барахтался, как черепаха, в... ну, ради приличия назовем это грязью.

Онория перестала водить мочалкой. Их глаза встретились — и ее чуть заметно сузились.

— Мой друг Бэрронс, — повторила она.

Блейд откинулся назад, облокотившись на край ванны, и наблюдал за помощницей сквозь полуприкрытые веки. Он поймал ее за запястье и прижал к своей груди, намекая, чтобы она продолжала мытье.

— Веселая эт штука, хранить секреты, — произнес он. — Никада не знаешь, скока известно другим людям.

Онор побледнела, а у Блейда сердце ухнуло куда-то вниз. Член мгновенно обмяк. Иисусе. Ляпнул наугад, а попал прямо в цель. Блейду показалось, что мир вокруг пошатнулся.

— Раз уж он хорош для тебя, то че я нет? — прорычал он. — Черт возьми. Ты его любишь?

— Люблю его? — У Онории отвисла челюсть.

В этих восхитительных карих глазах появилось определенное выражение — и оно обещало только неприятности. На мгновение Блейду показалось, что он совершил огромную ошибку.

— Люблю его? — повторила она. Вода капала на пол из сжатой в кулаке мочалки. Онория, казалось, обдумывала вопрос. — Да. Думаю, я люблю его, хотя иногда мне хочется об этом забыть.

Она бросила в господина мочалкой, но он ее поймал. Мыльная пена полетела во все стороны.

— И тем не менее ты задал неверный вопрос, — ответила Онория. — Следовало спросить, хотелось ли мне его поцеловать.

Блейд резко поднял голову — как ищейка, почуявшая лисицу.

— Ты о чем гришь?

— Я испытываю непреодолимое желание не отвечать тебе, — произнесла она.

Блейд схватил ее за руку.

— Онория, — предупреждающе прорычал он. — Он че, был твоим полюбовником?

— Отпусти.

— Ответь на вопрос.

Их взгляды схлестнулись в напряженной тишине. Онория дернула рукой, но черта с два он ее отпустит, пока не услышит ответ.

— Нет, — прошептала она. — И я не хочу, чтобы он им стал. — Ее боевой запал словно испарился. — Хотя мне стоило бы тебя помучить.

Волна облегчения вышибла из груди весь воздух.

— Ты не настолько жестока.

На ее глазах вдруг выступили слезы.

— Разве? Возможно, ненамеренно. — Две крупные капли покатались по щекам, и плечи тяжело опустились. — Я сейчас так хочу злиться на тебя, но у меня не осталось сил.

Слезка скатилась с подбородка и упала в ванну. Блейд уставился на рябь, которая пошла по воде, и вспомнил про круги под глазами гостыи, которые упустил из виду в порыве похоти и ревности.

— Ты плакала. Перед тем, как прийти сюда.

— Да.

Блейд потянулся и погладил ее по щеке. Большая соленая слезинка скользнула по его пальцу.

— И те нужна была моя подмога. — Чувство вины жгло его изнутри. — Ну, до того, как я стал вести себя словно чертов идиот.

Онория прижалась щекой к его ладони, как котенок в поисках ласки. Теплая ладошка сжала его руку, удерживая на месте.

— Я кое-что натворила. Думала... Думала, я смогу это остановить. Смогу помочь Чарли, но в итоге лишь причинила ему боль.

Ее глаза замерцали от навернувшихся слез. Она зажмурилась и дала им волю.

Блейд не смог удержаться. Наклонился и поцеловал Онорию в щеку, прижавшись губами к соленой коже.

— Да в те нисколечко злости нет! Что б ты ни натворила, ты старалась, как лучше.

— Так ли? Или, быть может, дело в другом? В гордости? Или желании... контролировать ситуацию? Я оказалась чертовски слепа. Было поздно. — Всхлип рвался из горла, но она заглушила его. — Уже давно было поздно.

Блейд обнял бедняжку и крепко прижал к груди. Проклятье, как же чертовски приятно обнимать Онорию вот так, без этой ее привычной жесткости.

— Тише, милашка, — пробормотал он, глядя ее по волосам.

Она робко обняла господина в ответ и уткнулась лицом ему в шею.

— Мне так страшно. Но ты был добр ко мне. Никогда бы не подумала. Только не от голубокровного. Но, может — может, — все не так уж и плохо на самом деле.

— Вот теперь я не понимаю, о чем ты толкуешь, милая.

Онория отстранилась и серьезно посмотрела на Блейда. Она не была плаксой, и все же при виде ее слез у него почему-то сдавило в груди.

— Я могу тебе доверять? — спросила Онория.

Ее тон был крайне серьезным, и это заставило его задуматься, прежде чем ответить.

— Я б ты никада не тронул. Или кого-то из твоих близких.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал он.

Она грустно улыбнулась:

— Тогда, думаю, пора выбираться из этой ванны. Тебе надо кое-что увидеть.

Домой они шли в молчании. Какие бы вопросы ни задавал Блейд, Онория отказывалась отвечать. На самом деле, вспышка упрямства, которое она выказала в его покоях, угасла под давлением настороженности. Сейчас Онория притихла и задумалась, обняв себя руками, словно замерзла.

Блейд остановился у ее дома:

— Мы на месте.

Онория подняла глаза и моргнула.

— Мож, пригласишь? — спросил он с растущим любопытством.

Так далеко Онория его еще не пускала. Стены, возведенные ею, медленно рушились, и Блейд намеревался воспользоваться случаем и совсем от них избавиться.

Онория плотнее завернулась в шаль:

— Ты когда-нибудь думал, что, возможно, сделай ты все по-другому, то не потерпел бы неудачу?

Блейд горько усмехнулся:

— Ага. Но кто ж нам даст вторую попытку? Хорошая мысль приходит опосля.

— Это... это плохо?

— Что плохо?

— Стать голубокровным? — Онория серьезно смотрела на него, словно отчаянно желая услышать ответ.

Мурашки побежали по спине Блейда, когда он начал сопоставлять факты: вечно больной брат, запертая дверь...

— Онория, че за подмога те нужна?

Она несчастно посмотрела на него и открыла входную дверь:

— Заходи.

Блейд шагнул в дом и осмотрелся. Сестра Онории подняла глаза от стола, на котором перебирала множество пружинок и шестеренок, пытаясь собрать игрушку с часовым механизмом, а разглядев гостя, округлила глаза и вскочила.

— Все по-прежнему? — тихо спросила Онория. Дома она обычно не повышала голос.

Сестра покачала головой:

— Он спит.

Онория подошла к двери и щелкнула замком. Затем помешкала секунду и медленно открыла створку. По напряженной спине было видно, с какой неохотой Онопор это делала, но, похоже, выбора у нее не осталось.

Дверь распахнулась, и Блейд увидел узкую кровать, пустой флакон из-под коллоидного серебра, шприц и мальчика с безразличным взглядом. Руки бедняги были привязаны к кровати, а запястья обмотаны толстым слоем бинтов. Блейд похолодел. Черт побери! Парень стал себя грызть.

Хотя уж лучше себя, чем кого-то.

При этой мысли господина охватил обжигающий гнев. А ведь тут могла лежать Онория или ее сестра с вырванным горлом. И Блейд не посмел бы винить паренька. Он знал, какие муки голода терзали мальчика, если ему не давали кровь. Люди перестают быть родными и друзьями, а становятся лишь источником пищи. Мир теряет краски. Звуки уходят на задний

план, остается только громкий шум в ушах. И запах. Медный, теплый. Такой свежий на вкус. Будто вода для умирающего от жажды, что наконец погасит боль, которую ничто другое не уймет.

Мгновение настоящего экстаза. Но это даже не самое лучшее. Замечательнее всего то, что голод больше не мучит. И ты готов зарыдать от жгучего облегчения. А потом постепенно приходишь в себя, согнувшись и слизывая кровь с пальцев.

Кровь Эмили.

Нет.

Эта рана в душе Блейда никогда не исцелится, сколько бы времени не прошло. Если сможет, он никогда не позволит другому ее испытать.

Во рту пересохло, Блейд едва мог говорить, боясь, что скажет что-то непоправимое. Онория не могла знать, никогда не чувствовала эту жуткую, всепоглощающую потребность. Ему хотелось свернуть ей шею.

— Давно он так?

— Все началось шесть месяцев назад, — прошептала Онор и обратилась к брату: — Чарли? Ты не спишь?

— Уходи, — бесстрастно пробормотал мальчик. — Не приближайся.

Она застыла у кровати:

— Нам надо поговорить. Обещаю, больше никаких иголок.

Чарли повернул к ним голову и сосредоточился на Блейде, и постепенно взгляд больного стал осознанным. Брат Онории почти машинально натянул льняную тряпку, которой был привязал к кровати, и произнес:

— Он голубокровный.

— Блейд пришел помочь тебе.

Господин подошел и встал на колени на край кровати.

— Я тя щас развяжу, — сказал он, глядя мальчику в глаза.

— Нет! — Чарли застыл. — Нет, умоляю. Лучше так. — Он посмотрел туда, где стояла Онория. — Не надо.

— Смари на меня, — приказал Блейд. — Чарли, смари на меня. — Мальчик уставился на него круглыми и напуганными глазами. Черт побери, Блейд словно видел себя в том же возрасте, потерянного, одинокого и ужасно боящегося кому-то навредить. Ему никто не помог во время обращения и не научил сдерживаться. Только преподали урок, которого он не забудет до самой смерти. — Я не дам те причинить им вред, я сильнее тебя и быстрее. Ты доберешься до них тока через меня.

Онория ахнула:

— О, Чарли, не глупи, ты не сделаешь ничего подобного.

В глазах мальчика заблестели слезы, и он отчаянно уцепился взглядом за Блейда:

— Обещаете?

— Даю слово, — решительно ответил тот.

По щекам Чарли полились слезы, а из горла вырвался всхлип.

— Спасибо. Боже, спасибо вам! Я только об этом и думаю. Мне это снилось... — Он разрыдался. — Они не понимают. Никто не понимает.

Послышался шорох юбок. Блейд вытянул руку, останавливая Онорию:

— Я понимаю.

Его снова затопил гнев. Господин оборвал привязанные к кровати тряпки и отбросил

их.

Онория вздрогнула.

— Над было прийти ко мне, — выпалил Блейд, не сдержавшись.

Она сглотнула:

— Я думала...

— Даж и не смей договаривать! — предупредил он. — Я те не ублюдки из Эшелона.

Ее сжатые в кулаки руки задрожали от злости.

— Откуда мне знать, что ты бы его не убил? У тебя своеобразная репутация.

— Невинных я не трогаю.

— Конечно, Дьявол Уайтчепела не губит невинных, — саркастично повторила Онор. —

Знаешь, что там, откуда я родом, твоим именем пугают детей, чтобы те слушались?

Блейд сердито глянул на нее:

— Разве я када словом или делом тя пугал?

Онория ответила таким же упрямым сердитым взглядом. Но первая отвела глаза и посмотрела на брата:

— Нет.

Блейд еще мгновение сверлил ее взглядом. Как ему хотелось встряхнуть упрямицу, но не за муки брата, а за недоверие. Ведь, не окажись Чарли на грани, Онория, скорее всего, вообще бы не пришла к Блейду. Только отчаяние заставило ее раскрыть свои тайны. На мгновение он подумал, что между ними что-то появилось, какая-то привязанность. Но теперь выяснилось, что он единственный так считал.

Блейд снова повернулся к мальчику:

— Я дам те свою кровь. В ней достаточно вируса для обращения. Сперва те полегчает, потом начнется жутьская боль, пока вирус будет менять тело. Но через пару дней все устаканится и будет... по-другому. — Блейд сел на край постели. — Тока, парень, ты сам реши. Меня обратили силой, но с тобой я так не сделаю.

Чарли посмотрел на него и тихо спросил:

— А голод когда-нибудь уйдет?

— Нет, но я научу тя им управлять.

Не такого ответа ждал Чарли. Он нервозно посмотрел на Онорию:

— А если я не выпью вашей крови? Что тогда?

— Голод станет хуже. Рано или поздно ты сорвешься и нападешь на кого-нить. Мне придется прикончить тя до того, как ты устроишь бойню в трущобах. Или того хуже, превратишься в вампира.

— А если я попрошу вас сделать это сейчас? Избавить меня от мучений? — Чарли посмотрел на господина горящими голубыми глазами.

Онория вскрикнула, но Блейд снова вытянул руку:

— Я не убийца.

Чарли упрямо поджал губы. Хоть мальчик был светлее Онории, прослеживалось нечто общее в выражении их лиц и манерах.

— Так нечестно, вы сказали, что выбирать мне. Так вот: я хочу умереть.

— Блахародное решение, парень, но не эт те надоть, — Блейд небрежно пожал плечами. — Не устраивай сцен. Кажись, эт у вас семейное.

В глазах Чарли зажегся гнев.

— Вы сказали, что понимаете, каково это. Тогда как можете просить меня принять

такую жизнь?

— Я знаю поболее, чем ты, — ответил Блейд.

Чарли оскалился.

— Вы ничего не понимаете, — яростно выплюнул он. — Зачем мне жить?

— Затем же, зачем и другим людям, — ответил Блейд. — Шоб работать, жениться, завести семью, устроить дом, — перечислял он прохладно и спокойно. Чарли был уже на взводе, голод вызывал у него приступы ярости. — Все, чо бы ты хотел от жизни.

— Я хочу убить своих сестер! Скажи, что понимаешь это! — закричал Чарли.

Он спрыгнул с постели, но Блейд был наготове. Он прижал мальчишку спиной к своей груди, схватил рукой за горло и держал, дожидаясь, когда Чарли перестанет сопротивляться.

Бледная Онория отошла к стене и смотрела на брата. Наконец она все поняла. В ее глазах заблестели слезы.

Блейд смотрел на нее:

— Хошь ее кровушки? Думаешь, я этова не понимаю? — Он развернул мальчика и бросил на кровать. Чарли подпрыгнул и встал на четвереньки, готовясь защищаться. Инстинкты затмевали его рассудок.

— У мя была сестрица. Эмили. Спуталась с голубокровным лордом, взяла мя с собой. Он решил сделать мне «подарочек», затем запер, када я не заплясал под его дудку. Поклялся, что даст мне крови тока када покорюсь. А я поклялся, что ни за шо не сдамся.

Гордость, стоившая Эмили жизни. Глупая чертова гордость. Если бы он уступил Викерсу, то, возможно, его сестра все еще была бы жива. Хотел ли он что-то изменить в прошлом? О, да, боже, да!

И в эту самую секунду гнев Блейда на Онорию остыл. Она совершила ошибку и поняла это. Но вела себя так с благими намерениями, полагаясь лишь на собственные знания. Да, Онор боялась Блейда и не доверяла ему, и, бог свидетель, он заслужил свою репутацию.

— Что случилось? — спросил Чарли.

— Он заморил мя голодом до безумия, — ответил Блейд. — Эмили пожелала повидаться, и Викерс разрешил.

Чарли встретился взглядом с рассказчиком и увидел у него на лице тот же ужас, что ощущал сам.

— Такшо не говори, будто я не понимаю, — прошептал Блейд. — Понимаю, причем лучше любого другого бедолаги в Лондоне. Ты не хошь навредить сестрам? Эт хорошо. Вот так мы и сделаем. Как почувешь приступ голода, вспомни о сестрах. Представь их, и используй свой страх, чтобы собой управлять.

— Вы тоже так делаете?

— Нет, — мрачно отозвался Блейд. — У мя есть тока воспоминания. И клянусь, я не дам те повторить мой путь.

Он видел, что мальчик обдумывает его признание. Пусть Чарли только четырнадцать, но в его взгляде хватало боли и страха. Малец рано повзрослел.

— Тогда ладно, я согласен, — наконец прошептал он.

* * *

Не в силах смотреть на обращение брата, Онория сбежала на кухню и попыталась

отвлечься, занявшись мытьем посуды. Она опустила руки по локоть в мыльную воду, очистив разум от всего и сосредоточившись на работе по дому.

«Я хочу убить сестер!»

Чарли выкрикнул это с таким лицом... «Как ножом по сердцу». Как же Онория ошиблась. Причинила брату столько боли только потому, что не видела другого выхода, ослепленная дурацкой гордостью.

«Как я найду лекарство, если отец не сумел? Как смела я решать за Чарли, когда понятия не имела о его мучениях?»

Онория чувствовала себя потерянной. Много месяцев у нее была цель: работать от рассвета до заката, наскрести монеты на доктора, на коллоидное серебро... Это все теперь не нужно. Блейд дал ей столько, что в жизни не потратить, а теперь еще и отбирает у нее Чарли.

Это несправедливо.

Он помог ее брату, когда сама Онор оказалась беспомощна. Где-то в глубине души затаилась обида. Опять эта гордость. Осознав, насколько безобразны подобные мысли, Онория их отринула.

Сейчас Блейд давал Чарли свою кровь, снова помогал — а ведь получил так мало взамен.

Она никогда не встречала такого голубокровного. Слишком долго видела в нем лишь очередного представителя Эшелона, погрязла в собственных и отцовских предрассудках. Держала Блейда на расстоянии, возводила стены вокруг сердца, боясь, что господину удастся туда проскользнуть.

А теперь он на нее злился. «И разве я этого не заслужила?»

Какую кашу она заварила. Слезинка скатилась по щеке, потом еще одна и еще. Онория утерла их. Ей надоело плакать. Это ничего не даст. И все же она не могла сдержаться.

Задумавшись, Онория даже не услышала скрип половицы.

— Он щас спит.

От неожиданности Онор подпрыгнула и принялась поспешно вытирать глаза.

Блейд схватил ее за руки и прижался крепкой грудью к ее спине:

— Тише, милашка, утомись. А то мыло попадет в твои красивые глазки.

Онория обмякла в его руках. Блейд держал ее, как кукловод марионетку. Выпустив тонкие запястье, он обхватил Онор за талию и притянул обратно в убежище своих объятий.

— Обопрись на мя, — предложил он.

Ее соски заныли. Напряжение иного рода начало охватывать тело. Онория подняла глаза и посмотрела в окно, увидев в отражении обсидиановый взгляд Блейда.

— Уже все? — спросила она.

Его ресницы защекотали ее щеку, когда он языком обвел соблазнительный изгиб ее ушка.

— Ага.

Онория ощутила горечь потери и разочарования, но кивнула. Глаза снова защипало, но она зажмурилась, пытаясь сдержаться:

— С Чарли все нормально? Он хочет меня видеть?

Блейд замешкался, а потом прижался губами к ее горлу:

— Нет.

«Нет». Онория сжала его пальцы на своем животе.

— Он не злится на тебя, милашка, а боится, что может натворить. Нужно время, чтоб он позволил се крутиться рядом с вами. И я не хочу его торопить. Мысль о тебе с Леной не даст ему кого-то укокошить.

— Мне так жаль.

— Что?

— Что не пришла к тебе раньше.

Блейд снова прижался губами к ее шее и прошептал:

— Ага. Но я понимаю, что ты так сделала. Фигня. Все живы, а парнишка поправится.

Онория повернулась и, прижавшись спиной к умывальнику, посмотрела на господина. Как же хочется, чтобы он ее понял!

— Всю свою жизнь я провела в Эшелоне. Видела, как они обращаются с трэями и с слугами. А когда жила под крышей Викерса... это ужас. Он был мной одержим, возможно, потому что понимал, насколько я его презираю.

Блейд погладил ее по щеке тыльной стороной ладони:

— Ага, эт ево заводит. Прогнил до мозга костей.

— Викерс и прежде охотился за мной как за добычей. Я боялась идти куда-то в одиночку. На публике он никогда ничего не делал и не говорил, но наедине... прижимал меня к стене и шептал на ухо, что со мной сотворит. Я не осмелилась признаться отцу. Когда мы наконец сбежали, я думала, что с прошлым покончено. Пока ты не послал за мной тем вечером.

— Ты гадала, не окажусь ли и я такой же тварью.

— Я только это и видела от голубокровных. А с твоей репутацией... Тебя в городе ненавидят, Блейд. Ты — страшилка для детей и взрослых.

Он шагнул к Онории, коснувшись ногами юбок:

— А ты? Че я для тебя?

Она беспомощно посмотрела ему в лицо. Блейд оперся руками об умывальник по обе стороны от ее бедер.

— Я не знаю, — прошептала она. — Я все еще пытаюсь разобраться в своих чувствах. — Онория увидела выражение его лица и схватила за рукав, когда Блейд отступил. — Хочешь начистоту? Извини, но именно так я себя сейчас и чувствую. Я в замешательстве. Сперва заболел Чарли, потом я потеряла работу, а потом... появился ты. И оказался не таким, как я себе представляла.

Блейду ответ явно не понравился. Онория сильнее стиснула его рукав — единственное, что не давало ему отойти.

— Одно я знаю точно... — Онория сглотнула, играя с отворотом его рубашки. — Мне бы хотелось снова тебя поцеловать, — прошептала она едва слышно, ощущая, как накалился воздух между ними.

Блейд взглянул на нее:

— Кто ж тебе мешает?

Она обидела его своим признанием. Медленно погладив край рукава, Онория потянулась ближе. Прижала обе ладони к груди Блейда и коснулась его губ своими.

Он замер, вытянув руки по швам и стиснув кулаки. Онория провела языком по его сомкнутым губам, пробуя так, как он смаковал ее прежде. Блейд не сопротивлялся ей, но и не помогал. Она отступила. Ресницы Блейда затрепетали, и он посмотрел Онории в глаза. Его радужки были чернее преисподней и в два раза жарче геенны огненной. В глазах

господину Онория увидела все, о чем он молчал. Ее сердце сильно забило в груди, и на этот раз она сама чуть не отшатнулась.

Блейд обхватил руками ее лицо, поглаживая пальцами щеки. Он зачарованно следил за процессом, будто замороженный шелком ее кожи, и наконец хрипло признался:

— Не могу с тобой сдерживаться.

Сдавленный стон вырвался из его горла. Руки Блейда дрожали, будто он цеплялся за остатки самообладания. Онория прижалась ближе, потерлась чувствительной грудью о его торс и втянула в рот нижнюю губу господина.

— Черт ты дери! — выругался он, обхватил ее лицо ладонями и завладел губами в обжигающем поцелуе.

Туман опустился на лондонские дымоходы, как тяжелая юбка, окрасив мир в мрачные тона и принеся с собой давящую тишину. Тоненький месяц напоминал улыбку голубокровного. Лена открыла окно и вылезла на край крыши — ее тайное убежище, единственное место в их тесном жилище, куда можно пойти и не наткнуться на кого-то еще.

Откуда-то сверху донесся шепот, и Лена застыла. Волосы на затылке встали дыбом. Она медленно оглянулась через плечо.

На другой крыше повыше на коленях стоял настоящий великан. Лохматые волосы длиной до воротника, глаза в лунном свете сияют янтарем. Подбородок покрыт темной жесткой щетиной, подчеркивающей острые скулы. Не красавчик, на вкус Лены, однако при взгляде на него она покраснела. Такой большой, крепко сбитый, весь из тяжелых мускулов и толстых жил. Рубашка почти не скрывала здоровую трапецевидную мышцу и мощные бицепсы. У горла блеснуло что-то серебряное, не то зуб, не то коготь. Вервильфен.

Очнувшись от созерцания, Лена прикинула расстояние до подоконника. Сердце билось так же быстро, как тикал завод в механическом солдатике, что она собрала для Чарли.

— Не успеешь, — произнес вервильфен и, спрыгнув с края шифера, приземлился примерно в метре от нее, выпрямился и прищурился. — Если те от меня не сбежать, то от него подавно. Ты че рехнулась, раз вылезла сюда, када эта тварь тут шастает? Или жить надоело?

Лена задохнулась от возмущения. Да как он смеет? Но не успела открыть рот, как до нее дошло.

— Тварь? Что за тварь?

«Два тела на улице». По спине побежали мурашки, опускаясь все ниже, и Лена осмотрелась, будто почувствовала на себе чей-то взгляд из теней.

Незнакомец нагло разглядывал ее, как будто и понятия не имел о приличиях:

— Ты не знала. Эта чертова идиотка те не рассказала.

Похоже, он об Онории. Лена разозлилась. Пусть они с сестрой не всегда ладят, но никому не позволено чернить Онорию.

— Если она промолчала — значит, так надо. У нас обеих хватало проблем в последние дни. — Лена сделала шаг вперед и пронзила нахала сердитым взглядом. — А ты о какой твари толкуешь, волчонок? Той, что убила тех двоих бедняг?

Он напрягся:

— Я те не волчонок, а Уилл. И я про вампира.

Лена застыла, забыв о язвительности:

— Вампир? Невозможно.

— Еще как возможно. Прошлой ночью чуть не разодрал мя пополам, — сухо ответил Уилл.

— Н... наверное, незарегистрированный голубокровный.

Но как? Эшелон строго следил за обращенными.

Вервильфен оперся ладонью о стену. Свободный рукав рубашки скользнул с сильной мускулистой руки. На мгновение отвлекшись на его бронзовую кожу, Лена покраснела. Неотесанный мужлан в расстегнутой грязной рубашке и с растрепанными волосами. Лена выросла в ярком, красочном Эшелоне, где мужчины делали маникюр, а сапоги начищали до

блеска. Привыкла к бледной коже и накладным плечам, а не к дикой мужественной красоте и невозможно мускулистому телу. Парень сошел бы за здоровяка с фермы или викинга в изгнании.

— Не высовывайся, пока ево не поймают, — приказал Уилл.

Лена огляделась: вдалеке еще двое охранников наблюдали за трусобами.

— Но ведь меня защищают такие brave парни, — поддразнила она с озорной улыбкой. Почему бы не пофлиртовать чуть-чуть? — Что со мной может случиться?

— Я могу свернуть те шею, — почти про себя пробормотал Уилл.

— Уверена, это не единственное место, которого ты хотел бы коснуться. — Лена улыбнулась шире, проплыла мимо и ухмыльнулась, заметив мрачность собеседника. Уиллу это не понравилось. — Я не прочь прогуляться немного. Не мог бы ты отойти вон туда... — Она сморщила носик, будто почуяла неприятный запах. — Можешь охранять, а я подышу свежим воздухом.

— Эт не я... — Вервильфен едва успел повернуть голову, как что-то бледное молниеносно вылетело из теней и отбросило его в стену.

Лена закашлялась от жуткой вони, пытаясь понять, что произошло. Мелькнула чья-то рука — и на лицо брызнула теплая и соленая кровь. Лена в шоке коснулась капель и вскрикнула. Уилл завопил, и только тут она заметила, что незнакомец — бледная лысая тварь — вонзил зубы в горло вервильфена и по локоть сунул руку в его живот.

— Блейд! — заорал какой-то ирландец, прыгая по крышам с пистолетом в руке. — Блейд!

Уилл повернулся и с большим трудом бросил тварь на стену. Вампир оттолкнул его ногами. У вервильфена подогнулись колени, и он упал, будто лишившись сил. Лена прижалась к стене, в состоянии лишь смотреть и кричать, пока противники катились к краю крыши, заливая все кровью. Вампир рвал крепкого соперника, будто Уилл был обычным человеком, а не сверхъестественно сильным созданием.

Уилл, стиснув зубы от боли, каким-то образом исхитрился схватить чудовище за горло. Кровь капала с губ вервильфена, но он посмотрел Лене в глаза.

— Беги, — прошептал Уилл, удерживая вампира, чтобы она могла ускользнуть.

Лене не раз повторяли, что она трусиха. Но не забывали добавить, что иногда по глупости она вдруг набиралась смелости. Возможно, подобное случилось и сейчас, потому что Лена кинулась на чудовище, раздирая его лицо ногтями — напрасно. Одним пальцем она надавила на что-то мягкое, и тварь оглушительно взвизгнула.

Вампир инстинктивно выгнулся и ударил Лену в грудь. Нападавшая сделала шаг назад — и поняла, что опоры под ногами нет. Размахивая руками, она снова вскрикнула и в панике попыталась ухватиться за что угодно — да хоть за вампира, только бы не упасть.

На мгновение она вцепилась в его грязные плечи, глядя в слепые, покрытые пленкой глаза. Кажется, он хотел ее схватить — рванул когтями хлопковые юбки. Но тут Лена полетела вниз, увлекая вампира за собой.

* * *

Раздался крик.

В квартире Блейд отскочил от Онории и склонил голову на бок, словно к чему-то

прислушиваясь.

— Блейд? — спросила Онор, облизывая губы и пытаясь удержаться на ногах. Колени подкашивались. Останься они с господином наедине, она точно сделала бы что-то безрассудное.

Он раздул ноздри и жестом остановил ее:

— Жди здесь.

— Что происходит?

Он пристально посмотрел на нее:

— Стой тут. И найди пистолет. Чую вампира.

У Онории кровь застыла в жилах. Блейд двинулся на выход, но она вцепилась в него, чувствуя, как от страха по спине бегут мурашки.

— Будь осторожен.

Онор сжала лицо голубокровного в ладонях и поцеловала коротко, но страстно, пытаясь передать все то, что не успела сказать.

Блейд отступил и кивнул:

— Мне пора.

И был таков.

Бросившись в спальню, Онория поспешно зарядила пистолет дрожащими руками. Она уже видела, как Блейд дрался с вампиром. Чудище было быстрее и сильнее господина.

— Черт побери! — выругалась она, уронив одну из пуль.

Та закатилась под кровать, пришлось лезть следом. Сунув пулю в барабан, Онория щелкнула затвором и побежала к окну. Створка была приоткрыта, и прохладный ветерок шевелил занавески.

Снаружи Уилл лежал на покатой крыше у окна и пытался сесть. Черные пятна усеивали его рубашку и штаны, а сам вервильфен пытался затолкать что-то обратно в живот. Шея бедняги была в ужасном состоянии. Поодаль Блейд схватился с вампиром, пытаясь оторвать его от жертвы. Чудовище вгрызлось в горло несчастного. Еще один мужчина лежал рядом. Для него уже было слишком поздно.

По крайней мере, Чарли в безопасности в постели. А Лена... Где, черт побери, Лена? Онория побледнела и окинула взглядом полуоткрытое окно. Сестре всегда нравилось сидеть на крыше.

Подняв оконное стекло, Онория перекинула ногу через раму. Уилл сумел сесть и тяжело дышал, прижимая руки к животу.

Он посмотрел ей в глаза и оскалился:

— Не надо.

Онория присела рядом с ним, чувствуя, как скользят подошвы туфель по черепице:

— Где Лена?

Взмокший от пота Уилл кивнул куда-то вниз. Он задрожал, и Онория, прижав руку к его щеке, почувствовала, что у вервильфена жар.

— Уилл, с тобой все будет в порядке? — спросила она.

Столько крови. А хуже того... его внутренности блестели в бледном лунном свете. Онория нервно поискала взглядом Лену, но не могла просто оставить тут раненого.

— Иди, я выживу. — Уилл мрачно улыбнулся ей, обнажив заляпанные кровью зубы. — Бывало и похуже.

Онория передала вервильфену свою шаль и помогла перевязать живот:

— Держи крепко, я скоро вернусь.

Затем посмотрела вниз. Другая крыша была более покатой и доходила почти до стены. Дома здесь жались вплотную друг к другу, словно люди, ищущие тепла в холодную ночь. На краю крыши съжившись лежала Лена с покрытым кровью бледным лицом и запястьем, согнутым под странным углом.

— Лена! — прошипела Онория, поглядывая на вампира.

Блейд отбросил его, но слишком поздно для жертвы. Это оказался кудрявый ирландец О'Шей. Ему разорвали горло так, что кость блестела, словно зуб среди искаленной плоти.

Блейд обошел кругом вампира и мрачно зыркнул на Онорию, а потом снова обратил все внимание на чудовище, которое бродило по крыше на четвереньках, тихонько рыча. Из бока господина капала кровь.

Пистолет словно потяжелел в руке. Онория, сползла с края и повисла, пытаясь приземлиться как можно осторожней, но рухнула с громким стуком и перекатилась на спину. Пистолет заскользил по черепице и остановился несколькими метрами дальше.

Тварь в ярости завопила, да так пронзительно, что барабанные перепонки заболели. Блейд вскрикнул и сжал руками уши, уронив нож. Вампир воспользовался ситуацией и напал на него.

— Нет! — закричала Онория.

Соперники дрались не на жизнь, а на смерть, окропляя все вокруг кровавыми брызгами.

Онор поползла за пистолетом, но остановилась, увидев, что вампир кинулся к Лене. «Мне ни за что не добраться до оружия вовремя».

— Нет!

Каким-то образом Онория ухитрилась схватить чудовище за лодыжку, когда оно прыгало мимо. Вампир развернулся, как тень, и оцарапал когтями ее руку, вызвав жгучую боль. Онория вскрикнула, а тварь остановилась и зашипела ей в лицо. Бедняжка не двигалась, парализованная страхом, и смотрела в слепые глаза.

Вампирское дыхание отдавало медным запахом крови. Позабыв о Лене, тварь прыгнула к Онории и потянулась к ней, будто хотела дотронуться до лица.

Онория не сводила глаз с приближающейся искривленной руки. Боже, что вампир делает? Неужели тоже вырвет ей горло? От ужаса у нее скрутило желудок. Легкие сжались. Она дышала неглубоко, резко и болезненно.

— Лена, — прошептала Онория, пытаясь не привлекать внимания вампира. — Лена, уходи.

— А как же ты?

— Я... — Тварь остановилась перед ней, и Онория ощутила первое прикосновение когтя к щеке. Вампир был странно нежен, и она содрогнулась: — Я справлюсь.

— Не дергайся, он реагирует на движение, — предупредил Блейд.

За плечом вампира Онория заметила мелькнувшую в лунном свете тень. Блейд. На мгновение она оторвала взгляд от твари и увидела, как господин с угрюмым выражением лица подбирается по крыше к ее пистолету. Блейд посмотрел на Онорию. Страх сковал ее позвоночник.

Вампир обхватил лицо пленницы рукой, царапая когтями мягкую кожу подбородка. Онория сглотнула. Монстр наклонился вплотную, пока ей не пришлось посмотреть прямо на него.

Четкий неровный шрам пересекал его горло. Вблизи были видны шелушащиеся чешуйки

на щеках и белые ресницы. Глаза, затянутые пленкой. Тварь наклонилась еще ближе, и Онория буквально почувствовала ее дыхание на языке.

Чудище открыло рот, блеснули ужасные, острые как иглы зубы, где превалировали клыки. Из горла Онории рвался крик. Вампир зашевелил челюстями и зашипел сквозь зубы. Онория смотрела на него с колотящимся сердцем. Пытаясь осмыслить происходящее, она нахмурилась так, что между бровями залегла складка.

— Не дергайся. Я почти добыл пистолет, — взволнованно прошептал Блейд.

Онория почти его не слышала, а смотрела только на неловко шевелящийся рот вампира.

— Есть. Не двигайся, Онор.

Из-за стука сердца она едва слышала Блейда, но как-то сумела поднять руку.

— погоди, — прошептала, зная, что смертельно рискует. Однако ей показалось, что существо шевелило губами, и Онор почти разобрала слова. Вампир пытался с ней поговорить.

— Онор, — раздраженно рыкнул Блейд.

— Если бы он хотел меня убить, то уже бы это сделал.

Вампир оскалился и через плечо огрызнулся на Блейда. Господин прицелился, но чудовище находилось прямо между ним и Онорией. Если Блейд промахнется, то попадет в нее. На его лице промелькнула досада, и он отошел в сторону, пытаясь отвлечь вампира. Напрасно. Тварь повторила его маневр. Блейд большим пальцем взвел курок.

Вампир в последний раз рыкнул и убежал, тенью проносясь по крышам. Тварь исчезла в туннеле, ведущем в Нижний город. Онория ошеломленно смотрела ему вслед. Если она правильно поняла... Очнувшись, Онор осознала, что ее руки дрожат. Мысли завертелись в голове, словно в водовороте.

— Ты че, спятила?! — заорал Блейд, хватая ее за руки и тряся. В его глазах светилась паника, но они не превратились в демонические черные омуты голода. Он выглядел обычным человеком, снедаемым яростью и досадой, а сильнее всего — страхом. — Он мог ты прикончить.

— Не думаю, что он собирался меня убить, — выпалил она.

— Они не думают, Онор. Их ведет постоянный сводящий с ума голод. И помышлять они могут тока о крови.

Онория открыла рот, увидела выражение лица Блейда и снова закрыла. Ему не хотелось слышать ее объяснения. Сжав лицо упрямыцы и бормоча что-то под нос, он погладил ее щеки.

— Черт побери! — проворчал Блейд и поцеловал Онор с почти дикой страстью. Не похоть, не голод, а страх столкнул их вместе.

Онория зарылась пальцами в волосы Блейда и обняла его. После всего, что произошло, после того, как вампир рвал его над телом О'Шея ...

Она отстранилась, прерывая объятия, и распахнула пальто господина:

— У тебя текла кровь. Ты в порядке?

Он схватил ее за руки и странно промурлыкал:

— Чуть покровсали, заживет. Как ты? Он тя не задел?

— Нет. Он... не пытался меня ранить.

Блейд помрачнел:

— Ага, просто поболтать с тобой хотел. Эта тварь разорвала О'Шея, будто тряпку.

Но вампир и правда пытался с ней говорить. Онория молча повернулась туда, где у

стены, баюкая запястье, плакала Лена. Нужно будет подумать об этом потом, в одиночестве.

— Уилл сильно ранен.

Блейд глубоко вздохнул:

— Ага.

Затем подпрыгнул, схватился за край крыши и подтянулся.

Встав на колени рядом с Леной, чтобы осмотреть ее раны, Онория вспомнила лицо вампира. Оно будет являться ей в ночных кошмарах. Чудовище беззвучно пыталось выговорить одну фразу, хотя больше и не могло ее произнести. «Прошу, помоги мне».

Блейд опустился на колени у тела О'Шея, чувствуя, как щиплет глаза, но сдержался. Никаких слез. Никаких долбанных слез.

Когда они взялись охотиться на вампира, господин понимал, чем все может закончиться, поэтому всегда старался заслонить собой О'Шея, Дровосека и Рипа. Они были обычными людьми. Блейду и Уилла не хотелось подвергать опасности, но тот по крайней мере вервульфен, способный оправиться почти от любой раны, а в одиночку вампира точно не одолеть.

Неподалеку раздался свист: кто-то вздохнул через разодранное горло. Блейд встрепенулся и уставился на растущую лужу крови под Рипом. Как можно бережнее уложив голову ирландца на землю, он на четвереньках кинулся к еще живому другу.

— Рип? — Господин дотронулся до шеи раненого. Снова раздался тихий булькающий звук, а под пальцами Блейд ощутил биение пульса, слабое, но тем не менее явственное. — Боже.

Блейд осторожно перевернул Рипа на спину: живот бедняги был вспорот, горло — перерезано, но вампир не задел сонную артерию. Чудо. Чертово чудо! И только Блейд воспрял духом, как оценил истинный масштаб повреждений: рана в живот смертельна. Человек такую точно не переживет.

— Дерьмо! — Зрение застили слезы. Рип жил подле него дольше всех. Ларк будет безутешна, а Эсме... Господин сжал пальто помощника. Она уже похоронила одного мужа.

Глаза Рипа округлились от боли и паники. Он схватил Блейда за рукав, а на губах запузырилась кровь.

Господина настолько поглотило горе, что он не услышал тихих шагов по крыше, пока Онория не положила ему руку на плечо и не прошептала:

— О, Блейд, мне очень жаль.

Он резко кивнул, но не сумел выговорить ни слова. От вины в горле встал ком. Слишком долго он возился с Чарли, и если бы вышел пораньше, то оказался бы на месте, когда вампир напал. У двух людей не было шансов одолеть чудовище, когда то вывело из строя Уилла.

Онория опустилась рядом с Рипом и уложила его голову себе на колени, будто на подушку. Глаза раненого закатились. Он попытался посмотреть, кто же его держит, а затем на губах снова появились кровавые пузырьки. Однако дышать стал чуть легче. Ему оставалось уже недолго.

— Ты ничего не можешь сделать? — спросила Онор.

Блейд уставился на оголенные внутренние органы:

— Моей кровью можно исцелить рану, но не такую. Рип захлебнется.

Она погладила обритую голову бедняги:

— Значит, он умрет из-за ран в легких?

Блейд кивнул.

После продолжительного молчания, Онория снова спросила:

— А ты... мог бы сделать с ним то же, что и с Чарли?

Блейд посмотрел на нее. Надежды мало, подобное просто неслыханно, но Эсме... Если есть хоть крошечный шанс, то стоило им воспользоваться.

— Никада не обращал умирающего.

Онория накрыла его ладонь своей, словно забирая ужасный холод, казалось, переполнявший Блейда.

— Чем старше голубокровный, тем сильнее вирус. — Она положила вторую руку Рипу на лоб. — Может сработать. Все прочие твои способности превосходят стандартные параметры.

Блейд снова посмотрел на друга. Рип взглянул ему в глаза.

— Мы дадим те мою кровь, — пояснил господин, сжимая металлическую руку здоровяка. Рип, вероятно, не почувствовал, но господину нужно было за что-то держаться. — Мож, вирус продлит твою жизнь и успеет залатать раны.

Он сплотнул ком в горле, ведь знал, как относился Рип к голубокровным: как-то Блейд предложил ему обратиться, но тот яростно отказался.

— Если не хошь этого, моргни, а ежели согласен — сожми мои пальцы. — До того, как раненый успел ответить, Блейд наклонился и стиснул руку Рипа в своих. — Но учти, ежель помрешь, Эсме будет безутешна. — Нечестный прием, но оно того стоит, если друг выберет жизнь.

Рип застыл. Судя по глазам, он обдумал предложение, а затем медленно сжал пальцы господина.

Блейда охватило облегчение, а потом ужасное отчаяние: то, что он собирался сделать, — последнее средство спасти жизнь. По законам Эшелона запрещалось инфицировать больных и раненых. Раз организм ослаб, вирус завладеет им быстрее, чем здоровым. Бедняге будет тяжелее справиться с жаждой крови. Если обращение пройдет успешно, придется следить за Рипом в оба. Если...

— Держи ево голову. Главно — не давай ему дергаться, — наказал Блейд Онории.

Затем достал один из своих клинков и резанул себя вдоль запястья.

* * *

Блейд решил, что семье Тодд небезопасно оставаться в их доме на ночь, пока вампир на свободе и его почему-то к ним влечет. К тому же Онория не могла держаться в стороне. Взгляд Блейда был пустым. Ей хотелось погладить его по щеке, прижаться губами ко лбу. Все, что угодно, только бы унять его боль. Но когда она попыталась взять упрянца за руку, он огрызнулся и высвободился. Онор уверила себя, что он просто поглощен своими заботами.

Запястье Лены распухло, но кость уцелела, а Чарли уже клевал носом. Уилл держался на ногах одной силой воли. Под глазами у него залегли синяки, и он едва не спал на ходу. Волчий вирус заживил рану на его животе и пытался залатать остальные. Безумно сильные в бою, раненые вервильфены становились уязвимыми, потому что в процессе исцеления теряли сознание.

Бледная и встревоженная Лена держалась рядом с Уиллом. Для нее сегодняшней день стал настоящим потрясением. Онория еще не успела расспросить сестру о произошедшем, а Уилл процедил что-то о «чертовой дуре», которая ринулась на напавшего на него вампира. Онория гордилась сестрой, но одновременно хотела вбить в ее голову немного здравого смысла. О чем Лена только думала?

Блейд осторожно нес Рипа, пошатываясь от усталости. Он сегодня потерял слишком

много крови, поделившись с Чарли и другом и исцеляясь от раны на боку, нанесенной когтями вампира. Онория приглядывала за Блейдом. Сейчас они представляли собой небольшую процессию усталых и потрепанных в бою страдальцев.

Показалось логово. В окнах верхнего этажа гостеприимно горели свечи. Без сомнения, Эсме пыталась создать домашнюю обстановку для своих мужчин.

Онория проскользнула мимо Блейда и открыла дверь.

— Пасиб, — прошептал он, занося Рипа в логово. То, что поджарый Блейд тащил взрослого мужчину — да еще и такого огромного, — будто малого ребенка, смотрелось нелепо.

Они дошли почти до лестницы, когда сверху спустилась Эсме со свечой в руке и нежной улыбкой на губах.

— Онория, — приветливо поздоровалась она и тут заметила кровь на юбках гостыи. — Что случилось? Что...

И тут Эсме заметила Блейда и поняла, кого он держит на руках. Другая на ее месте закричала бы или ахнула, но экономка лишь побледнела как полотно и оперлась на стену, прошептав:

— Джон.

— Мне пришлось напоить его своей кровью, — мрачно пояснил Блейд. — Он еще дышит, но я ничо не обещаю.

Эсме кивнула и скользнула рукой по стене, будто не могла устоять на ногах. Онория взбежала по лестнице и поддержала экономку.

— Простите. Не знаю, что на меня нашло, — бессознательно прошептала Эсме, неверяще глядя на Рипа.

Если у Онории еще оставались вопросы об истинной природе отношений Эсме и Блейда, то сейчас они отпали. «Вот оно что». Онория нерешительно посмотрела на зловещего на вид гиганта.

— Эсме, ему нать крови, — сказал Блейд.

— Ага, — прошептала та. — Несите его ко мне в комнату.

— Уверена? Ты не так давно мя подкармливала.

Экономка решительно посмотрела на него:

— Я достаточно сильна, а ты, в случае чего, с ним справишься.

Они пошли по лестнице вверх. Блейд внес Рипа в спальню, уложил на постель и на мгновение оперся коленями о край и прижал руку к боку, тяжело дыша.

Онория коснулась поясницы Блейда и, когда привлекла его внимание, вопросительно подняла брови.

Он поджал губы:

— Я в порядке, тока дай продышаться.

Эсме взбила подушки. Рваная рана на горле Рипа почти закрылась благодаря небольшой дозе крови Блейда. Какой же у него уровень вируса? Наверное, около семидесяти-восьмидесяти процентов, если рана так быстро затянулась. Тревожно, потому что Блейд, похоже, на грани Увядания.

Эсме присела на постель и начала расстегивать воротник. Рип так внимательно за ней наблюдал, что Онории показалось, будто она вмешивается во что-то личное. Из горла раненого вырвался полузадушенный стон.

— Нет, не ее, — выдавил Рип.

Он собрался оттолкнуть Эсме, но Блейд поймал его руку, уложив обратно на постель. Железные пальцы сжали ладонь господина, и тот пожал в ответ, стиснув зубы:

— Ты сам на эт подписался. Больше никого нет, если, канешн, не хошь отведать Ларк.

Рип в панике искал выход и качал головой.

Эсме взяла дело в свои руки: оседлала бедра Рипа и склонилась над ним. В расстегнутом воротнике виднелась ее стройная шея с тонкими серебристыми шрамами.

— Джон Дулен. — Она решительно обхватила его лицо ладонями. — Моя кровь такая же, как любая другая. Пей, черт тебя побери, или я надеру тебе уши. Поправишься — тогда и выбирай себе трэлей.

Рип посмотрел в лицо Эсме, и его глаза загорелись. Он сжал губы, вдруг схватился правой рукой за ее юбки и дернул на себя. Эсме вскрикнула, но Блейд вовремя перехватил Рипа, уложил обратно на постель и прошептал:

— Спокойно, парень. Я те помогу, но будь понежнее. Ты ж не хошь ее напугать?

Онория краем глаза заметила движение, повернулась и увидела Уилла. Его золотые глаза горели, а ноздри раздувались от непонятных чувств. Ему следовало быть в постели, но он сумел приковылять сюда.

Уилл посмотрел Онории в глаза, а потом повернулся и ушел. Она услышала позади шумный вздох Эсме и шепот Блейда:

— Вот так, здоровяк, осторожно.

Они успешно справлялись с Рипом, ее помощь не понадобится. Онория вышла и с удивлением обнаружила в коридоре Чарли. В спешке она налетела на брата, но тот в ужасе отшатнулся, будто боялся коснуться ее.

— Где Лена? — спросила Онория, борясь с потребностью обнять его.

— Ушла с Ларк на кухню, чтобы вскипятить воду и принести бинты, — пробубнил Чарли, глядя в пол.

Онория отступила на шаг, давая брату столь желанное пространство, хотя сердце заболело, словно пронзенное копьем. Ей никогда не забыть выражение его глаз, когда он признался Блейду, как мечтал выпить их крови. Чарли просто нужно время. Онория взмолилась, чтобы так оно и оказалось на самом деле.

— Хочешь, найду тебе место поспать...

Чарли прижался спиной к стене:

— Нет, все в порядке. Я подожду здесь, на случай, если понадобится им.

И снова по сердцу словно ножом полоснули. Чарли боялся оставаться с ней наедине.

— Я вернусь, только пойду посмотрю, как там Уилл, — тихо сказала Онория.

И отправилась в комнату вервильфена в глубине дома. Дверь была закрыта, но из-под нее лился свет. Онор постучала и прижала ухо к крепкой двери.

— Убирайся, — прорычал Уилл.

— У тебя все еще идет кровь. Можно я посмотрю рану? Я ухаживала за больными.

— Нет.

— Можно войти? — Не дожидаясь ответа, Онория просто открыла дверь.

Комната Уилла оказалась меньше, чем она ожидала. Онория осмотрелась, удивляясь необычной обстановке.

Узкая кровать с тонким лоскутным одеялом и потертыми простынями скорее подходила для ребенка. На грубых полках стояли десятки детских книжек, все с потрепанными корешками и явно зачитанные чуть не до дыр. На маленьком столе стояло несколько

отполированных ящичков из красного дерева. В них лежали перья и камешки, а также черная прядь, аккуратно перевязанная розовой шелковой ленточкой. Волосы Эсме.

Уилл зарычал и захлопнул ящик с прядью. Он стоял без рубашки, всем своим видом выражая неудовольствие. Судя по бинтам на кровати, понятно, чем раненый собирался заняться.

— Рану надо промыть до того, как бинтовать, — напомнила Онория.

Уилл нахмурился и слегка прихрамывая пошел к кровати. Мускулы перекатывались на его широкой спине.

— Я никуда не уйду, — предупредила Онор.

— Само заживет, без тебя.

— Пусть ты не хочешь помощи, однако она тебе не повредит. — Она нерешительно шагнула вперед.

Уилл был таким большим и грубым. «Если кинется, пожалуй, мне его не остановить». Однако Блейд занят, а об Уилле надо позаботиться.

Вервильфен не обращал на гостью внимания, вытирая мокрой льняной тряпкой покрытый кровью живот. Ткань выглядела относительно чистой, но Онория поджала губы, посмотрела в миску с водой и осторожно приблизилась еще на шаг.

— Я тебе не нравлюсь. И раз уж я не припомню, чем могла тебя обидеть, предполагаю, что ты против моих отношений с Блейдом.

Вервильфен опять не удостоил ее ответом, но склонил голову, будто прислушиваясь. Кровь капала в миску, окрашивая воду в ярко-красный. Онория думала, что рана уже затянулась, но та закрылась не до конца и зияла прорехами, будто плохо подшитый подол.

Уилл дрожащими пальцами продолжал очищать ее.

— Позволь мне, пожалуйста, — попросила Онор, накрыв ладонью его руку.

Уилл предупреждающе зарычал.

Онория положила руку на его поясницу и подтолкнула упрянца к крепкому креслу-качалке у окна:

— Да, да, знаю, тебе это не нравится, но давай притворимся на мгновение, что никто из нас не считает другого грубым, угрюмым или неприятным.

Именно в эту секунду его ноги подогнулись, и Уилл уставился на Онорию, раздувая ноздри от боли.

Она взяла миску с водой, с удивлением осознав, что та еще горячая. Значит, ее все же кипятили. Опустившись на колени у ног вервильфена, Онория выжала тряпку:

— Тебе нужно наложить швы или рана затянется естественно? Вернее, сверхъестественно.

— Исцелюсь.

Онория закатила глаза:

— Ну правда, неужели так трудно быть вежливым?

Уилл посмотрел ей в глаза:

— Ты мне не по нраву, потому что плохо на него влияешь.

— Блейд, похоже, думает иначе.

— Ага, када мужика ведут за одно место, он паршиво соображает.

Онория осторожно ощупала рану.

— Я не совсем понимаю, что ты сказал, но подозреваю, не комплимент. — Она молча очищала рану, а потом села, бросила тряпку в миску с водой и взяла чистые льняные

повязки. — Я не причиню ему боли. Никогда. Он был ко мне невероятно добр.

— Ты не из нашего круга. — Уилл презрительно покосился на ее рабочее платье. — Сколько пройдет времени, прежде чем ты вернешься обратно в свой?

Онория обернула тканью его талию, жестом приказав «пациенту» сесть ровно:

— Ты путаешь меня с теми, кому нравятся роскошные шелка и красивые паровые экипажи Эшелона. Это по душе Лене, а не мне. И так всегда было. Придется тебе смириться с моим присутствием, ведь я никуда не собираюсь.

Стоило словам сорваться с губ, как Онория поняла, что не солгала. У нее никогда не было дома: о владениях Кейна она почти ничего не помнила, а жизнь в замке Ланнистера походила на кошмарный сон. Потрепанная и почти не обжитая квартирка стала ее первым настоящим пристанищем. И Онорию тошнило при мысли о том, чтобы покинуть Блейда.

Трущобы — коварное место, и господин рисковал собственной жизнью, встав между своими людьми и опасностью. Голубокровные не бессмертны. Онор и подумать не могла о том, чтобы оставить Блейда и никогда больше не узнать, жив он вообще или мертв. Никогда больше не обнять его, не поцеловать.

Она моргнула и поняла, что застыла в раздумьях, и под недружелюбным взглядом Уилла наклонилась, оборачивая вокруг его талии новый слой бинтов.

— Блейд принадлежит мне, грубиян, — сказала Онория и надежно завязала ткань. Как интересно, ведь она говорит чистую правду. — И тебе просто придется с этим смириться. А теперь, тебе что-то принести?

— Сырое мясо из кладовой, — угрюмо буркнул Уилл.

В логове стояла гулкая тишина. Отправив Лену и Чарли спать, Онория бродила, не зная, куда податься. Эсме охраняла Рипа, а вот Блейда нигде не было видно.

Гостья поднялась по ступенькам к его покоям и ощутила, как по спине побежали мурашки. В доме хватало свободных постелей, но Онор не собиралась ложиться, пока не убедится, что господин в порядке. Его суровое лицо окаменело от горя, и пусть он спокойно помог Рипу во время первого кормления, плечи выдавали сковывавшее его напряжение.

Просто страшно, как много она стала о нем думать. Каждая мысль и действие были связаны с Блейдом. Едва заходя в комнату, Онория искала его и, если не находила, теряла весь интерес к происходящему. Беспокойство снедало ее, а сердце робко тянулось к Блейду. Раньше только Лена с Чарли тревожили Онор и требовали заботы, а теперь кто-то еще претендовал на ее чувства.

Голубокровный. Онория всегда презирала их, однако Блейд сумел открыть ей глаза и заставить сомневаться во всем, что твердил ее отец и она знала по собственному опыту. Это так сбивало с толку.

Возможно, Онор поспешила с ненавистью и обвинениями, и теперь ей было очень стыдно сознаться в своих предрассудках. Разве не она сама говорила: «Манипулирование — не симптом вируса?..»

В щель под дверью лился свет. Онория судорожно вздохнула и открыла ее:

— Блейд?

Молчание.

В спальне было темно, но из ванны струился свет. Онория прошла туда и остановилась на пороге. Комнату озаряло теплое сияние свечей. Обнаженный Блейд в одном только полотенце сидел на стуле у зеркала, положив голову на руки. Что-то сжалось в ее груди. Он даже не пошевелился, когда она вошла. У его ног стояла полупустая бутылка бладейна.

Онория робко шагнула вперед и только набрала воздуха, чтобы снова позвать господина...

— Те не стоило приходить.

Она от удивления открыла рот:

— Хотела узнать, не нужно ли тебе чего.

И затаила дыхание, встретившись со взглядом черных глаз в зеркале. Лицо Блейда ничего не выражало.

— А чо, кажется, будто мне шота нужно?

В горле Онории встал ком.

— Да.

Взгляд господина помрачнел.

— Убирайся.

— Нет.

Внезапно Блейд оказался прямо перед ней. От неожиданности Онория едва успела отступить, но он уже схватил ее за руку:

— Седня я не гожусь в собеседники.

Онория посмотрела на него. Пульс грохотал в ушах. Блейд давал ей шанс уйти, убежать до того... как между ними все изменится. Сейчас перед ней стоял не тот мужчина, кого она знала, а человек, который борется с собственными демонами. Раздавленный горем, беспомощностью и неудачей. Онории хотелось обнять его и крепко сжать, но, похоже, сегодня Блейд ей это не позволит. В его глазах горело обжигающее пламя.

Заметив нерешительность гостя, Блейд опустил взгляд на ее грудь. Его дыхание чуть участилось.

— В последний раз предупреждаю, черт ты дери!

Онория сжала кулаки. Сама мысль о близости лишала ее способности дышать. Однако она нашла в себе силы открыть рот:

— Я никуда не уйду.

И к своему удивлению осознала, что так оно и есть. Онор хотела этого мужчину, желала того, что произойдет между ними. От одной мысли об этом соски затвердели, а внизу живота и ниже, в тех местах, о которых она старалась слишком часто не задумываться, стало жарко и влажно.

Если Онория ожидала, что Блейд обрадуется ее ответу, то ошиблась. Господин резко повернулся и смахнул бритвенный набор с туалетного столика. Его зеркальце разбилось на миллион осколков, мыло уехало под ванну на когтистых лапах, а помазок медленно покатился и остановился рядом с бритвой. Блейд оперся на туалетный столик и опустил голову, словно пытался взять себя в руки. Его спина и плечи ходили ходуном от напряжения.

Это должно было напугать ее. Страсть Блейда была дикой и примитивной, а ярость — острой. Но он никогда ее не обидит. Онория знала это с уверенностью, которой прежде не испытывала.

Потому и шагнула к нему, хрустя осколками. Нервозность пропала.

— Я тебя не боюсь и знаю: ты никогда не причинишь мне боли. Так что если пытаешься заставить меня сбежать... значит, тебе не удалось.

Блейд поднял голову и встретился с ней взглядом в зеркале. Онория затаила дыхание, но не от страха. Меж ее бедер запульсировало желание.

— Я опасен, — процедил Блейд сквозь крепко сжатые зубы. Он впился ногтями в столик. — Черт ты дери, Онор, ты рехнулась? У мя руки по локоть в крови.

— Я тебе доверяю.

Онория коснулась его дрожащей спины. Она уже видела Блейда в таком состоянии, знала, как сильно он старался держать себя в руках. И его рассказ о сестре лишь укрепил решимость Онории. Этот мужчина знал цену поражению. Она доверяла ему больше, чем он самому себе.

Блейд вздрогнул и зажмурился, раздувая ноздри:

— Мне седня лучше одному.

— Я хочу быть с тобой.

Повисло молчание, не слышно было даже дыхания Блейда. Он поднял голову, и в блестящем зеркале отразился хищник.

— Ты мя видала тока в лучшей форме. — Блейду не нравилось, каким он сейчас предстал перед Онор. В его голосе слышалось презрение к самому себе: — Как ты можешь забыть, что я натворил?

Он говорил о своей сестре.

— Кто убивает человека — пистолет или тот, кто нажимает на курок? Надо ли винить пса, что подрал ребенка, или того, кто до этого бил, морил голодом и мучил животное? — Ее сердце сжалось при виде его лица. — Я помню, что ты сделал. Для меня, для Чарли, даже для Лены. Я не забуду подаренные перчатки, и как ты кормил меня, когда я едва не рыдала от голода. Не забуду о людях, о которых ты заботишься. — Ее глаза наполнились слезами. — Мне так жаль. Ты не можешь ее вернуть и в глубине души, вероятно, никогда себя не простишь. Но я вижу в тебе не человека, убившего сестру, а того, кто выбрался из канавы и управляет своей жизнью. Вижу мужчину, создавшего собственную семью, любящего и любимого. Того, кого мне хочется поцеловать. — Онория погладила его по спине. — Того... кому я хочу отдаться.

Блейд издал какой-то полустон, а затем прижал ее к столику спиной к зеркалу. Онория не успела возразить и остановить его. Он завладел ее губами грубо и властно, одновременно поднимая ей юбки.

Стеклянные бутылочки с ароматическими маслами полетели на пол. Блейд подхватил Онор под колени, раздвинул ей ноги и вжался туда, где ему было самое место. Их бедра терлись друг о друга.

Блейд обхватил ее лицо ладонями и принялся дрожащими пальцами нежно поглаживать щеки, не сводя взгляда с губ:

— Я хочу тя так сильно, как никогда ничо не хотел. Но боюсь причинить те боль.

Онория взяла господина за руку, опустила ее под юбки, прижала к горячей коже своего бедра и прошептала:

— Поэтому я и знаю, что ты не сделаешь мне больно. Блейд, займись со мной любовью и не останавливайся.

Другой рукой она обхватила его затылок и притянула господина к себе.

Эти слова разрушили остатки его самообладания. Он застонал и прижался лицом к ее шее. Прохладное дыхание обдало разгоряченную кожу Онории, по всему ее телу побежали мурашки.

Он стиснул ее бедро:

— Да будет так.

Блейд овладел ее губами в жестком поцелуе. Она чувствовала жажду господина и безрассудную страсть. Водоворот желания кружил Онорию. Вся дрожа, она положила ладони на грудь Блейда и стала поглаживать шелковистую кожу, ощущая под ней каменные мышцы. Обвела сосок, спустилась ниже по мускулистому животу. Онории все было в новинку. На ум приходило одно слово: «твердый». Ее полная противоположность.

Только его губы были мягкими. Блейд жадно ласкал ее язык своим, наплевав на вежливость и обходительность. Подхватив Онор под попку, терся так, что полотенце раздражало чувствительную кожу бедер. Его твердый член прижимался к влажной ткани ее панталон.

— О боже! — простонала Онория, хватая ртом воздух, и впиалась ногтями в его плечи.

Блейд обхватил затылок Онории и притянул ее ближе, усиливая трение. Она выгнулась и оперлась о столик. На пол полетела еще одна бутылочка одеколona. Блейд поддерживал любимую, зарывшись рукой в ее волосы и сжимая пряди в кулаке. Он заставил Онор запрокинуть голову, открывая нежную шею.

Горячо. Влажно. Он осторожно оцарапал ее горло зубами, напоминая, что балансирует на грани.

Онория сжала плечо господина. Она хотела ему довериться. Блейд осыпал страстными поцелуями ее ключицу, и искры страха превратились в сладкое покалывание в лоне. Онор выдохнула и расслабилась в его объятиях.

Блейд прижался к ее шее и провел языком по пульсирующей жилке, одновременно поглаживая хлопковое белье. Онория вздрогнула. Блейд едва касался ткани, но она так дразняще скользила по чувствительной коже...

Блейд нашел пальцем отверстие в панталонах. Сначала он легко гладил ее влажные складки, а потом начал ласкать сильнее. Онория трепетала. Она желала... жаждала... Это было слишком много и слишком мало одновременно.

— Откройся мне, Онор, раздвинь свои красивые бедра, — потребовал Блейд, прижимаясь теснее.

Поток холодного воздуха омыл ее ноги. Юбки были смяты и подняты до талии. «Выгляжу, наверное, как растрепанная девица, которую сейчас поимеют». Однако впервые Онор было плевать.

— Вот так, — выдохнул Блейд, кончиком пальца раздвинув чувствительные складки и поглаживая соблазнительную жемчужину между ними.

Онория открыла рот в беззвучном крике, обхватила господина за шею обеими руками и задвигала бедрами:

— О, боже... не останавливайся.

— Не буду. — Он нашел то самое место, от которого по ее телу словно расходились электрические разряды.

Онор уже почти ничего не соображала. Запрокинув голову, она закричала от удовольствия.

— Нравится? — прошептал Блейд, приспуская ее панталоны.

На мгновение он прекратил сладкую пытку, стянул с Онории белье, затем широко раздвинул ей ноги. Блейд страстно поцеловал любимую в губы и стал спускаться все ниже, осыпая ласками шею, покрасневшую кожу груди, которые успел высвободить из лифа платья, потом еще ниже, оставил влажный поцелуй на внутренней стороне бедра и... попробовал ее языком. Онория, перебиравшая пальцами его золотые, как монеты, волосы, изумленно уставилась на любовника.

В следующий раз он поцеловал ее прямо между ног. Мягкие черные завитки скрыли его губы, но Онория чувствовала прикосновение языка всем телом.

— Что ты делаешь? — вскрикнула она.

И едва не закатила глаза, когда господин потерся носом о чувствительную кожу. Невероятные ощущения. Онории было ужасно стыдно, но она не смогла бы остановить его, даже если бы захотела.

Блейд закинул ее ноги себе на плечи, опустился на колени и принялся ласкать языком нежную плоть. Сжав ягодицы Онор, прильнул к развилке между бедер и пил ее влагу.

Онория не могла вдохнуть. Корсет впился в ребра. С ее уст сорвался тихий вскрик, она содрогнулась, а внутри начало расти это странное тянущее ощущение. Такое же, как во время кормления из бедренной артерии.

Блейд посмотрел ей в лицо и вытер рукой рот.

— Не останавливайся, — прошептала Онория.

— Хочу быть внутри тебя, — прорычал он. — Хочу почувствовать, как ты кончаешь со мной. — Встав, он подтянул ее к краю столика. Полотенце упало на пол. — Хочу взять тебя.

— Ты и так мной владеешь, — простонала Онор, когда он потерялся членом меж ее бедрами. Она беспомощно извивалась, страдая от подлинной муки, охватившей разгоряченную плоть. Так больно сдерживаться!

— Только я, — настаивал Блейд.

— Только ты, — всхлипнула она, пытаясь притянуть его ближе.

Головка члена потерлась о вход и проникла в теплое лоно. Онория втянула воздух, царапая Блейда.

— Ой! — Он растягивал ее почти до боли. Онор цеплялась за столик, двигая бедрами, чтобы ослабить внезапное яростное желание.

Взяв ее в свои объятия, Блейд двинул бедрами вперед и вошел в нее до конца.

Изумленный крик Онории зазвенел по комнате. Блейд гладил лицо любимой, губы и брови, поцелуем крадя ее дыхание. В жизни Онор не было старших женщин, поэтому все свои знания она почерпнула из учебников. Но в них никогда ничего подобного не описывали.

Испытывая жжение, Онория вцепилась в плечи Блейда. Господин задрожал и прижался лбом к ее лбу, словно стараясь взять себя в руки. Его густые золотистые ресницы трепетали на скулах. Поглаживая лицо Онории, губы, нежно дотрагиваясь до щек, Блейд поднял голову. Его глаза были черными.

— Моя, — прошептал он, задрожал и провел руками по ее спине до ягодиц. — Моя, — повторил он изменившимся голосом.

Блейд качнул бедрами. Ощущение оказалось слишком острым, и Онория не понимала, испытывает ли боль, удовольствие или сочетание того и другого. Еще один толчок, и снова странное удовольствие-боль. Для нее это слишком, слишком. Огонь внутри снова стал разгораться, а по нервным окончаниям прошли электрические разряды.

Пламя свечи отбрасывало блики на их тела, пока Блейд двигался в Онор, сперва медленно, потом все быстрее, так, что плоть шлепалась о плоть. Онория вдруг осознала, что хочет попробовать господина, лизнуть, укусить. Целуя его шею, она потерлась носом о подбородок и ухватила зубами нижнюю губу.

Блейд намотал ее волосы себе на руку:

— Нет. — Еще толчок, и Онория вскрикнула. — Боже, не целуй меня.

Неужели Блейд ее отверг? Но тут Онор поняла, что он имел в виду: теперь дело не только в сексе, обе жажды господина столкнулись, и он всеми силами старался удержаться.

В поисках опоры Онория завела руку назад и вдруг нащупала лезвие, которым Блейд брился. При новом толчке она ударилась спиной о зеркало и вцепилась в господина свободной рукой. Блейд накрыл ее ладонь своею, прижав так, что ручка лезвия отпечаталась на коже.

Любовники встретились взглядами.

— Давай, — прошептала Онор, поцеловала господина в губы и медленно отвела руку, оставив бритву ему.

Блейд содрогнулся. Следующий толчок был таким сильным, что Онория сдвинулась

назад. А затем господин поднес лезвие к ее горлу.

Легкий укол — и Онория вскрикнула. Блейд присосался к ее шее горячо и жадно и, судя по ощущениям, пил прямо из соблазнительного бутона в развилке ее бедер. Эмоции захлестнули Онорию с такой силой, что она едва соображала.

Блейд предупреждающе оцарапал зубами ее шею, но Онор стиснула его член внутренними мышцами. А когда на нее обрушился оргазм, закричала, запрокинув голову и не видя ничего вокруг. Она тонула в море желания, едва чувствуя, как Блейд поглаживает ее спину. А потом сам он содрогнулся и обмяк.

На ее коже блестел пот. Голова слегка кружилась, а охваченное истомой тело пульсировало после оргазма. Если ради этого женщины грешили, то разве можно их винить?

С судорожным вздохом Блейд поднял голову, уставился на Онорию так, будто никогда прежде не видел ее или кого-то подобного, и с восхищением прошептал:

— Чтоб меня.

С Онорией на руках Блейд шагнул в ванну и опустился в теплую ароматную воду. Свечи почти догорели, их сияние было приглушенным. С поверхности воды поднимались невесомые завитки пара.

Блейд ощущал себя цельным. Переродившимся. И даже близко не насытившимся. Ему, как чертову эгоистичному ублюдку, хотелось брать её снова и снова, а ведь она едва отошла после первого раза.

Устраивая Онорию поудобнее, он глянул на туалетный столик, на котором только что занимался с ней любовью, и нахмурился. Ее платье, сорочка и корсет кучей валялись на полу. Блейд едва удерживался, чтобы не наброситься на Онорию, когда видел упругие груди с розовыми сосками или гладкий плоский живот. Поэтому, совладав с собой, он взял её на руки и ступил в ванну, прежде чем сделал бы что-нибудь, о чем бы впоследствии пожалел.

Онория свернулась калачиком у него на груди, длинные пряди волос плыли по воде. Она казалась расслабленной, но из-за жажды Блейд не очень хорошо помнил, как себя вел. Не причинил ли он ей боль? Нет, господин не сомневался, что доставил Онории удовольствие, но не жалела ли она о том, что произошло?

— Неча было ко мне приходить, — хрипло произнес Блейд.

Она взглянула на него. Капли воды блестели на ее слипшихся ресницах.

— Почему нет? — На губах вдруг мелькнула улыбка. — Мне уже давно следовало прийти к тебе.

У Блейда перехватило дыхание.

— У тебя ничо не болит?

Онория окинула себя взглядом, словно прислушиваясь к собственным ощущениям. Небольшой порез на шее уже затянулся, но Блейд все равно не мог заставить себя отвести глаза от этой метки.

— И да. И нет. — Она устроилась в его объятиях, прижавшись спиной к мужской груди. Блейд постарался передвинуться, ощутив вспышку желания, пронзившую все тело. Кожа к коже... Онория, должно быть, чувствовала, как его напряженный член упирается в её ягодицы. — Я ничего подобного прежде не испытывала.

— Ага, — пробормотал Блейд. «Я тоже».

Решив хоть чем-то себя занять, он потянулся за мочалкой и мылом. Онория лениво наблюдала за ним, явно довольная и расслабленная.

— Ты хочешь еще раз? — прошептала она.

Он чуть не выронил мыло:

— Не седня.

— Лжец. — Господи, когда это ее голос стал таким сексуальным? У Блейда внутри все плавилось от желания, а член пульсировал в ответ на эти новые интонации. — Не думаю, что я стала бы возражать, — осторожно произнесла Онория, легко поглаживая его бедро.

Блейд провел мочалкой вниз по ее руке. Поцеловал в плечо.

— Хошь, чтоб я тя ласкал?

Она заерзала. Все еще столь невинная, что смущалась своих потребностей и желаний.

Пожалуй, можно это устроить. Доставить ей удовольствие и ничего не взять в ответ.

Блейд медленно провел мочалкой по её животу, поднялся выше, к аппетитной груди.

Онория со свистом втянула воздух.

— Где те хочется, чтоб я тебя потрогал? — прошептал Блейд, обводя розовый напрягшийся сосок. — Здесь?

Мыло блестело на коже Онории. Он направил мочалку ниже, под воду. Масло, плававшее на поверхности воды, переливалось на порозовевшей коже радужными узорами. Блейд скользнул мягкой мочалкой между ног Онории и поцеловал ее влажные волосы. Она подалась ему навстречу и охнула от наслаждения.

— Или здесь? — Он провел мочалкой вверх-вниз, дразня сладкую плоть.

Онория замерла, дыхание стало прерывистым.

— Там.

Блейд улыбнулся.

— Но я еще не видал твои красивые груди. — Он бросил мочалку и потянулся за пузырьком масла, стоявшим на краю ванны. — Ты такая нетерпеливая, милашка. Даж не представляешь, насколько хорошо тебе может быть.

Вытащив пробку, Блейд наклонил пузырек и вылил масло на её грудь. Другой рукой обхватил Онорию и усадил повыше, вытянув из воды.

Она поймала его руку, дрожа от волнения, пытаясь решить, прикрыться ей или нет.

— В этом нет ничего постыдного. Не меж нами, — прошептал Блейд ей на ушко и отставил пузырек. Масло поблескивало на коже Онории, переливаясь в свете свечей тысячами разных оттенков. Он размазал его по ее грудям, обхватив их ладонями. Точно по руке. Идеально. Почему-то вдруг захотелось замурлыкать.

Соски Онории затвердели и буквально молили о ласке. Блейд слегка ущипнул их.

— Боже милостивый, — прошептала она, впившись ногтями в его бедро.

Блейд опустил руку к влажным завиткам между её ног, желая прочувствовать страсть Онории. Выпачканные в масле пальцы легко скользнули в жаркое лоно. Онория полностью отдалась наслаждению, даже не пытаясь сдерживать стоны и крики.

Каждый вздох, каждый отклик податливого тела дарил Блейду блаженство. Одними пальцами он довел любимую до грани и заставил перешагнуть эту грань, наслаждаясь её стоном. Таившаяся внутри него тьма приподняла голову, но Блейд зажмурился и крепче прижал к себе Онорию.

— Ш-ш-ш, — прошептал он, целуя её в макушку.

С губ Онории сорвался полустон-полувздых. Она расслабилась в объятьях господина, и шелк её кожи отвлекал его от темных мыслей.

Блейда вдруг накрыло волной нежности с горьким привкусом сожаления. Он никогда не задумывался о женитьбе. Несмотря на то, что у него были женщины, с которыми он спал и даже дружил, ни одна не заставила его мечтать о большем. До сегодняшнего дня.

Когда стало уже слишком поздно.

— Жаль, мы не встретили друг друга раньше, — сказал он. До того, как уровень вируса в его крови стал таким высоким. Сколько ему осталось до Увядания? Месяцы? Год? Блейд не мог признаться в этом Онории.

Она бросила на него взгляд через плечо. Её кожа порозовела в теплой воде, а на щеках горел румянец.

— Жаль... что я была такой глупой, — ответила она. — Нужно было прийти к тебе

раньше. Столько можно было избежать.

— Доверие надобно заслужить, — возразил Блейд.

Онория развернулась, оседлала его бедра и уперлась ладонями ему в грудь. На её собственных грудях все еще блестело масло.

— Я ошибалась. Ты хороший человек.

Блейд поймал её запястья и мрачно улыбнулся.

— Не спеши отбрасывать свои предубеждения, — пробормотал он. — Я те не ангелочек.

— Хотя, конечно, ты ужасно испорченный, — улыбнулась Онор.

— Временами. — Он притянул её ближе и провел ладонями по соблазнительному телу, проследив за движением темнеющими глазами. — А иногда я настоящий ублюдок.

«Коли уж думаю, как бы взять тебя снова, так скоро».

Онория с шумом втянула воздух и сжала бедра. Блейд замер, встретившись с ней взглядом:

— Тише, милашка. Не буди дьявола, а то как бы не пришлось платить за последствия.

— Не уверена, что прихватила с собой деньги, — ответила Онория, наклонилась, поцеловала покрытый щетиной подбородок и жарко прошептала Блейду на ухо: — Как думаешь, я смогу расплатиться натурой?

Он застонал:

— Черт ты дери, Онор. Неча дразнить мужчину.

— Но это же так захватывающе.

Его член задел её нежную плоть. По телу Блейда волной прокатилось желание. Господи, Онория разжигала в нем такой огонь, словно кровь в его жилах по-прежнему была горячей.

— Будь я проклят, если в тебе самой нету частички дьявола, — пробормотал он.

Еще один поцелуй. В шею. Язык Онории скользнул в ложбинку между ключицами.

— Все это время я была такой уставшей и испуганной. Приятно наконец чувствовать себя в безопасности. — Она провела ладонями по его груди. — Смеяться. Дразнить тебя. Когда я с тобой, то не думаю ни о чем другом. Мне кажется, такого счастья я не испытывала с тех самых пор, как умер отец.

Блейд неловко заерзал и хрипло предупредил:

— Онория. Еще три секунды в том же духе, и я поймаю тебя на этом туалетном столике.

Она выпрямилась. Вода струйками стекала по её телу. Глядя на него широко открытыми невинными глазами, Онор заправила волосы за ухо и словно случайно подалась грудью вперед и потерлась о член Блейда. Он впился пальцами в бедра Онории... и заметил в её глазах шаловливый блеск.

— Будь по-твоему, — произнес господин хриплым от желания голосом и вытащил Онорию из ванны.

Вода капала с них, растекаясь по полу. Глаза Онории округлились, когда Блейд понес ее к двери.

— И куда ты? — спросила она, цепляясь за его плечи.

— В кровать, — отрывисто ответил Блейд. — Куда давным-давно следовало тебя затащить.

В дверь постучали. Онория приподняла голову с подушки, но пошевелиться не смогла: они с Блейдом во сне переплелись ногами.

— Проснись, — прошептала она, поглаживая колючий подбородок. Блейд в ответ отнюдь неэлегантно захрапел.

Онория улыбнулась. Он был вымотан. В глубине души ей хотелось велеть незваному гостю убираться прочь и оставить господина в покое хотя бы на один день, но нельзя. Кто знает, какие новости им принесли?

Извиваясь, она высвободилась, оставив Блейда храпеть дальше, и, прежде чем направиться к двери, накинула на себя один из его халатов.

— Эсме. — Онория выскользнула в коридор, тихонько прикрыв за собой дверь. — Что-то с Рипом? Он в порядке?

— Он все еще спит. Ничего не изменилось. — Шиньон Эсме растрепался и едва держался на шпильках, а глаза покраснели от усталости.

— Тогда что случилось?

— Прибыл лорд из Эшелона. Тот Бэрронс, с которым Блейд сотрудничает. Притащил с собой металлогвардейцев.

— Я никуда Блейда сегодня не выпущу. Он слишком измотан, а теперь даже некому прикрыть ему спину.

Эсме приподняла бровь:

— Ты не знаешь Блейда, если думаешь, будто он станет отлеживаться вместо того, чтобы выполнять свой долг.

— Если Блейд не узнает о госте, то и рваться никуда не будет, не так ли?

— А что делать с лордом из Эшелона?

— Предоставь его мне, — ответила Онория. — Не одолжишь какую-нибудь одежду? Мое платье... мокрое.

На губах Эсме промелькнула улыбка.

— Не буду спрашивать, как так получилось. Подожди меня здесь, сейчас принесу одно из своих. По размеру должно подойти, если кое-где подколем.

Через двадцать минут Онория, полностью одетая, со стянутыми в тугий пучок волосами, спустилась в гостиную, где ждал Лео.

Комнату окутывали паутина и пыль. Лео расхаживал перед камином, сцепив руки за спиной. Он облачился во все черное: кожаный нагрудник, подчеркивавший до неприличия мускулистую грудь, обтягивающие штаны из шерсти, заправленные в высокие сапоги. Единственным украшением служил массивный золотой перстень-печатка.

Завидев вошедшую, голубокровный резко остановился:

— Онория.

— Лео.

— У тебя все хорошо?

— Не пойму, с чего это тебя заботит, — ответила Онория.

Глаза Лео сузились.

— По большому счету и не заботит. Но считается вежливым тоном начинать разговор с подобных банальностей. Как поживают Хелена и Фредерик?

Онория впиалась в него взглядом, сжимая кулаки.

— Чарли, — жестко поправила она. — Мы зовем его Чарли. И они оба в полном порядке.

Как же ей хотелось просто сказать правду, но Онор не рискнула. Лео сейчас как никогда походил на типичного представителя Эшелона, и, если бы он донес о состоянии Чарли властям, оба, она и Блейд, попали бы в большие неприятности. Принц-консорт вполне мог использовать такой шанс, чтобы послать своих металлогвардейцев в трущобы, в этом случае закон был бы на его стороне.

— Могу я поинтересоваться: ты посланец Блейда, или он все же явится лично?

— Он спит, — ответила Онория. — Вампир напал прошлой ночью: один из людей Блейда убит, еще двое ранены.

Лео замер:

— А вампир?

— Сбежал.

— Где это произошло? Если мы сумеем определить местонахождение или причину, почему его тянет в трущобы, то можно попробовать заманить тварь в ловушку.

Онорию словно ледяной волной окатило, кровь застыла в жилах.

— Что ты имеешь в виду, «тянет в трущобы»? Разве не тут выход из туннелей?

— Туннели проходят через эту половину Лондона, — подтвердил Лео. — Необычно то, что вампир продолжает наведываться сюда.

Онория положила руки на спинку кресла, постукивая по ней пальцами. Во всех нападениях есть лишь одно общее — она сама. Тогда, на улице, вампир попытался преследовать именно ее, начисто игнорируя Уилла и Блейда, хотя оба были ранены. И в следующий раз тварь явилась прямо к дому Годдов.

— Милая? — тихо позвал Лео, как когда-то в детстве, когда между ними установилось хрупкое перемирие.

— Не называй меня так, не смей. Только отец обращался так ко мне.

— Ты что-то знаешь.

Онор встретила с гостем взглядом:

— Возможно.

— Поделись со мной, — произнес он. — Вдруг это ключевая деталь, которая поможет нам поймать зверя, пока не пострадал кто-нибудь еще.

Онория по-прежнему сомневалась. Насколько она могла доверять Лео? Не настолько, как хотелось бы.

— Почему ты охотишься за ним? Почему именно ты?

— Меня послал принц-консорт, — резко ответил Лео, почему-то глядя на ее волосы.

Онория перестала барабанить по спинке кресла:

— Ты лжешь. Никогда не мог посмотреть мне прямо в глаза, если лгал.

Лео наконец глянул на нее:

— Ты так хорошо меня знаешь?

— Совершенно не знаю, — парировала Онория. — Раньше я думала, будто могу тебе доверять.

— Да ты ненавидела меня в детстве, — скептически произнес Лео. — И не без причины.

— Я тебя жалела, а не ненавидела. — Ее голос смягчился, губы изогнулись в печальной

улыбке. — Ну, разве что тогда, когда ты подбросил мне в кровать тех жутких механических пауков или когда оторвал голову моей кукле и закопал ее.

Повисло молчание.

— Ты меня жалела?

Онория взглянула на Лео. Если бы все сложилось по-другому, она признала бы его как своего сводного брата. Но отец и герцог Кейн уничтожили любую возможность такого исхода.

— Герцог презирал тебя, а отец... отец оставался равнодушен.

Больно признавать, что Артемий Тодд был неправ. Но Онория не могла отрицать тот факт, что отец неважно относился к Лео. В памяти вспыхнула картинка: маленький мальчик с ангельскими золотыми кудряшками — очень похожий на Чарли в том возрасте — смотрит на нее с ненавистью во взгляде, пока она высвобождается из отцовских объятий. Мальчишка разворачивается и убегает, и той же ночью механические пауки забираются к ней в постель.

Лишь повзрослев, Онория догадалась, почему он так над ней измывался. Мальчик, который делал вид, будто ему все равно, никогда не был равнодушным.

— Не думаю, что предпочел бы твою жалость неприязни. — У Лео вырвался горький смешок. — Жалость делает нас слабыми. Но, увы, тебе не удалось меня отвлечь. Ты что-то знаешь о вампире.

— Я и не отвлекала, — парировала Онория. — Ты солгал о своих мотивах охоты на эту тварь. У тебя какой-то личный интерес во всем этом, что наводит меня на мысль, а не знаешь ли ты, кем был вампир до обращения?

Лео окинул ее оценивающим взглядом:

— И теперь ты просишь довериться тебе?

— Я не предаю тебя.

— Неожиданно. Прости, но я не верю в сантименты. — Его губы изогнулись в циничной ухмылке. — Думаю, при таких обстоятельствах ты как раз это и сделаешь.

— Что ж, тогда мы в затруднительном положении. Твоя информация в обмен на мою.

— Люди могут погибнуть, Онория. — Лео шагнул вперед, нависая над ней. — Тебе наплевать?

— Они могут погибнуть в любом случае. Еще не решила.

Лео разочаровано зарычал, схватив ее за руку:

— Ты всегда такая чертовски упрямая?

— Ага, всегда, — мягко произнес кто-то сзади.

Онория обернулась:

— Блейд.

Он шагнул в комнату, медленно изучая обстановку. Темный взгляд — демонически черный, обсидиановый — скользнул по Онории и Лео. И Блейд явно заметил, как близко они стоят друг к другу.

— Ты должен быть в постели. — Онория чувствовала себя виноватой, хотя на то не имелось ни единой причины.

— Звиняй, шо испортил ваши планы, сладкая.

— Планы? — Онория шагнула ему навстречу. — И что именно ты под этим подразумеваешь?

— Да вот даж и не знаю.

Блейд прикрыл за собой дверь одними лишь кончиками пальцев. Прищурившись, он смотрел на руку Онории, которую столь фамиллярно держал Лео. Онор просила доверять ей и прошлой ночью принесла своего рода клятву верности. Оставалась лишь одна проблема. Бэрронс.

— Это не то, что ты думаешь, — пробормотала Онория.

Блейд медленно приблизился, пытаясь заново оценить ситуацию. Волосы на затылке встали дыбом, как только в ноздри ударил запах Бэрронса, запах его лосьона после бритья. Внутренний демон, темная, вечно голодная часть Блейда, которой он никогда не мог нормально управлять, требовала накинуться на Бэрронса с клинками. Но... прошлая ночь. Она же должна была что-то значить.

Через окно в комнату лился свет, обрамляя Онорию и Бэрронса в золотой прямоугольник. Этот свет поблескивал в волосах герцога и мерцал на яркой алой ткани платья Онор. Красивая из них выходила пара. Оба молодые и статные, с кожей сливочного оттенка и темно-кариими глазами. Блейд вдруг почувствовал себя невероятно старым, принадлежащим к миру теней.

— Я знаю, на че эт похоже, — произнес он, ощущая сплошную боль внутри. — И хочу те доверять. Но... черт побери, Онория... Те так трудно дать мне хоть какое-то проклятое объяснение?

— Ты спал, и я подумала, что мне лучше самой встретить Лео. Кроме того, у меня к нему были вопросы по поводу вампира.

Те самые вопросы, что он услышал, прежде чем вошел в комнату.

— Я не спрашиваю, че ты тут делаешь.

Бэрронс с осторожностью отступил от Онории:

— И в мыслях не было вторгаться на чужую территорию.

— Я тя не спрашивал.

Онория сжала руки в кулаки, губы превратились в одну тонкую линию. Но в глазах светился не гнев, а боль.

— И ты говоришь, что доверяешь мне.

— Доверяю. Но Бэрронс вечно встает между нами, а ты упорно не желаешь мне сказать, че он для тебя значит. — Блейд не смог сдержать рвавшегося наружу разочарования.

Сделав еще один шаг вперед, он почти вплотную приблизился к Онории, почти схватил за руку, но тогда поддался бы гневу и голоду. «Нет. Она испугается». Он с наслаждением вдохнул аромат Онории, все еще теплой после сна в его постели. К нему примешивался запах розовой воды, но даже ей не удалось заглушить едва уловимые нотки секса и крови.

— Я оч стараюсь те доверять.

По телу Онории пробежала дрожь.

— Мне бы очень этого хотелось. — В ее голосе сквозила боль. — Лео?

Бэрронс напрягся:

— Нет.

Онория обернулась:

— С меня довольно секретов. И мне надоело защищать тебя, в то время как тебе, очевидно, глубоко плевать на всех нас. Похоже, ты слишком долго жил в Эшелоне и уже не

способен поверить, что не всем интересны твои закулисные игры. Блейд никогда не стал бы использовать эту информацию против тебя.

«Смотря какую».

— Я никому не доверяю и имею на то веские причины. Или ты забыла, кто именно меня инфицировал? — Взгляд Бэрронса стал жестким.

Онория побледнела:

— Он не хотел. Он пытался помочь тебе не заразиться.

— Он пытался протестировать свою чертову вакцину, — рявкнул Бэрронс. — Плевать он на меня хотел. Я всегда был для него лишь очередным подопытным кроликом.

— О ком эт вы толкуете, черт побери? — не выдержал Блейд.

Оба, Онория и Лео, взглянули на него темными глазами в обрамлении густых ресниц. Выражение в этих глазах было практически идентичным. Мгновение — и Онория отвернулась, разрушив наваждение. Но Блейд все же не смог забыть то, что увидел. «Господь Всемогущий». Он замер.

— Ты евойная сестра. — В его голосе сквозило удивление. — Черт возьми, ты евойная сестра!

Бэрронс побледнел, а Онория с облечением выдохнула.

— Да, — прошептала она. — Сводная сестра. У нас с Лео один отец. Я единственная, кто знает. Лена и Чарли никогда не встречались с Лео.

Мозг Блейда лихорадочно работал. Черты их лиц были похожи лишь отдаленно, но глаза — они выдавали родство. Неудивительно, что он упустил это из виду. У Чарли с Бэрронсом было больше сходства, и оно, скорее всего, будет лишь усиливаться по мере взросления парнишки.

— Кто отец Бэрронса? Герцог или Артемий Тодд? — И Блейд тут же сам ответил на свой вопрос: — Тодд, верно?

Иначе зачем это скрывать? Так вот почему она обратилась за помощью к Бэрронсу, прежде чем пришла к нему, Блейду. Эта мысль почти заставила его улыбнуться. Он совершенно зря беспокоился.

Бросив на сестру мрачный взгляд, Бэрронс обратился к господину:

— И что ты собираешься делать с этой информацией?

Блейд покачался на ногах. Его охватила такая эйфория, что чуть грудь не лопалась. Ему хотелось подхватить Онорию на руки и закружить. Она — его. Целиком и полностью.

— Скорей всего, ниче, — пожал плечами Блейд. — Вот изловим вампира, и надеюсь ваще как можно реже тя встречать. И ваще о те вспоминать.

— Мне слабо в это верится, — ровно произнес Бэрронс.

— Ниче удивительного. — Герцог — голубокровный до мозга костей. Ему никогда не понять: Блейд хотел лишь, чтобы его оставили в покое и дали возможность быть с семьей... и с Онорией.

Все еще не уверенный, как воспринимать заявление господина, Бэрронс взглянул на собеседников:

— Мне нужно кое в чем признаться. Но я скажу тебе. Только тебе. — Он посмотрел в глаза Блейду.

Онория застыла, но Блейд поднял руку, предостерегая ее от возражений:

— Подожди мя в комнате.

— Не думай, будто можешь приказывать мне, как одной из своих... своих...

— Трэлей? — продолжил Блейд, слегка приподняв бровь.

Щеки Онории залил румянец, но он не собирался так просто отпустить ее с крючка. Им нужно поговорить. Прошлая ночь многое изменила, но было очевидно, что без разговора все же не обойтись.

Блейд почувствовал, как Онория вновь воздвигает вокруг себя защитные стены. Черт, теперь, после слов Бэрронса, господин понял, почему она так поступала. Ее собственному брату было на нее начхать.

Блейд успокаивающе нежно погладил Онорию по спине, наклонился и прошептал ей на ушко:

— Пожалста.

Небольшая уступка ради гордости Онории. Ей тоже придется научиться уступать, но сейчас он готов был сделать первый шаг.

Взгляд Онории потеплел, ладонь робко коснулась его запястья. Блейд почти видел, как мысли мелькают в этих невероятных карих глазах. С ней никогда не будет легко, но он вдруг осознал, что это ему даже нравится. Мужчине быстро наскучит женщина, которая никогда не бросает вызов. Онория навсегда останется для него загадкой.

— Я тебя подожду, — тихо произнесла она.

Блейд легко поцеловал Онор, сильно удивив ее.

— Спасибо.

Она отвернулась и направилась к двери, однако что-то все же остановило ее от ухода вот так, без прощания с братом.

— Будь осторожен. Я знаю, отец никогда не признал бы тебя как сына, но ты был глупцом, считая, что я не раскрою тебе свои объятия. Если бы ты только мне позволил.

Затем она вышла, оставив Бэрронса потрясенно смотреть ей вслед.

Блейд с тяжелым сердцем поднимался по лестнице. Дьявол бы побрал этого голубокровного! Господин все еще пытался осмыслить недавнее признание Бэрронса.

И оказался у двери в спальню слишком быстро. Бэрронс со своими помощниками остался во дворе. Спешить нечего, и это меньше, чего чертов ублюдок заслуживал.

— Мне известно, кто вампир. Понимаешь, я считал это справедливым: Тодд собирался ввести себе обнаруженную настоящую вакцину. Он все эти годы ждал, чтобы убедиться в ее эффективности, а меня, черт побери, заразил опытным препаратом. Поэтому я подменил образцы: он вколол себе ту самую вакцину, что испытал на мне.

У Блейда перехватило дыхание.

— Как по мне, эт месть, а не справедливость.

Бэрронс потерял самообладание; в его взгляде загорелись гнев, гордость и, как ни странно, скорбь.

— Я не хотел становиться голубокровным. Он обещал, что я не обращусь в пятнадцать на кровавом ритуале. Он обещал.

В глубине души Блейд понимал собеседника, ведь сам никогда бы не выбрал жизнь, отравленную вирусом жажды. Постоянный голод и невозможность ослабить бдительность. А в итоге неизбежное безумие, когда вампирская часть одержит верх.

— Ты — Кейнов наследник. Уж он-то наверняка потребовал бы тваво обращения.

В мире Эшелона вирус считался не проклятьем, а благословением: сила, власть и иммунитет против недугов смертных. В сравнении с полученной выгодой цена казалась ничтожной.

— Я лишь пешка в делах отца. Обоих отцов, — горько рассмеялся Бэрронс.

Блейд задумался:

— Она те никогда не простит.

Бэрронс небрежно пожал плечами, будто ему все равно. Но почему тогда он угрожал Блейду смертью в случае плохого обращения с Онорией? Этот лорд лгал и себе, и другим.

— Ах ты несчастный ублюдок, — прошептал Блейд. Вот же чертова путаница. И это еще не самое худшее. — Парнишка — Чарли — тож заразился. А Онор еще понять не могла, почему...

Господин провел рукой по волосам и с досады сжал пряди в кулаке, а потом взглянул Бэрронсу в глаза:

— На ней и Лене лекарство сработало. А на отце и брате, получается, нет. Похож, мальцу тож досталась не та вакцина.

Лео словно под дых врезали. Он стиснул зубы, отвернулся и ударил кулаком по стене, не обращая внимания на посыпавшуюся на плечи штукатурку.

— Черт! Черт! — Трясаясь от ярости и, вероятно, чего-то еще, он молотил стену до тех пор, пока не разбил костяшки в кровь.

Отца Онория Бэрронсу простила бы, а вот Чарли — никогда.

Как же ей сказать? И стоит ли?

— Да к черту, — пробормотал Блейд и открыл дверь в свою спальню.

Свет из окна золотил Онорию, высвечивая легкий оттенок красного дерева в ее каштаново-кофейных волосах и целуя кремовую округлость щеки. Онор с тревогой

посмотрела на вошедшего господина, стиснув руки на коленях. Она сумела совладать с собой, но от нее все равно веяло страхом.

— Я не имела права раскрывать чужой секрет. Никогда никому и словом о нем не обмолвилась. Если они узнают, то прикончат его. Я даже не понимала, что ты к нему ревнуешь. — Онор покраснела, уставилась на ноги Блейда и с укором добавила: — Я же говорила, что Лео для меня ничего не значит.

— Ага, говорила. — Он встал перед ней и, не в силах удержаться, погладил по волосам. Затаив дыхание, Онор взглянула вверх. Как же она прекрасна! И сердце Блейда принадлежит ей. С тех самых пор, как он начал пробиваться через чертову ледяную стену, за которой она спряталась. Но сумел ли он сам завладеть сердцем любимой?

Блейд погладил ее подбородок и вздохнул. Она накрыла его руку своей, прижала к щеке, повернула голову и поцеловала, глядя на него, словно в ожидании реакции.

— Я думала, ты разозлишься.

— Ты пыталась защитить семью...

Онория нахмурилась:

— Он не...

— Он твоя семья. Мож говорить, что душе угодно, но ты за него горой.

Блейд оперся коленями о край кровати и чуть подтолкнул Онорию.

Она рухнула на матрас и уставилась на господина. Он оседлал ее бедра, прижался лицом к горлу, стиснул в кулаках пряди волос и вздохнул, наполняя ноздри запахом ее тела. Онор тихонько ахнула и робко дотронулась до его плеч.

Блейд целовал ее шею, лаская кончиками пальцев шелковый лиф. Нашупал сосок и стал поглаживать его круговыми движениями. Онория выгнулась под ним как кошка.

— Вот за эт я тя и люблю, — признался он, уткнувшись в ее волосы. — Ты гордая, упрямая, но на все готова заради семьи. — Блейд посмотрел в ее ошеломленные глаза. — Опустит щиты, Онор, впусти меня. Позволь тебя любить. — Он поцеловал ее губы, пробуя на вкус сладкое дыхание. — Поверь, я никогда те не наврежу.

Затаив дыхание, он ждал ответа, но так его и не услышал. Онория сжала лицо Блейда ладонями и впиалась поцелуем в губы. Ее вкус опьянял, а медленное, чувственное поглаживание языка вторило движениям бедер.

Член заныл от желания. Онория терлась о него, но ее жаркое лоно скрывали слои шелка и кринолина, а тела разделяла преграда из корсета и обруча. Запустив руку в ворох материи, Блейд задрал ее юбки в поисках мягкой гладкой кожи.

Ее бедра дрожали под его ладонью. Онория прерывисто стонала, пока господин не прошептал:

— Тиш, милашка, тише.

Затем провел пальцами по подвязкам, гладкой коже, нашупал жаркое местечко и принялся поглаживать его сквозь намокший шелк, одновременно целуя Онорию.

Она зарылась руками в его волосы и раздвинула бедра, откликаясь на сладкое поддразнивание. Найдя отверстие в ее панталонах, господин простонал и машинально толкнулся вперед.

Онор оторвалась от его губ:

— А как же... Лео? Разве... он не ждет?

— Пуцай подождет.

Блейд ласкал пальцами ее влажные складочки. Онория содрогнулась и, прижавшись

лицом к его шее, лизнула солоноватую от пота кожу. Господин повернулся и прикусил нежную мочку ее уха.

Онория вскрикнула, и Блейд напрягся.

Слишком много. Для нее это все в новинку. Он ее напугает, если выплеснет всю свою страсть.

Блейд застыл, пытаясь сдержать растущий голод. Мир вокруг посерел, а потом снова обрел краски, но Онория стонала и насаживалась на его пальцы.

— Тиш. — Он остановился. Жилка на виске пульсировала от напряжения. — Черт ты дери, Онор, погоди минутку, или я тебя поимею, как зверь.

Но когда Блейд глянул в глаза Онории, в них светилась удивительная решимость.

— Я думала, прошлой ночью ты убедился, что я не хрустальная.

Господин вытащил пальцы к вящему неудовольствию Онор.

— Ты нежная, не то шо я. — Блейд прижался к ней лбом, пытаясь взять себя в руки. Он чуть ее не отымел, черт побери!

Сжав ее бедра, он перевернулся так, что Онория оказалась сверху в позе наездницы. Она округлила глаза и оперлась руками на его грудь. В такой позиции Блейд касался любимой, но не мог добраться до ее горла, не приподнявшись с постели. Должно быть достаточно, чтобы прийти в себя.

— Я тебе доверяю, — решительно заявила Онор.

— А я се — нет, — ответил Блейд.

Она погладила его грудь, затем принялась расстегивать пуговицы, начиная с воротника. Блейд застыл в ожидании, а женские руки опускались все ниже, и ниже...

Закончив, Онор резко распахнула полы рубашки, так что его руки оказались стянутыми рукавами. Ее лицо светилось желанием.

— Мне нравится смотреть на тебя, на твое тело. Я часто думала, каково это — коснуться тебя. — Она зарделась. — И каков ты на вкус.

Блейд едва не потерял самообладание и перестал дышать. Возможно, это плохая идея. Его чувства слишком обострились. Услышав от нее эти слова, он почти потерял контроль. Мир снова стал серым. Зная, что его глаза сейчас наверняка черны от голода, Блейд схватил Онор за бедра:

— Нам над прекратить.

— Почему?

Блейд заставил ее посмотреть ему в глаза, чтобы глупышка увидела, как на него влияет.

— Седня я на грани, опасен и не могу сдержаться.

— Ты не сделаешь мне больно.

— Но и добреньким и нежным не буду! — рявкнул он.

Онория медленно опустила голову и лизнула его сосок.

— Будешь, — возразила она и, к удивлению Блейда, укусила его.

Блейд втянул воздух. В ее глазах светилось любопытство, готовность к новым опытам и опасность.

— Нам надоть потолковать. — Он сжал ее запястья, пытаясь остановить соблазнительницу.

— Потом. — Легко покусывая, она проложила дорожку к другому соску и принялась ласкать его теплым языком.

Член затвердел до боли. Не в силах сдержаться, Блейд начал толкаться бедрами вверх.

Укрытый метрами материи, он поднырнул руками под слой кринолина и нижних юбок.

Было что-то чувственное в ласках в одежде. Застегнутая на все пуговицы Онория выглядела как сама скромность и одновременно лизала его живот, ныряя языком в ямку пупка.

Дойдя до пояса, она застенчиво опустила глаза. Блейд улыбнулся:

— Ага, девочка. Ты ведь сейчас не остановишься?

Она с вызовом посмотрела на него, а потом понурилась:

— Я не уверена... что делать.

Блейд направил руки Онор к пуговицам на штанах. Она ловко расстегнула их и высвободила член, гордо вздымавшийся и наклонившийся чуть влево.

— Просто не останавливайся, — промурлыкал господин.

— Ты имеешь в виду... — Она изумленно уставилась на его член.

Блейд снова взял ее руки и заставил Онор обхватить упомянутый орган ладонями.

— Ага.

Вызов. Интересно, захочет ли она его принять? Черные глаза загорелись идеей, а потом Онория наклонилась и поцеловала гладкую кожу чуть выше паха.

— Ты испорченный мужчина, — прошептала она, лаская его все смелее.

Блейд провел рукой по ее волосам и чуть нетерпеливо потребовал:

— Хочу, чтоб ты поласкала меня ртом.

Черт, ему хотелось большего: проникнуть в ее рот до самого горла, узнать ласку мягкого как атлас языка.

Почувствовав касание, Блейд открыл глаза: Онория пробовала его с изумлением и любопытством.

— Тебе нравится?

Блейд застонал и откинул голову, пока ее жаркий ротик ласкал головку:

— Боже! Да!

Ее робость сменилась решительностью. Улыбаясь, Онор училась доставлять Блейду удовольствие, а затем прошептала:

— Кто бы мог подумать...

И взяла его в рот.

Это был настоящий ослепительный экстаз. Блейд зарылся руками в волосы Онор, помогая ей принять его немного больше. Его яички напряглись, и он стиснул зубы. Как бы ему ни хотелось кончить ей в рот, овладеть Онорией по-настоящему хотелось больше.

— Давай. — Господин быстро подтянул ее, так что юбки накрыли все его тело.

Онория упала ему на грудь:

— Что ты делаешь?

Он сунул руку под юбки и стащил с нее панталоны.

— Блейд! — ахнула Онория.

Она была влажной, горячей и соблазнительной.

Блейд устроился поудобнее и насадил ее на себя.

Выражение ее лица было почти комичным. Изумление читалось в широко раскрытых глазах. Онория оценила новое ощущение, и оно ей явно понравилось. Блейд тихонько зарычал и схватил ее за бедра:

— Вот так.

Секунду спустя она поняла, что от нее требуется, и тут же задвигалась со всем пылом.

Ему нравилось смотреть на ее лицо, такое открытое и полное чувственного любопытства. Господин поцеловал кончики ее пальцев и стал расстегивать жесткий шелковый лиф.

Сплошные слои одежды. Блейд стянул их вниз, так что корсет и сорочка оказались под грудью, приподнимая ее. Онория покраснела и выдохнула:

— Ты ужасно порочный.

— Похоже, те нравится. Хочешь стать еще порочнее? — Блейд приподнимал юбки, пока не обнажил черные кудряшки на ее венерином холмике.

Онория покраснела еще сильнее, но не стала его останавливать.

Блейд взял ее правую руку и облизал пальцы. Затем опустил их к набухшему, розоватому скользкому клитору.

Онория вскрикнула и запрокинула голову, отдавшись восхитительно непристойной страсти. Ее горячее узкое лоно стиснуло член, и Блейд напрягся. Он был так близко к разрядке. Невероятно чертовски близко. Удовольствие омывало все его тело. Боже, какой чудесный опыт с любимой женщиной.

Эта мысль заставила его двигаться энергичнее. Блейд показал Онор, как ласкать себя, а потом притянул ее ближе, толкаясь навстречу. Ему хотелось просто закрыть глаза, откинуть голову, но он не мог оторвать от нее взгляда. Надо запомнить каждую минуту, все ее образы навсегда. От порозовевших щечек до слегка расфокусированных глаз и того, как она машинально закусывает губу, отдаваясь ему. Сейчас он увидел, чем мог бы обладать, если бы уровень вируса не был так чертовски высок.

Время поджимало. Блейд притянул Онорию к себе, целуя и обнимая, как будто боясь, что что-то ее отнимет.

Всхлипывая от неконтролируемой страсти, Онор жадно сжала член внутренними мышцами. Блейд почувствовал ее оргазм, наслаждаясь горячей пульсацией лона.

Через минуты, часы, годы Блейд пришел в себя. Онория содрогнулась и без сил упала на него, будто хрупкий цветочек. Господин так задыхался, что не мог говорить, и выразил свои чувства, глядя ее влажную спину и крепко обнимая.

Онория медленно подняла голову. Ее глаза затуманились от наслаждения.

— Ты такой порочный, — прошептала она и прижалась губами к его горлу, вновь взволновав Блейда нежной и легкой лаской.

Он перекатил любимую на спину и вышел из ее тела. Она тихо рассмеялась, полупылая от страсти, и потянулась, не обращая внимания на то, что ее грудь и ноги обнажены.

Блейд застегнул штаны и склонился над Онорией, стоя на коленях:

— Нам надоть поговорить.

Она посерьезнела:

— О том, что тебе рассказал Лео?

Блейд открыл рот. Что сказать? «Знаешь, у меня всего несколько месяцев... в идеале... а потом начнется Увядание?»

Господин подавил стон. Нет, не сейчас. Вместо этого он поднес руку Онории к губам, поцеловал ладонь и солгал:

— Да, о том, что выложил твой братец.

Онория поправила лиф и разгладила юбки:

— И?

— О... твоём отце, — с трудом признался Блейд, а потом рассказал ей все.

Блейд открыл духовое ружье и заглянул в дуло:

— Вы эт используете на голубокровных?

— Только на нелегально обращенных, — признал Бэрронс, поставив ногу на ступеньку и опираясь на колено. — В дротике некий токсин, что парализует голубокровного почти на десять минут. Мы сумели сделать так, что давление пара не влияет на химический состав яда. Из ружья можно точно стрелять с пятнадцати метров.

— Ага, тока не думай, что вампира эт удержит. — Блейд сунул дротик обратно в патронник.

Бэрронс вскинул бровь, так что та исчезла под ниспадающими на лоб кудрями:

— Ты слышал про этот токсин?

— Твоя сестрица мя им уложила. Тока минут на пять-шесть. Она думает, шо эт связано с уровнем вируса в крови. Значитса, с вампиром гарантия не больше минуты.

Бэрронс усмехнулся:

— Боже правый, хотел бы я на это поглядеть.

— Задержись, и ежели она тя заловит, испробуешь на себе, — угрюмо процедил Блейд, глядя на наследника Кейна.

Тот посерьезнел.

В комнату для приемов заглянул Джаспер Линч и холодно оглядел присутствующих:

— Готовы?

Блейд похлопал по духовому ружью:

— Тада за дело.

Множество металлогвардейцев неподвижно стояло на улице, представляя собой зловещее зрелище. А рядом, пыхтя, как роющие трюфели свиньи, расположилась парочка землетрясов. Их корпуса покрывали тяжелые бронированные пластины, а на мордах торчали хоботы, способные очистить туннель за несколько минут. До сих пор землетрясы оказывали неоценимую помощь. Их оператор сидел на ступеньке рядом, играя с прибором частоты, которым управлял машинами.

Отряд Ночных ястребов тоже помалкивал. Они повиновались Джасперу Линчу с готовностью, которой Блейд почти завидовал, и редко заговаривали с хозяином трущоб или Бэрронсом. Наблюдая, как они плавно движутся по туннелю, Блейд решил, что, если дойдет до войны, лучше иметь их на своей стороне.

Услышав топот на лестнице, он оглянулся на логово. В следующую секунду оттуда выбежал невысокий растрепанный парнишка, одетый в броню Ларк и штаны. Онория спрятала черные волосы под кепку беспризорника и измазала сажей лицо. Она посмотрела Блейду в глаза и с вызовом задрала подбородок.

По пятам за ней шел Дровосек, выглядящий слегка виновато. Он беспомощно пожал плечами.

— Нет, — отрезал Блейд, поглядывая на других голубокровных. Онор совсем с ума сошла? Гильдия развесила ее изображения по всем кварталам, предлагая огромную сумму за поимку.

Бэрронс подошел выяснить, что стряслось, и моргнул.

— Он... — Голубокровный осекся, а потом небрежно спросил у Блейда: — Твоя

прислуга?

— Которую щас хорошенько выпорют, — прорычал Блейд, подошел к упрямице, схватил за руки и уставился в ее грязное лицо. — Совсем рехнулась?

— Уилл и Рип ранены, а я тя одново не пущу, — ответила Онория, мастерски копируя кокни, прямо до жути.

Понимая, что вокруг слишком много народу, Блейд потащил ее на темный порог.

— Эт те не трущобы, милашка, а Нижний город. Мы охотимся на вампира.

— Я тя одного не пущу.

Господин осмотрелся:

— Для тя эт опасно.

Онория наклонилась, прижалась к нему и коснулась губами уха. Черт его побери, если он остался равнодушным.

— Я здесь не только из-за тебя, — прошептала Онор. — Проклятье, он мой отец! — Слезы блеснули в ее глазах. — Знаю, ты считаешь меня сумасшедшей, но в нашу последнюю встречу он молил меня о помощи. Я расспросила Лену о том случае. Она рассказала, чтс вампир напал, лишь когда Уилл ее схватил. И не пытался навредить ни ей, ни мне.

— Мож, у него поважней дела были, — проворчал Блейд. — Отвлекся, кромсая моих людей. — Однако невольно вспомнил ту ночь на крыше, когда целился в вампира из пистолета Онории, но не осмелился выстрелить. Если бы монстр хотел, то мог бы убить ее сотню раз.

Ее доводы разумны, и защита с тыла не помешает, но только не Онор. Его тошнило при одной мысли о том, чтобы подвергнуть любимую опасности.

— Нет, — повторил он. — Ты никуды не идешь и точка.

* * *

Нижний город оказался не таким, как ожидала Онория. Шлепая вслед за Блейдом, она не могла сдержатъ дрожи. Сегодня их ожидало несколько страшных открытий, большинство из которых Блейд не дал ей увидеть. Однако нельзя было не заметить печать ужаса на лицах мужчин и не услышать их резкие вздохи.

Блейд злился на нее, но, по крайней мере, она победила в споре. Если бы он не взял ее с собой, Онор просто пошла бы следом. Блейд угрожал ее связать, но едва не потерял дар речи, когда упрямица пожала плечами и спросила, на сколько, по его мнению, это ее задержит. Кабы не весь ужас ситуации, Онория рассмеялась бы, увидев выражение лица господина.

Блейд двигался быстро, несмотря на то, что они шли чуть не по колено в воде. Держа в руках отцовский пистолет, Онория бежала следом.

Сверху послышались ритмичные звуки.

— Что это за шум? — спросила Онория.

— Слив-заводы, — пробормотал Лео. — Мы прямо под ними. А шумят, наверное, паровые двигатели в машинах фильтрации.

Высокий мрачный мужчина, приведший Ночных ястребов, поднял кулак. Все застыли, а Онория посмотрела поверх плеча Блейда и шепотом спросила:

— Что такое?

Мастер Гильдии сердито зыркнул на нее, вглядываясь в тени.

Блейд схватил Онорию за руку и оттащил в сторону, прикрывая собой.

— Не шевелись, милашка, тут слишком тихо. И чой-то воняет.

То есть, как-то необычно воняет?

Ее обоняние давным-давно перестало что-то улавливать в здешнем смраде.

Кто-то зажег факел. От него с шипением полетели искры, а люди, ругаясь, пытались привыкнуть к ослепляющему свету.

Вдруг Блейд прижал руки к ушам и оскалился, как от боли. Остальные повели себя точно также.

— Что случилось? — вскричала Онория.

Дровосек посмотрел на нее поверх сгорбившегося Блейда, потом перевел взгляд куда-то выше и округлил глаза.

Онория развернулась. Мелькнуло что-то мертвенно-бледное, и один из Ночных ястребов — тот, что держал факел — с криком рухнул. Светящаяся фосфорная палка плюхнулась в воду, горя даже под грязной жижей, однако свет все же потускнел.

— Уводи ее отседова, — приказал Блейд Дровосеку, резко толкнув к нему Онорию.

Крик оборвался, а потом послышались выстрелы, и темноту разорвало несколько вспышек.

Дрожащей рукой Онория достала свое оружие. Дровосек потянул ее в боковой тоннель, угрожающе подняв свой крюк.

— Блейд! — закричала Онор.

Господин сражался где-то в тенях. В главном тоннеле звенели выстрелы и испуганные крики.

— Тут слишком узко! Не стрелять!

Это Блейд. Онория застыла, затем высвободилась из хватки Дровосека и выглянула за угол. Повсюду плавали трупы. Она рассмотрела светлые волосы Блейда, тянущего кричащего искалеченного мужчину в безопасное место. Рядом с ним, хромая и прижимая руку к бедру, шел Лео.

Впереди туннели расходились. Вампир ждал их, используя узкие проходы в свою пользу. Где же оператор металлогвардейцев? Машины стояли неподвижно и безмолвно, в пустых глазницах сияли едва заметные голубоватые огоньки.

В свете почти погасшего факела Онория едва могла что-то рассмотреть и только по крикам определяла, куда двинулся вампир.

Она заметила, как Блейд напрягся и задрал голову, а потом бросил тело, которое тащил, и потянулся за ножом. Лео хотел схватить что-то белое, несущееся на них, но споткнулся.

Даже не поняв, что делает, Онория, ринулась вперед, крича:

— Нет!

Тварь врезалась в Блейда, который пошатнулся и ударил нападавшего зазубренным ножом в бок. Послышался пронзительный визг, почти на грани слуха. Блейд сморщился от звука и с плеском рухнул навзничь.

Онория не стреляла, боясь попасть в господина. Заткнув оружие за пояс, она бросилась на чудовище, завопила ему в лицо и каким-то образом не дала нанести смертельный удар острыми когтями.

На нее уставились покрытые пленкой белые глаза. Вонь была настолько сильной, что перебивала даже здешний неприятный запах. Онория чувствовала ее у себя на языке, плотную и прогорклую, как старый жир.

Удар наотмашь застал Онорию врасплох, и она отлетела, ударившись о стену туннеля. Резкая боль пронзила плечо. В тусклом свете Онор увидела, как чудовище собирается ударить кого-то под собой. Блейда.

— Отец! Нет!

Снова бросившись вперед, она схватила жесткие запястья вампира и безуспешно потянула.

Блейд вынырнул, хватая ртом воздух, заляпывая кровью болотистую грязь.

— Я могу тебе помочь! Я могу тебе помочь! — рыдая, кричала Онория. Тварь вдруг пошевелила пойманной рукой.

Блейд выбрался к стене, зажимая бок. Они встретились взглядами, и Онория намеренно встала между ним и вампиром.

— Нет! Беги, чертова дуреха! — выдохнул господин.

Так близко. Вампир, приняхиваясь, раздул ноздри и повернулся к ней лицом. Онория отпустила его руку и вытащила пистолет из-за пояса, шепча:

— Я могу тебе помочь.

Она посмотрела на тварь, которая когда-то была ее отцом. Сейчас его просто не узнать, хотя Онор и старалась. Какая жестокая ирония. Ее гордый, ненавидящий голубокровных отец не потерпел бы такой жизни.

Онория дрожащей рукой подняла пистолет. Вампир вздрогнул и уставился на нее, мотая головой с боку на бок, будто боролся с основным инстинктом, присущим его натуре — голодом.

Вампир попытался что-то сказать. Его губы растянулись на ужасных, острых как иглы зубах, заляпанных кровью.

«Пожалуйста».

Он схватил ее за руку и приставил пистолет к своему лбу.

— Нам с Леной и Чарли так тебя не хватает, — прорыдала Онория.

Стиснув зубы, чувствуя, как слезы жгут глаза, она наклонилась и прижалась губами к его щеке.

— Я люблю тебя, — прошептала она, затем отодвинулась и нажала на курок.

Прогремел выстрел. Брызнула кровь, заляпав лицо Лео, и дергающееся безголовое тело рухнуло в воду.

Онория опустила руку, так дрожа, что едва держала оружие. В тусклом свете она видела блеск белой как у личинки плоти, но вскоре тело медленно погрузилось под воду. Он опять умер.

«Не думай, не надо. Отец...»

По щекам полились слезы.

— Онор, он обрел покой, — сказал Лео.

— Не благодаря тебе! — огрызнулась она и повернулась к брату спиной.

Блейд прислонился к стене туннеля, пытаясь сесть и зажимая рану в боку. Он был весь в пятнах зловеще черной крови ее отца и своей собственной — густой и голубой.

Подобравшись к господину, Онория встала на колени. Она почти ничего не видела от слез, но сумел утереть их грязным рукавом. «Не время расклеиваться, ты нужна Блейду».

— Дай гляну.

— Рана затянется, — ответил тот и вдруг помрачнел. — Ты чертова идиотка. Какого хрена ты делала?

— Спасала тебя, — ответила она, отпрянув от горячности его тона.

— Я ж те сказал...

— Мне плевать! Плевать, сколько раз ты прикажешь мне бежать. Я тебя не оставлю! — закричала Онория.

— Нет, оставишь, — прошипел Блейд и, морщась, попытался сесть. — Черт ты дери, Онор, видеть, что ты... в опасности... хуже смерти.

— Он бы ничего мне не сделал.

— Откуда знаш?

— Он был моим отцом.

Блейд помрачнел.

— А Чарли твой брат. А я? Твой любовник. Думаешь, ни один из нас не может тя убить? Думаешь, мы временами не видим в те лишь ходячий мешок с кровью и не хотим кинуться на тебя? — К ее удивлению, он скривился от боли. — Я готов умереть тыщу раз, тока чтоб ты была в безопасности. Даж от меня самого.

— А я никогда не уйду прочь, — прошептала Онория, касаясь ладонью его щеки. В горле вдруг встал ком. — Может, я неправа, может, идиотка, но не могу изменить свои чувства.

Блейд издал какой-то странный звук, прижал ее руку к своим холодным губам и поцеловал ладонь.

Внезапно послышался свист гидравлики. Оба уставились на эскадрон металлогвардейцев, вдруг подошедших всем зловецим строем. Онория сжала руку Блейда и склонилась над ним.

— Какого черта?.. — выпалил Лео, когда первый металлогвардеец наставил руку-ружье прямо на него. Наследник герцога Кейна застыл. На его бледном лице резко выделялись ожоги от крови вампира.

Онория затаила дыхание, когда еще один металлогвардеец прицелился в них. Наклонившись вперед, она попыталась прикрыть собой Блейда, хотя заряд огнемета легко покончит с ними обоими.

Блейд поймал ее руку:

— Не надо.

Из теней вышел оператор металлогвардейцев.

— По-моему, я знаю, кто ты. Ты та девка с листовок, за которую дают десять тысяч фунтов. — В его бледных глазах блестела жадность. — Никому не двигаться, а ты, — приказал он Онории, — поди сюда.

— Стерн, — раздался ледяной голос из теней, и оттуда вышел истекающий кровью Джаспер Линч. — Ты что творишь? Почему не напал на вампира?

— Я сделал, как приказано, мастер Гильдии, — жестоко ухмыльнулся Стерн.

Онория едва могла соображать после всех треволнений, но эти слова заставили ее задуматься.

— Никто из нас не должен был выжить, так? Вампира бы убили вместе с Лео и Блейдом. Одним махом три врага принца-консорта уничтожены, а он потом будет плакать крокодильими слезами по падшим «героям».

Мерзкая догадка, но она слишком хорошо знала обычаи Эшелона.

Лео вдохнул, его черты заострились от ярости.

— Не надо. — Онория подняла руку, останавливая его. — Это не поможет.

Блейд сжал ее ладонь.

— Ты об чом? — спросил он тихо и с отчаянием, пытаясь поймать ее взгляд.

Новая волна слез обожгла щеки. Онория погладила его по лицу, задержавшись на губах.

— Умоляю, присмотри за Леной и Чарли.

Наклонившись, она поцеловала его в губы, но господин поймал ее за руки, заставил взглянуть себе в глаза и покачал головой:

— Нет. Нет!

— Ему нужна только я, — ответила она.

Блейд посмотрел на многочисленный металлический эскадрон:

— Мы все равно покойники.

— Тогда используйте воду, — прошептала Онория и сунула ему пистолет.

Его глаза потемнели. Блейд собирался сражаться. Онория не оставила ему выбора и пошла навстречу Стерну.

— Я приду за тобой, — рявкнул Блейд вслед.

— Вода, — прошептала Онор одними губами, обернувшись и посмотрев в глаза господину, а потом Лео.

— Никуда ты не придешь, — отрезал Стерн, схватил ее и потащил за металлогвардейцев.

Послышался щелчок, а потом рев огнеметов. Свет ослепил Онор, обдавая глазные яблоки жаром. Слезы на щеках тут же высохли, а волосы хлестали по лицу, как пылающая корона.

— Нет!

Когда она снова смогла видеть, туннель был покрыт резкими мазками черной сажи. Троица бесследно пропала. Сердце Онории загрохотало, и она хотела пойти туда, но Стерн схватил ее за запястье.

— Не создавай мне проблем. И пошевеливайся, — прошипел он, прижав нож к ее спине.

Онория бросила последний взгляд через плечо на громадных металлогвардейцев, марширующих следом. Может, ей показалось, но вроде по воде пробежала рябь.

«Пожалуйста, пусть так и будет».

К горлу подкатил комок, но Онория подавила рыдание. Нужно мыслить здраво и сохранять спокойствие.

Ибо теперь ей предстояло столкнуться с тем, от кого она скрывалась все эти месяцы. Викерсом.

Где-то в темноте капала вода. Руки Онории горели. Кисти, крепко связанные за спиной, уже давно потеряли чувствительность. Иногда пленница пыталась пошевелить пальцами, но только вызывала очередной приступ молниеносного огня.

На голову был наброшен черный бархатный капюшон, золотистая веревка с кисточками на концах обхватывала шею ровно так, чтобы ощущалось давление на горло. Пусть Онор не видела Викерса, но знала, что герцог намеренно так поступил, ведь он ничего не упускал.

Онорию пугало лишь ожидание, а вовсе не тьма. Годами избегая преследований Викерса, она отлично натренировалась. По коже бежали мурашки, а на лбу выступил пот. Онор в панике глотала горячий воздух, а выдох отражался от капюшона прямо в лицо. Казалось, что она медленно задыхается.

«Борись, не дай ему выиграть».

Онория закрыла глаза и прерывисто втянула воздух.

Но как ей быть? Викиерс теперь все время начеку, а обычному человеку не сбежать из темниц Башни из слоновой кости.

Потекли слезы, оставляя жгучие дорожки на щеках. Единственное утешение, что Чарли и Лена в безопасности. Блейд их защитит, никто лучше него не сможет. Если конечно, он выжил.

«Не думай об этом».

Онория потеряла отца и просто не вытерпит мысли о смерти Блейда. Конечно, он выжил, ведь по воде пошли круги. Блейд сильный, умный... раненый. Она глухо застонала.

«Не думай».

Только надежда, что он жив, помогала Онории сохранить рассудок в этом аду. Если только Блейд ничего не испортит, решив за ней явиться.

Онория стиснула зубы. Нет, Блейд не придет. Пусть он однажды и сбежал из Башни, но в жизни не сможет попасть сюда снова и спасти ее. Она видела, какую стражу поставил Викиерс. Не только безмолвных металлогвардейцев, но и кучку Ночных ястребов. Блейд же не станет делать глупости, правда?

Поняв, что знает ответ на этот вопрос, Онория ужаснулась.

— Не приходи, — прошептала она, будто он мог ее услышать. — Оставь меня гнить здесь, умоляю.

— Ах, но ты не сгниешь, моя дорогая. Пока я с тобой не закончил.

При этих словах, Онория вскрикнула и выпрямилась, прислушиваясь. Викиерс здесь вместе с ней, а она даже не слышала, как открылась дверь. Сколько же он следил за ней, наслаждаясь видом ее мучений?

Герцог зашуршал гравием на полу камеры. Конечно, намеренно. Эта мысль почему-то разозлила Онорию. Черт бы его побрал. Если думает, что она подожмет хвост, как несколько лет назад, то ошибается. Тогда Онор была юной и непривычной к жизненным тяготам. Шесть месяцев в труппах закалили ее. Она сражалась с бандами тесаков и вампиров, голодом и бедностью. По сравнению с ними психологические фокусы Викерса казались ерундой.

— Ну что, красотка, язык проглотила? — весело спросил он. Онория услышала, как открылась табакерка, и мучитель угостился понюшкой.

Пленница промолчала. На этот раз она не собиралась участвовать в его играх. Пусть делает, что хочет, с ее телом, но ему никогда не достать Чарли, Лену и Блейда. Онория сильна и переживет все, что бы он с ней ни сотворил, пусть одна мысль об этом пугала ее до жути. Викерс ее не сломает, не сумеет.

Вдруг он потянул за завязки у Онор на шее. Она вздрогнула, но Викерс снял капюшон, и прохладный тюремный воздух обдал ее лицо. В помещении воняло заплесневелой соломой и мочой, но пленница и не такое испытывала в Чепеле.

Одетый с головы до ног в белое с золотом, Викерс отступил. Золотистый шнур прицепился к сапогам герцога. От его пудры для волос исходил тошнотворно сладкий запах, за пояс была заткнута рапира, нагрудная пластина блестела. Сильный голубокровный, даже красивый, если его не знать. В отличие от многих герцогов, он держал себя в форме, каждый день упражняясь в фехтовании.

Викерс улыбнулся, заметив, что привлек внимание Онор:

— Я же говорил, что найду тебя. Можешь сколько угодно убегать и прятаться, красавица моя, но я всегда тебя отыщу.

Молчание стало ее преимуществом. Онория нацепила на лицо безмятежное выражение, будто просто ждала, когда же мерзавец уйдет, и смотрела словно сквозь него.

В глубине ледяных серых глаз Викерса блеснул гнев. Онор выиграла первый раунд. По ее опыту, следующий будет кровавым, но сдаваться она не собиралась.

— Твоей погибелью всегда была гордыня. Именно она привлекла мое внимание несколько лет назад.

Герцог выхватил нож. Онория напряглась, но заставила себя расслабиться. Он ее не ранит, во всяком случае, не сегодня. Оружие лишь для того, чтобы ее напугать. Викерс предпочитал постепенно нагнетать обстановку.

— Я полагала, тебя привлекли мои относительная юность и наивность. Ты никогда не трогал того, кто мог дать сдачи.

— И теперь ты думаешь, что сможешь? — Викерс усмехнулся. — Ах, милая, ты всегда была моей любимицей. Наверняка еще не раз тебя вспомню, когда твое тело обратится в прах.

В ушах Онории загрохотал пульс.

— Ты и могилу мою посещать будешь? А может, я стану являться к тебе, как привидение?

Герцог прищурился, будто не понимая, о чем она говорит.

— Возможно, я тебя позабуду, как и всех остальных.

— Всех? — переспросила Онор. — Точно? Потому что одну ты так и не забыл.

Викерс слегка напрягся.

— А, этот пес рассказал тебе о своем жалком прошлом. Какой сказкой он тебя потчевал? Как я плакал кровавыми слезами, когда этот здоровяк разорвал милую бедняжку Эмили? — Он снова рассмеялся. — Нет, дорогая, боюсь, милашка Эмили меня не преследует. Она всего лишь эпизод моего прошлого.

— Блейд почти ничего не говорил. Я о том, как ты молча стоял на страже у ее могилы. — Увидев блеск в глазах мучителя, Онор усмехнулась. — Я пряталась внутри. О, Викерс, какое у тебя было лицо. Я чуть не зарыдала. Так хотелось обнять тебя и утешить. Но не стоит греть змею у себя на груди. Всем известно, чем это заканчивается. Ты почти обнаружил меня. Знаешь, ведь я вернулась за отцовскими дневниками, которые спрятала в

усыпальнице. Все эти месяцы они находились у тебя прямо под носом. Похоже, даже в смерти Эмили отказала тебе в исполнении заветного желания.

Викерс застыл, как статуя, забыв о ноже в руке.

— Дневники у тебя? Где они? — пробормотал он почти про себя, и в глазах зажегся огонек безумия.

— Там, где ты их никогда не найдешь.

Размытое движение, и Онор почувствовала, как щеку словно обожгло. Викерс ее ранил. Она вскрикнула, но заставила себя не дергаться. Герцог никогда прежде не опускался до прямого насилия.

Капля крови стекла с ее подбородка на плечо. Викерс проследил за ней, играя желваками.

— Кажется, ты мне еще понадобишься, милая. — Он прижал кончик клинка к другой щеке пленницы и надавил до крови. — Рано или поздно ты мне расскажешь. Хотя, конечно, лучше позже. Пожалуйста, не сдавайся слишком быстро.

— Я отдала их Блейду, — дерзко выпалила Онор. — Подарила ему лекарство и попросила сжечь дневники. Оно работает прямо сейчас. Блейд забрал то, что ты хочешь, и тебе в жизни его не достать. Ты обречен попасть в ад, Викерс, а он выживет. Ты превратишься в жуткого монстра, которого обезглавят до того, как ты устроишь в городе резню. — Она намеренно вдохнула через нос. — Как думаешь, сколько твои духи смогут скрывать эту вонь? Увядание ведь уже началось. Когда ты станешь мерзким вонючим чудовищем?

От силы удара голова Онор мотнулась в сторону. Она едва заметила звон в ушах, потому что герцог снова ее ударил. И снова. Боль в скуле стала невыносимой, а весь мир сузился до кулака Викерса и вкуса крови.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он остановился. Онория моргнула заплывшими глазами, в голове звенело. Она сплюнула кровь, чувствуя, что челюсть будто прижгли раскаленной кочергой. И все равно слышала звук его тяжелого дыхания.

Викерс жестко стиснул ее подбородок, заставив вскрикнуть.

— Ты совершила ошибку, потому что я обменял бы тебя только на лекарство. — С этими словами он отпустил пленницу и отошел, вытирая окровавленные кулаки о штаны, оставляя красные пятна на белоснежной ткани.

Несмотря на боль и медный привкус крови, Онория нашла в себе силы рассмеяться, пусть отрывисто и хрипло, и прошептала:

— Я скорее увижу тебя в аду.

Герцог на мгновение раздул ноздри, в глазах его блеснула тьма. Затем отступил и задыхал спокойно и сдержанно.

— Нет, нет, пока нет. Тебе придется подождать, пока я не принесу твое сломанное избитое тело твоему любовнику. Посмотрим, как ты будешь смеяться тогда, шлюшка. — И, повернувшись, он вышел из темницы, оставив Онорию смаковать пиррову победу.

Блейд бросился вниз по лестнице, сжимая рукоятку короткого меча. Пять часов. Пять часов назад этот ублюдок забрал Онорию. Столько времени ушло на то, чтобы добраться до логова и зашить рану в боку. Порез был глубоким и сильно пульсировал при движении, но стежки должны сдерживать кровь.

Что успел Викарс сотворить с Онорией за пять часов? Блейд думал только о времени и практически слышал мерное тиканье в голове. Два часа, пока оператор доставил пленницу в город, и еще час, чтобы сообщить Викарсу. Значит, оставалось два часа, может, меньше, чтобы герцог сделал с ней все, что хочет.

Желудок Блейда словно налился свинцом. Сколько добираться до Башни из слоновой кости? Если на улицах будут заторы, он же с ума сойдет. Не вынесет мысли об Онор в бледных руках Викарса.

Легкая черная кожаная броня господина при движении не издавала ни звука. Перекрещивающиеся пластины закрывали рабочую руку с мечом, а блестящая стальная — защищала грудь и рану на боку.

Пытаться прорваться в Башню из слоновой кости сродни самоубийству. Это ему пояснил не терявший здравомыслия Бэрронс. Когда Блейд выбрался из воды в сыром, пахнущем пеплом туннеле, его глаза затуманила резкая обжигающая ярость. Линч и Бэрронс удерживали хозяина трущоб, пока до него не дошли увещевания брата Онории.

Если он отправится за Викарсом в одиночку, то погибнет, а Онор пропадет. Единственный способ вернуть ее — бросить вызов герцогу на его территории.

Дойдя до первого этажа, Блейд учуял своих домочадцев. Что-то неладно. Он прищурился и прошел по коридору, вскоре наткнувшись на парней: Уилл, Дровосек, даже Рип был здесь, тяжело опираясь на меч, словно на костыль.

— Нет, — категорически отрезал Блейд.

Уилл дерзко задрал подбородок:

— И как ты нас остановишь? Пойдешь туда, и мы следом.

— Эт вам не жалкая взбучка. Ваша подмога ни к чему, я буду драться на дуэли.

— Значит, мы будем охранять ты с тыла, — ответил Рип.

Блейд посмотрел им в глаза, заметил там упрямство и стиснул зубы.

— А ежели нам не удастся, кто защитит моих подопечных? А как же ж Эсме и Ларк?

Рип выпрямился:

— Эт Эсме нам все и рассказала.

— Ты едва на ногах держишься, — прошипел Блейд. — И я не приведу новообращенного под нос Эшелону. Они на ты мигом ошейник натянут.

— Те и не придется, я буду держаться в стороне, — пояснил Рип.

— Ты упрямый чертов дурак...

Уилл схватил Блейда за руку:

— Мы тока время теряем.

Черт бы побрал его и всех остальных. Уилл прав.

Блейд вывернулся из хватки вервильфена:

— Я не смогу ты защитить. Ежели ты увидят, то запрут. Те снова не сбежать.

— Эт не те решать. Мы знаем о последствиях, и готовы заплатить, — сказал Уилл.

Блейд попытался в последний раз, глядя на Дровосека:

— А ты? Как же Ларк?

В ответ тот медленно поднял громадный топор, увенчанный шипом.

— Мы дали Эсме деньги. Есичо — она знает, как исчезнуть вместе с Ларк и Годдами, — сообщил Уилл.

— Вы все чертовы идиоты, — прорычал Блейд, протискиваясь мимо. — Ладно уж, айда потанцуем с Эшелонем. Будете моей свитой: Король дураков и его развеселая компания шутов. Ежели они с хохотом не попрут нас из Башни, эт будет чертово чудо.

* * *

Бэрронс ждал Блейда за воротами дома Кейна, выглядывая из позолоченного экипажа и побелев от боли. С пояса голубокровного свисала рапира, и на нем была та же тяжелая броня, что и на Блейде, выкрашенная в красный цвет с выгравированным золотым ястребом — эмблемой дома Кейна.

— Ты опоздал, — проворчал Бэрронс и посмотрел на троих здоровяков позади Блейда. — Смело, но может сработать.

— Меня особо не спрашивали, — пробурчал Блейд, и его сердце сжалось в груди. Он пытался не думать об этом, но увидев Бэрронса... — Ты че-нить узнал? Она жива?

— Жива. Викерс держит ее в темнице. — Бэрронс поджал губы. — Она в плохом состоянии, Блейд, мой информатор сообщил, что мерзавец избил ее до крови.

Господин представил, как срезает усмешку с бледного лица Викерса, а потом глубоко вздохнул и выдохнул. «Убей», — шептал его демон. «Еще нет», — ответил Блейд, подавив желание уничтожить мир, и вместо этого спросил:

— Он будет со мной биться?

Бэрронс пригласил его в свой кричаще яркий экипаж:

— Я попытаюсь его заставить. Если не станет драться с тобой, сам брошу ему вызов.

Блейд посмотрел, как Лео старается не наступать на правую ногу.

— Ты даже помочиться стоя не можешь, какая к чертям дуэль.

— А ты?

Господин нащупал на поясе кинжал:

— Долго этого ждал, у нас с ублюдком свои счеты.

— Как и у меня, — ответил Бэрронс. — Негодяй перерезал горло моему отцу.

Блейд оглядел величественный фасад дома Кейна:

— Я думал, герцог в полном здравии.

— Захворал. — И, понизив голос, Лео мрачно продолжил: — Щепотка лауданума и болиголова в его бладвейне. Знай он о моих планах, подвесил бы вверх тормашками и выпорол. У них с Викерсом соглашение, а я его нарушу.

— И надолго зелье его вырубит?

— Не так долго, как хотелось бы. Нам лучше поспешить. Пусть твои люди следуют за моими.

Блейд передал приказ подручным и запрыгнул в экипаж. Бэрронс последовал за ним явно менее проворно. Неизвестно, насколько серьезна его рана, но аристократишка не сможет сам драться на дуэли.

Блейд нашупал рукоятку кинжала. Та идеально легла в ладонь.

* * *

Башня из слоновой кости высилась почти до небес. Каждый этаж поддерживали мраморные колонны и готические арки, а подышать воздухом можно было на балюстраде. Поговаривали, что половина дел в этом мире совершалась здесь во время долгих медленных прогулок — как друзей, так и врагов.

Бэрронс, пытаясь сохранить должное изящество, вышел из экипажа и, слегка прихрамывая, пошел к двойным дверям. Блейд двинулся следом, рассматривая окрестности. Двое металлогвардейцев у парадного входа и около двадцати по периметру. Все огнеметы.

По пути Бэрронс объяснил, что металлогвардейцев в башне нет, они опасны и не могут действовать самостоятельно, лишь по четкой указке оператора. Ледяная гвардия состояла из грязнокровных из менее знатных семей Великих домов. Мальчиков, которые не имели права на кровавый ритуал, но которых инфицировали случайно.

Хотя Бэрронс шел ко входу так, словно даже не думал, что его могут не пустить, Блейд затаил дыхание. Пара дам, прогуливавшихся на площади, посмотрели на них и вытаращились, будто узнав лицо господина. Так и должно быть. О его дерзком противостоянии Эшелону давно нарисовали и издали множество карикатур, не забывая добавлять хозяину трущоб рога. Одна из женщин даже глянула на его голову, будто хотела увидеть именно их, пока спутница не утащила ее прочь, явно в предвкушении скандала.

— Ну вот. Теперь они всем растрезвонят, — прошептал Бэрронс.

Огромные готические арочные двери на мгновение накрыли их с Бэрронсом своей тенью. Повисла странная тишина. Блейд посмотрел на центральный башенный шпиль. Пара лестниц поднималась спиралью, переплетаясь. На каждом этаже оказалось полно комнат, но внутри башня была полой. А на самом верху находился едва заметный снизу атриум.

Члены Эшелона в ярких одеждах подходили к перилам, желая посмотреть, что вызвало такую суматоху. Они обмахивались веерами, и перья в головных уборах то и дело качались, когда их владельцы склонялись друг к другу и перешептывались, прикрывая руками рты.

Нервы Блейда натянулись, и в нем встрепенулась тьма. Онория где-то под этой крышей. Ему хотелось побежать и изрубить мечом всех этих павлинов, словно горячим ножом по маслу. Устроить в башне невиданное кровопролитие, дать им понять, что такое истинная жажда крови. Преподать урок, чтоб неповадно было красть его женщину...

На мгновение мир господина разделился на две части: в одной были только тени, а другой сверкал красками.

— Блейд? — Он едва почувствовал руку Бэрронса на своей и заметил настороженный взгляд голубокровного. — Ты что-то сказал?

Блейда охватил страх, но стоило моргнуть, и зрение прояснилось. Они уже одолели поллестницы, и он не помнил, как это произошло.

— Нет, эт не я, — выдавил Блейд.

— Над было на лифте поехать, — пробормотал Уилл, глядя на ногу Бэрронса.

Тот уже не хромал, но все равно шел с трудом. Считалось, что к атриуму ведет тысяча ступеней.

Бэрронс покачал головой и для пущего эффекта набросил алый плащ на руку:

— Слишком быстро. Я хочу, чтобы они успели собраться. Сегодня заседание совета. Мне надо, чтобы они находились в атриуме. Для вас это тоже важно.

— Ага, ток ты уверен, что доберешься до верха? — спросил Блейд.

— С болью нельзя бороться, нужно ее принять, чтобы победить, — ответил Бэрронс, словно машинально цитируя заученную фразу.

— Кто эт сказал?

— Герцог Кейн. — Бэрронс не сводил глаз с лестницы и любопытных голубокровных, вышедших из каждой чертовой комнаты в башне. — Он вбил в меня эти слова с детства, чтобы я никогда их не забыл.

— А че он сотворит, када узнает, что ты его так подвел?

Бэрронс опустил голову:

— Не знаю.

Маска молодого заносчивого голубокровного спала, и теперь в темных глазах Лео светился усталый цинизм.

— Те нужен союзник, и я тя прикрою. — Несколько неожиданно, но Блейд всегда платил по счетам. Бэрронс рисковал ради него и Онории. — Ты ж знаешь, что ей это не понравится?

— Кому? Онории?

— Она вроде определилась, кем тя считать, а теперь запутается.

— Злобным сводным братом? — спросил Бэрронс.

— Которому, оказывается, не все равно.

В ответ повисло молчание.

— Не говори ей этого, — наконец прошептал Лео, поднимая глаза. — Вот мы и на месте. Это герцог Гете, и он захочет узнать, по какому праву мы сюда пришли. Говорить буду я.

Впечатляющий голубокровный загораживал им дорогу, поэтому пришлось остановиться за три ступеньки до него. Бэрронс слегка поклонился:

— Мандерли.

— Бэрронс, — ответил герцог, переводя взгляд ледяных голубых глаз с него на Блейда.

В прошлый раз они встречались, когда Гете был молодым членом Ледяной гвардии. Ему едва исполнилось шестнадцать, даже еще не прошел ритуал. Юнец с мечом загораживал единственный выход из башни. В ярости Блейд чуть его не обезглавил, о чем напоминал жуткий шрам на подбородке Гете с левой стороны.

Герцог, одетый в аккуратный бархатный камзол с кружевным воротником и кожаные штаны, хорошо сохранился. Его назначение главой дома было неожиданным, такого не достигал ни один грязнокровный. Судя по черному одеянию, его супруга недавно умерла.

— Вот мы и встретились снова, — сказал Гете, повернувшись к Блейду и язвительно улыбаясь. — Сцена та же... только крови, как мне помнится, поменьше.

— Дайте нам минутку, и я это исправлю, — ответил Блейд так же подчеркнуто вежливо.

«Убей его».

«Еще нет».

Герцог окинул его задумчивым взглядом:

— У вас с собой оружие для дуэли.

— Он пришел сюда за Викерсом, — ответил Бэрронс.

— Здесь присутствуют принц-консорт... и королева, — заметил Гете. Он явно едва не позабыл о правительнице.

— К ним у него нет претензий. — Бэрронс успокаивающе поднял руку. — Даю слово: никто, кроме герцога Ланнистера, не пострадает.

— У вас есть законное основание?

— Викиерс похитил трэль Блейда и держит ее здесь в темницах.

Мандерли явно заинтересовался.

— Закон на вашей стороне, если эти заявления не ложь. — Он ушел с дороги. — Можете проходить. Пусть совет решает. — Улыбка его стала шире. — Но ваших людей я не пущу. — Герцог взглянул на Уилла. — Не эту мерзость.

Уилл оцетинился, будто хотел схватить Мандерли и перебросить его через перила. Какая соблазнительная мысль. Блейд посмотрел в янтарные глаза вервувльфена и покачал головой.

— Ваше слово, што им не причинят вреда и не схватят, — потребовал господин.

— Вашим людям ничего не грозит, если они не станут никого провоцировать, — ответил герцог.

— И волку. — Блейд не собирался попадаться в ловушку словесных игр: все голубокровные считали вервувльфенов животными.

Минутное колебание.

— И волку, — повторил Мандерли.

Разобравшись с одной помехой, Блейд прошел мимо герцога, не сводя с него взгляда.

— Он не ударит тебя в спину, — тихонько сказал Бэрронс. — Пока не увидит, что случится с Викиерсом.

— Давай надеяться, что их любопытство сильнее ихней ненависти.

— Я на это и рассчитываю.

Они поднялись и прошли мимо одетых в шелк людей, столпившихся на лестничной площадке. Женщины шептались за веерами, и многие оценивающе смотрели на Блейда. Он не обратил никакого внимания ни на дам, ни на мужчин. Того, кого он искал, среди них не было. Только Викиерс имел значение.

Блейд машинально перехватил меч. За годы практики рукоятка стала гладкой и отполированной, но на коже не было пота. Блейд воспринимал все будто со стороны, его сознание словно отделилось. Он что-то произносил, а в голове звучало лишь тиканье часов.

С полдюжины охранников стояли на входе в атриум, опустив пики в боевой готовности. Множество молодых лордов и леди ожидали надвигающейся схватки со злой радостью на лицах.

С натянутыми как струны нервами Блейд последовал за Бэрронсом к атриуму. Что, если он проиграет? Что, если они не позволят ему вернуть ее?

Тьма притаилась на периферии зрения. Если Блейду откажут, он окрасит здешние стены их кровью.

— Спокойно, — прошептал Бэрронс, внезапно сжав его руку. — Не теряй головы. Только не здесь и не сейчас.

Зрение быстро прояснилось, но Блейд почувствовал в глубине души голод. Нельзя выпускать его на свободу, надо сосредоточиться на Викиерсе. На том, кто за всю жизнь участвовал более чем в сотне дуэлей. Его противник не щенок, а настоящий мастер боев на мечах.

Атриум был идеально круглым с колоннами по периметру. На помосте под витражным окном стояла небольшая группа, переговариваясь вполголоса. Блейд насчитал шестерых: в центре находился почти двухметровый принц-консорт с покрасневшими глазами. Одетый в золотой плащ, закрепленный жемчужной застежкой, монарх не пудрил свои кудрявые каштановые волосы. Рядом с ним стояла смертная женщина в полуночно-синем шелковом платье с золотой диадемой на голове. Королева была симпатичной, но по-человечески обычной. До Блейда доходили слухи, что она подчинялась принцу-консорту, но ее взгляд казался ясным и решительным. Когда она отвернулась, приклеив на лицо улыбку, господин понял, что окружающие голубокровные даже не подозревают об опасности в их среде. Правительница носила ничего не выражающую маску, словно карточный шулер. Блейд сразу увидел схожесть.

— Мориоч, Мэллорин, Блайт... и Казавиан, — прошептал Бэрронс, посмотрев на леди Арамину, и прищурился. — Главы четырех Великих домов.

— Викерса тут нету, — заметил Блейд.

— Он подождет и войдет с помпой. Он знает, зачем ты здесь.

— Возможно, вы хотели бы пояснить эту цель и остальным, — сказал пожилой мужчина с помоста. Он вышел вперед и тут же привлек внимание всех присутствующих. Все замолчали. Похоже, говоривший и есть настоящий хозяин карнавала.

— Герцог Мориоч, который никак не умрет к неудовольствию своего наследника, — шепотом пояснил Бэрронс.

Послышался шелест юбок. Толпа вошла в атриум и выстроилась у стен, стараясь найти место получше, чтобы посмотреть на грядущее зрелище.

Бэрронс открыл рот, чтобы заговорить, но Мориоч перебил:

— Ты осмелился привести к нам грязнокровного?

— Если вспомнить, кто его инфицировал, возможно, он не грязнокровный, а настоящий голубокровный, — язвительно ответил Бэрронс, словно разрезав атмосферу клинком. — Разве Викерса не простили? Если преступления не было, то как же обращение Блейда может быть противозаконным?

Толпа взволновалась. Присутствующие все шептались и шептались, и у Блейда возникло неприятное предчувствие. Ему просто хотелось драться, вернуть Онорию. Где, черт побери, Викерс?

На него с любопытством смотрела пара светло-карих глаз. Блейд застыл, а потом медленно поклонился королеве. Они оба чужие в мире, который может убить их одним махом. Такая смелость вызывала уважение.

— Если он не грязнокровный, то он никто, — возразил Мориоч. — И мужчина неблагородных кровей не имеет права бросать вызов герцогу.

— Я и не знал, что вы теперь работаете глашатаем Викерса, ваша светлость, — отозвался Бэрронс.

В толпе раздались смешки.

— Скажите, где наш добрый герцог? Неужели не может говорить за себя? Или предпочитает прятаться за спинами друзей? — продолжал наследник Кейна, разведя руки и оглядываясь.

Блейд повернулся вокруг себя, рассматривая толпу.

— Если, конечно, он не... боится, — предположил Лео.

Послышалось звяканье цепей, а потом в толпе раздался холодный голос Викерса:

— Ничего я не боюсь, мелкий задира, просто готовил нашему гостю подарочек.

Онория выступила вперед, будто ее толкнули, и с криком повалилась на холодный мраморный пол. Ее запястья и лодыжки были заключены в красивейшие золотые цепи, а черный шелковый шейный платок закрывал глаза. Толстый золотой ободок обвивал горло; изящная цепочка от него, змеясь по полу, вела прямо к руке Векерса.

Он надел на нее долбаный ошейник.

Блейд ринулся вперед, но Бэрронс его перехватил:

— Пока нет. Так мы ее не получим.

— Убери от меня руки! Убери! — прорычал Блейд, и мир вокруг посерел.

Звуки усилились, вонь духов ударила в нос. А под всем этим Блейд почувствовал легкий запах горелой плоти. Словно магнитом его взгляд притянуло к руке Онории, и господин увидел клеймо Векерса. Три ревуших льва дома Ланнистера.

Глаза Блейда заволокла красная пелена.

Его держали, кричали «Нет!», но он видел лишь презрительную усмешку Векерса, который прошел на ринг мимо жадных до крови зрителей.

Кто-то рядом сердито вопил.

«Да, убей!» — прошептал голод Блейду.

Кто-то яростно закричал. Несмотря на боль, Онория заставила себя сесть и сорвала повязку с глаз.

Свет, заливающий просторный зал, едва ее не ослепил. Галдящая толпа казалась всего лишь дрожащим цветным пятном на заднем фоне. Онор увидела только Блейда с абсолютно черными глазами, тянущегося к Викаерсу.

Лео удерживал господина, обхватив сзади поперек груди и нашептывая что-то на ухо. Наконец Онория узрела то же, что и остальные: Дьявола Уйатчепела в безграничной ярости, зверя, доведенного до крайности, сосредоточившегося только на жертве.

И поняла, что не боится. Ведь там стоял и мужчина, которого она любила. Полный доброты и ласки. Улыбающийся, по кусочку отдававший ей свое сердце, ничего не требуя взамен. Мужчина, который боялся прикоснуться к ней, чтобы не выпустить на свободу внутреннее чудовище.

— Блейд, — позвала Онор, потянувшись к нему. — Блейд, посмотри на меня.

Он сбросил с себя Бэрронса с той же легкостью, с какой человек стряхивает пыль с плеч. Время словно замедлилось, и Онор увидела, как его рука нырнула за мечом, услышала скрежет металлогвардейцев, потянувшихся за собственным оружием, и поняла, что господина уничтожат раньше, чем он доберется до Викаерса. Как, без сомнения, и планировал герцог.

— Блейд! — закричала Онория в отчаянии. Господин едва замедлился. — Этого он и добивается!

Металлогвардейцы пронеслись мимо пленницы, нацелив свои автоматически заряжающиеся пистолеты на Блейда, и рассыпались, захватывая его в кольцо. Он резко замер на месте. Его ноздри раздувались, выдавая внутреннюю битву, о которой Онор могла только догадываться. Затем его взгляд — все еще черный как сажа — встретился с ее.

— Онория. — Слово прозвучало отчетливо. Но недовольная складка, залегшая меж бровями Блейда, — другое дело. В ней был намек на замешательство, словно его темная сторона не совсем понимала, чего Онория от него хочет.

— Не дай ему победить, — прошептала она. У нее вдруг перехватило горло. — Я люблю тебя.

Дрожь прошла по его телу. Пальцы сомкнулись на рукоятке меча. Блейд, похоже, наконец заметил возвышавшийся вокруг него металлический легион и оглядел комнату с расчетливым блеском в глазах.

Онория едва услышала приближающийся скрип каблуков по мрамору. Все ее внимание было сосредоточено на Блейде, на том, чтобы удержать его в здравом рассудке. Ей казалось, будто, стоит ей хотя бы моргнуть, и его шаткое самообладание разрушится.

Мучитель грубо вцепился в волосы Онории, и она рефлекторно схватилась за его руку в попытке облегчить жгучую боль. Цепи загремели, и пленница замерла одновременно с Блейдом. Он стоял, словно статуя Отмщения, не сводя глаз с руки Викаерса. Мускул на лице господина слегка подрагивал.

— Кто позволил этому монстру, этому животному, предстать перед принцем-консортом? — выплюнул Викаерс.

Блейд впери́л свой взгляд в герцога, словно сбрасывая с себя заклятие. Черный цвет

исчез из его глаз, уступив место неумолимой решимости.

— Я не животное, — произнес он, четко выговаривая каждое слово.

На Онор нахлынуло облегчение.

— Неужели? — Слова Викерса звенели злобной насмешкой. Он развернул Онорию и обратился к толпе: — Разве тот, кто растерзал собственную сестру, может после этого называть себя человеком? — Толпа ахнула, но Викерс продолжил: — Или жить в грязных трущобах со всяким сбродом и вервульфенами и не быть запятнанным? — Викерс втянул носом воздух. — Ты смердишь мерзостью, ты, зверь. Как ты посмел войти в эту башню?

— По крайней мере, я не воняю разложением, — нанес ответный удар Блейд. Он шагнул вперед, и металлогвардейцы тут же отреагировали, угрожающе придвинувшись к нарушителю спокойствия.

Разочарование промелькнуло на его лице, и он в молчаливом призыве взглянул на группу на возвышении. Принц-консорт восседал на огромном троноподобном кресле, закинув левую лодыжку на правое колено. Королева стояла возле него, положив на его плечо руку, которую принц лениво поглаживал. Александра смотрела на развернувшуюся перед ней драматическую сцену с отстраненным рассеянным выражением.

— Выходи и дерись со мной, — прорычал Блейд. — Или ты недостаточно мужчина?

Викерс отпустил Онор и вытер руку о бедро, словно запачкавшись.

— Герцог не дерется на дуэли с псом. У тебя нет основания...

— Онория моя, — прервал его Блейд.

— Я был покровителем ее отца, — пояснил герцог подчеркнуто терпеливо, словно ребенку. — Мои притязания превосходят твои. И я буду делать с ней все, что захочу. — Он дернул за цепь на шее пленницы.

— Так вопрос заключается в том, — раздался тихий, но твердый голос, — может ли человек без титула драться на дуэли с герцогом?

Сотни голов повернулись в сторону помоста. Королева выступила вперед.

Принц-консорт смотрел на нее сквозь полуприкрытые веки, но о чем думал, было неясно. Она могла действовать в соответствии с его желаниями или же по своей прихоти. Онория не могла точно сказать, что ближе.

— Ваше высочество, — произнес Викерс, ставшим вдруг приторным голосом. — Это не забота двора. Позвольте мне проследить, чтобы эту тварь убрали.

Королева пронзила его взглядом:

— Я не закончила, ваша светлость.

В зале воцарилась тишина. На этот раз принц-консорт выглядел не совсем довольным.

— Александра, — проворчал он.

Королева посмотрела на мужа через плечо. В этот момент она выглядела невероятно юной, возможно, немногим старше Онории. И такой хрупкой и человечной.

Александра на мгновение заколебалась, но затем в ее глазах вспыхнула дерзкая искра, и королева спустилась с помоста. Металлогвардейцы расступились перед ней, а принц-консорт подался вперед. На его лице промелькнул гнев.

С высоты своего роста Блейд уставился на правительницу.

— Вашесство.

— Я о тебе слышала, — решительно произнесла королева. — Говорят, ты чудовище. Убийца. — Она протянула руку к ближайшему стражнику. — Меч, пожалуйста.

Онория подалась вперед, но Викерс резко ее одернул.

Королева с трудом подняла тяжелый меч:

— На колени.

Блейд посмотрел на Онорию, и та медленно покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Нет.

Она не могла потерять его. Только не так. Но как грязнокровному противостоять королеве? Они его на кусочки разорвут.

Блейд всегда обладал своего рода благородством. Пока толпа голубокровных зачарованно наблюдала за происходящим, он опустился на колени перед простой смертной.

— Дьявол Уйатчепела, — торжественно произнесла королева. — Как мне передали, ты также спаситель королевства, в одиночку справившийся с вампиром. Мой народ и я никогда не сможем отблагодарить тебя в достаточной мере.

Заявление было встречено шокированными вздохами. Принц-консорт вскочил на ноги, его ноздри раздувались от ярости.

— Где вы наслушались подобного вздора?

— Это не вздор, — возразил Лео и склонил голову, когда взгляд принца-консорта упал на него. — Я был там. Он лично убил тварь. — Лео не осмелился посмотреть на сестру.

— Каково твое настоящее имя? — спросила Блейда королева, опуская меч на его плечо.

Блейд поднял на нее изумленный взгляд:

— Моя королева?

— Твое имя? — мягко повторила она.

Ему пришлось задуматься. От внезапного проблеска надежды Онория едва могла дышать. Она видела, как стоявшего возле нее Викерса трясет от ярости, как костяшки его пальцев побелели на звеньях цепи.

Блейд откашлялся:

— Я урожденный Хенри Ратингер.

— За твои заслуги перед королевством, я нарекаю тебя сэром Генри Ратингером. — Александра прикоснулась кончиком меча поочередно к каждому его плечу. — Встань, мой рыцарь. И поприветствуй своих пэров.

Зал погрузился в хаос. Викерс побледнел от бешенства, принц-консорт уставился на жену с просто убийственной яростью.

Онория встретила взглядом с Блейдом. Он казался ошеломленным и так и стоял на коленях, не шевелясь, пока зал бушевал вокруг. Онор поняла, что глупо улыбается, а потом и Блейд усмехнулся в ответ. Все вокруг словно исчезло. Остался только любимый мужчина, и теперь у них есть шанс. Шанс!

Блейд перестал смеяться. Он прижал пальцы к своей груди, затем к губам и наконец протянул руку в сторону Онории ладонью вверх.

Это мгновение дало ему силу. Решимость отразилась на лице господина, и он поднялся на ноги, утихомиривая толпу. Королева отступила, волоча одолженный меч по мраморным плитам. Она встретила взглядом со своим мужем, и в ее глазах сиял вызов.

— Ты, — обратился Блейд к Викерсу, глядя только на него. — Я вызываю тебя на дуэль.

Викерс посмотрел на него, затем мерзко ухмыльнулся:

— Я принимаю вызов.

— Викирс щадит левый бок, но не переусердствуй, твой противник успешно пользовался этой уловкой в прошлом.

Бэрронс помог Блейду взять дуэльный меч. Дьявол Уайтчепела сделал легкий поворот, и пластины ручной брони удлинились, закрывая всю конечность. Меч на самом деле стал продолжением тела. Единственный способ лишиться такого оружия — отрубить руку.

Блейд попробовал взмахнуть. Меч оказался тяжелее, чем тот, к которому он привык, но идеально сбалансированным.

— Какое еще оружие хочешь? Щит? Булаву? — спросил Бэрронс.

Викирс поднял щит, и противники посмотрели друг на друга.

— Нет, — ответил Блейд, — только это.

И раскрыл ладонь, показывая кинжал, чувствуя его, как старого друга.

— Необычно, но публике понравится, — осматриваясь, прошептал Бэрронс.

— Мне плевать.

— Ага, но, сэр Генри, ты теперь один из нас, — улыбнулся Бэрронс.

Блейд фыркнул. Он не такой, как они, и никогда им не будет.

Пол убрали, так что показался медный круг, вбитый во мрамор. На нем и состоится дуэль. Тот, кто выйдет за пределы, тут же проиграет.

Надо сосредоточиться. Викирса убить непросто, а тьма внутри Блейда вскипела, угрожая снова затопить его. Нельзя этого позволить. Когда Блейд очнулся от черно-белого кошмара, то понял, что готов был прорваться через Эшелон, не думая ни о безопасности Онории, ни о своей. Лишь смерть Викирса имела значение.

Блейд опустил взгляд и стиснул пальцы в кулак в защитной оболочке рукоятки меча. Если он снова потеряет самообладание, Викирс победит. Тогда Онории лучше умереть.

Она стояла у помоста, а связывающие ее цепи находились в руках леди Арамины. Простая белая туника кровавой рабыни демонстрировала больше плоти, чем допускали приличия, но Онория не шевелилась, не обращая внимания на испытующие взгляды присутствующих мужчин. От нее исходила аура недосыгаемости, как будто она забыла о мире вокруг и видела только Блейда.

Поймав его взгляд, Онор слабо улыбнулась, но не обманула Блейда ни на секунду. Она боялась за него.

— Готов, или хочешь еще несколько минут попялиться на свою шлюху? Запомнить ее на все годы, которые проведешь в аду? — поддразнил Викирс.

В глазах Онории мелькнул гнев, и Блейд улыбнулся. Вот такой он и хотел ее запомнить.

Повернувшись, господин смерил герцога Ланнистера ледяным взглядом:

— Ты готов?

— Много лет ждал этой минуты. Ты пес, которого следовало усыпить, еще когда ты убил сестру. Я собираюсь исправить эту ошибку.

Блейд ступил в круг. Присутствующие замолчали и вытянули шеи, чтобы разглядеть все получше. Блейд знал, что Викирс пытается сделать: заставить соперника потерять голову. Ничто не могло унять боль от смерти Эмили и груза вины, которую брат чувствовал при мысли о ней, но Викирс тоже не безгрешен. Да, именно Блейд нанес смертельный удар, но он был лишь пешкой герцога Ланнистера.

«Спасибо, Онория».

— Нет ничо скучнее, чем тот, кто вечно повторяется. Начнем, как тока подготовитесь, ваша светлость. — Блейд указал на круг. — Неохота заставлять вас ждать после все этих лет.

— А знаешь, я очень терпелив, — ответил Викерс, снял роскошный отороченный мехом плащ и бросил одному из своих приятелей.

Пару мгновений он стоял в броне из сусального золота, делая вид, будто пробует остроту меча. На герцога упал проникший через стеклянные панели потолка солнечный луч. Некоторые дамы в толпе ахнули.

Зная, что производит впечатление высокого неуязвимого бога из легенд в блестящей броне, Викерс вошел в круг.

И Блейд напал.

Викерс с легкостью парировал удар, несмотря на то, что его каблук был опасно близок к краю площадки. Но Блейд не хотел выкидывать герцога из круга и выиграть благодаря несоблюдению правил. Он желал смерти мерзавца, поэтому отступил.

Викерс хмуро улыбнулся, будто осознав намерения противника, и насмешливо шагнул вперед.

— Давай, делай, что хочешь. Покажи нам уличные трюки.

Блейд краем глаза заметил побелевшую и напряженную Онорию.

«Моя», — прошептала тьма.

«Она моя, черт побери», — проворчал Блейд про себя, борясь с внутренним демоном. Тому хотелось крови Викерса. Хоть раз обе половины души Блейда оказались заодно.

Заставив себя сдерживать голод и даже забыть об Онории, он бросился навстречу мечу Викерса. Тот отражал каждый удар с минимальными усилиями и улыбкой на губах.

— У тебя есть мощь, — комментировал герцог Ланнистер, поднимая щит, чтобы прикрыться. — Но мало ловкости и грации. Возможно, стоило выбрать палаш. Кажется, он больше подходит к твоей простецкой манере рубить с плеча.

— Слишком много болтаете, — проворчал Блейд, ударяя по гарде Викерса.

Рана в боку запульсировала, и господин промахнулся: меч отскочил от щита противника, не причинив вреда.

Как только Викерс, пританцовывая, отступил, на мгновение потеряв бдительность, Блейд ударил его в лицо.

Герцог упал, разбив голову о холодные белые плиты. В толпе раздались вскрики, присутствующие радостно наклонились к кругу, жаждая крови. Блейд прыгнул вперед и резко опустил меч. Противник разглядел маневр и откатился. От удара клинка о мрамор посыпались искры, а меч оставил глубокую трещину в плите.

— Постарайтесь не оставить следы на атриуме, сэра Генри. Итальянский мрамор очень дорогой, — посетовал Мориоч.

Блейд обошел Викерса, чуть согнув колени.

Тот встал и утер окровавленный нос. Глаза герцога потемнели от ярости.

— Дерешься, как уличная дворняга.

Пытается оскорбить?

— Ага.

— О чем только думала королева? — спросил Викерс, изящно и легко парировав следующие два удара.

— Мож, ей захотелось посмотреть, как я вырежу те новую улыбку. — Блейд взмахнул

клинком. — Не думаю, что она от тя в восторге.

Викерс прищурился и на мгновение уставился на оружие.

— Я устал от этих игр. Думал, дам тебе умереть благородно, но к чему такие сложности? У тебя нет чести, и она не появится от того, что тебя победит джентльмен. Давай покажу, для чего предназначен меч.

Викерс быстро замахнулся на Блейда рапирой, но тот, хоть и с трудом, успел заблокировать удар. Затем герцог резко двинул запястьем и кончиком клинка чиркнул по кожаным пластинам брони противника, показывая, как легко способен прорваться через защиту. Блейд отодвинулся. Клинки скрестились. Викерс элегантно высвободил свой и, ринувшись вперед, нанес удар. Щеку Блейда обожгло. Ноздри наполнились медным ароматом крови, а герцог имел наглость повернуться к сопернику спиной и поклониться толпе. Блейд вытер щеку тыльной стороной ладони.

Бэрронс поймал его взгляд и быстро помахал руками, будто пытаясь подсказать, что делать. Кто-то похлопал Викерсу — разумеется, герцог Мориоч с улыбкой на тонких губах. С помоста за происходящим наблюдала королева, которую крепко держал за руку супруг.

Онория смотрела на любимого, закусив губу. Так ему Викерса не победить, герцог двигался невероятно быстро, чудовищно быстро. А его ловкость с рапирой превосходила умение Блейда.

— Это называется «botta-in-tempo»^[9], простой прием, но весьма эффективный, — пояснял Викерс, опустив клинок ниже, будто провоцируя Блейда напасть.

Что ж, ладно. Блейд поднял меч. Если он не может выиграть битву по правилам Викерса, значит, воспользуется собственными. Господин нанес упреждающий удар.

Викерс встретил ожидаемое нападение с презрением.

— Жалко, правда...

Блейд развернулся низко, под кончиками мечей, и пяткой ударил по его левой ноге. Тонкий кинжал проник под край нагрудной пластины герцога. Блейд почувствовал, как плоть поддалась, а потом Викерс с изумленным рычанием рухнул, пытаясь прикрыться щитом. Блейд прыгнул вперед, ударил подошвой по пластине и смял броню, выбивая из соперника воздух.

Герцог ударился головой о мрамор и в ужасе округлил глаза, когда прическа съехала куда-то вбок.

Какого черта? Блейд упустил возможность ударить сильнее, и Викерс откатился. Его волосы сползали на лицо, будто скальп. Это же чертов парик!

Блейд поддел фальшивые локоны кончиком меча и вышвырнул прочь из круга. Все в комнате разом охнули, а Блейд застыл, пока Викерс пожирал его убийственным взглядом. Череп Ланнистера был белым и голым, уцелела всего пара кучерявых прядей. Внезапно от герцога повеяло гнилью.

— Сукин ты сын! — тихо выругался Блейд. Немудрено, что Викерс быстрее него: господин сражался не с обычным голубокровным, а с противником в состоянии Увядания.

По залу зазвенели изумленные крики, когда все увидели изменения во внешности герцога Ланнистера. Он использовал тонны пудры и румян, чтобы скрыть свой альбинизм. Без сомнения, под тяжелой нагрудной пластиной и накладными плечами его тело уже начало высыхать до жилистого вампирского состояния.

— Вампир, — сплюнул Блейд.

И тут до него дошло. Теперь, независимо от исхода битвы, Викерс умрет, от руки Блейда

или топора палача. И герцог это понял.

На его лице промелькнули ярость и отчаяние, пока он смотрел на перепуганную толпу. Зрители отпрянули и бросились к выходу. Вся прочая знать и так называемые друзья герцога теперь отвернули носы от увядающего собрата.

Викерс медленно перевел взгляд на Блейда.

— С тобой покончено, сегодня ты умрешь, — сообщил тот, сам не веря своей удаче.

— Черт тебя побери! — сплюнул герцог и бросился на противника.

Теперь вампир не играл, а всерьез решил убить. Блейд в последний миг смог отвести ужасный удар, которым герцог его едва не обезглавил. Господин, пошатываясь, отступал, едва удерживая рапиру.

Врезав ногой по щиту Викерса, он каким-то образом лишил его равновесия. Затем полоснул клинком по лицу герцога, почти повторив тот успешный удар вампира. Кровь брызнула на какую-то даму, и та закричала:

— Жжется! Жжется!

Блейд пригнулся во время следующего выпада, увидел возможность атаковать и бросился вперед под клинком, ударив Викерса плечом в грудь. Оба рухнули, но герцог извернулся так, что Блейд перекатился через его руку в щите.

Чертова рана в боку. Кинжал был в другой руке, и Блейд попытался достать лицо Викерса мечом, но оружие оказалось слишком громоздким, а герцог склонил голову на бок, так что клинок впустую прошелся по плитам.

Дуэлянты перекатились и припали к земле. Викерс отбросил щит, сбив с ног четырех юнцов тяжелой сталью.

Потом стер кровь со щеки и ощутил гладкую белую кожу. Изумительно, но рана уже затянулась.

— Кажется, у моего состояние есть и преимущества, — заметил Викерс с убийственной улыбкой. — Я умру, но, клянусь богом, заберу тебя с собой.

Ряд металлогвардейцев выстроился между дерущимися и толпой на помосте. Принц-консорт никуда не ушел, разглядывая происходящее с холодным интересом. Он собирался увидеть конец дуэли. Только тогда правитель убьет Викерса. И, возможно, избавится разом от обоих врагов.

На этот раз герцог был готов к нападению и, когда Блейд взмахнул мечом, парировал удар кинжалом, каким-то образом появившимся в его руке. Клинок с чавкающим звуком вонзился меж ребер господина, открыв рану от когтей вампира. Блейд пошатнулся и заляпал пол темными, почти фиолетовыми каплями крови.

Викерс не позволил противнику отдышаться, располосовав ему рапирой лицо от брови до подбородка. Кровь залила левый глаз Блейда, и он инстинктивно увернулся, еле избежав еще одной атаки. Его кинжал с пронзительным звоном отскочил от смятой нагрудной пластины Викерса.

Блейд едва успел моргнуть, как увидел несущуюся к лицу подошву сапога. На мгновение мир пропал, а затем господин оказался на полу, с гудящей от удара о плитку головой. Посмотрев в сторону, он заметил Уилла, в ярости пытавшегося пробиться через группу упирающихся голубокровных.

Побелевшая от ужаса Онория пробиралась сквозь строй металлогвардейцев, но ей мешала цепь на горле. Еще один рывок, и, хотя герцогиня Казавиан была вдвое сильнее пленницы, та сумела освободиться. Онория метнула цепь, поймав ею поднятое оружие

герцога.

Он почти презрительно дернул, и Онория с криком упала на пол перед мерзавцем.

Викерс выпрямился, намотав цепь на кулак. С его губ сорвался радостный смех, а глаза стали демонически черными.

— Теперь вы оба у меня в руках. — Герцог поднял меч и посмотрел прямо на Блейда. — На этот раз ты увидишь, как она умрет.

— Нет! — закричал Блейд.

«Нет», — вторила тьма.

В борьбе он едва себя контролировал, но тут понял: невозможно выиграть у более сильного и быстрого противника. Поэтому Блейд выпустил свою тьму, позволив ей затопить каждую клеточку тела.

Зал исчез, как и все цвета, а Дьявол Уайтчепела бросился на Викерса.

Время будто замедлилось. Оставив Онорию в покое, Викерс замахнулся рапирой на Блейда, но тот увернулся, ощущая пролетевший мимо горла порыв холодного ветра. Край его собственной рапиры вошел в смятую грудную броню, словно в мокрый хлеб. Удар оказался такой силы, что герцог отступил.

Повернув запястье в рукояти, Блейд почувствовал, как расстегнулась броня на руке, и освободился от громоздкой ноши. После чего сбил Викерса на пол, не обращая внимания на хлынувший по телу горячий поток, когда кинжал противника снова вонзился меж ребер.

Где-то вдалеке кто-то кричал «Моя!», снова и снова. Блейд замахнулся и врезал кулаком по лицу герцога. Кровь вампира опалила кожу, как кислота, но эта мысль была далекой, и боль почти не воспринималась сознанием.

Тьма хотела только убивать, защитить то, что принадлежит господину. Кровь полилась по полу, темнее его собственной, но не совсем вязко-черная, как у вампира. Затем в месиве, в которое превратилось лицо Викерса, блеснула кость.

— Блейд! — Кто-то схватил Дьявола за запястье, и он с рыком развернулся, замахнувшись.

Онория застыла, сложив перед собой скованные руки в умоляющем жесте.

— Ты должен вернуться, — шептала она. — Оставь его.

— Я никуда не уходил, — холодно ответил Блейд.

Тело на полу перед ним представляло собой кусок искореженной плоти с перебитыми костями, а лица вообще не было. Господин почувствовал жжение на руках и озадаченно оглядел себя: весь в крови — черная вперемешку с серой.

Онория стиснула его ладонь. Бедняжка вся дрожала, и Блейд крепче сжал ее пальцы.

— Умоляю, они же не позволят тебе жить.

Он посмотрел на встревоженную публику. Хоть на ринге было опасно, никто не сбежал. Жажда крови победила страх, а металлогвардейцы, оцепившие круг, дарили зрителям иллюзию неуязвимости.

Блейд оскалился. Можно снести металлогвардейцев до того, как они успеют отреагировать. Просто надо...

Онория сжала его руку:

— Нет.

Он погладил ее по лицу, оставив пятно крови на щеке.

— Ты моя. Они пытались тебе навредить. — Тут внимание Блейда привлекло звяканье цепи, и в горле поднялся рык.

— Нет, — увещевала Онор, стиснув его руку и прижимая к своей щеке. — Викерс пытался мне навредить, но он мертв. И ты должен очнуться, иначе они убьют и тебя.

— Я могу прикончить их всех.

Неужели она не видит, как это просто? Они всего лишь распустившие хвосты павлины.

Онория замешкалась:

— Умоляю, ради меня.

Блейд неловко двинулся. Ему хотелось убивать, он только вошел во вкус.

— Омою эти стены кровью...

Онор сжала его лицо в ладонях, привлекая внимание к себе:

— Ради меня.

Ему не хотелось, но она настаивала.

— Ты истекаешь кровью, мне нужно позаботиться о твоих ранах, пока...

— Мне не больно.

— А мне больно их видеть.

— Только ради тебя, — согласился Блейд и, закрыв глаза, разыскал глубоко внутри жгучее пламя. Присутствие Онории помогло ему успокоить колотящееся сердце и темный голод. — Потому что я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала она.

При этих словах тьма исчезла из его разума, и Блейд открыл глаза, тут же скривившись от яркости цветов. Тело ныло, словно в нем сделали дюжину дырок. Он посмотрел на голубоватую кровь на своей одежде и полу.

— Хренов ад! — пробурчал Блейд, и его колени подогнулись.

— Слава тебе господи! — прорыдала Онория, подхватив его под руки.

Теплая и скользкая кровь покрывала руки Онории. Блейд пошатнулся и оперся на нее, моргая от усталости — а ведь опасность еще не миновала.

Толпа приблизилась, будто привлеченная видом ослабевшего хозяина трущоб. Лео вошел в круг и молча поднырнул под другое плечо Блейда. Онор еще не совсем простила брата, возможно, никогда до конца не простит, однако поблагодарила его взглядом.

Принц-консорт встал, и публика притихла.

— Вот поэтому мы не разрешаем нелегально обращенным жить на свободе, — сказал монарх с тихой уверенностью, отчего присутствующие подались вперед, дабы не упустить ни слова. Ледяные голубые глаза принца поймали взгляд Онории, и уголки его рта чуть дернулись. — Опасное отсутствие контроля и родословной может привести к катастрофе.

— Такой же катастрофе, как, например, вампир у вас под носом? — не сдержалась Онория, но примолкла, когда Лео схватил ее за руку и предупреждающе сжал.

Мориоч изучал свои ногти.

— Герцог Викерс мертв, что бы он сделал или не сделал — вопрос спорный. После недавнего жуткого зрелища вопрос заключается в том, позволим ли мы грязнокровному на грани помешательства от жажды крови жить.

Лео тихо выругался.

Онория беспомощно оглядела зал. Многие в толпе явно предвкушали казнь.

— Лео, что это значит?

— Он собирается поставить вопрос на голосование Совета, — прошептал Бэрронс. — Я могу завлечь на нашу сторону одного-двух, Онор, но остальные либо в кармане у принца-консорта, либо ведут свои игры.

В ее груди все сжалось от тревоги.

— Нет.

— Помалкивай, ради Блейда. — Лео уступил свое место Уиллу, который силой прорвался через толпу. Наследник герцога Кейна вышел вперед. — Если б он помешался, то не сумел бы побороть жажду крови. Однако его взгляд осознан, что противоречит вашему утверждению.

— По какому праву ты осмеливаешься говорить? — презрительно ухмыльнулся Мориоч. — Это дело Совета.

— Так и есть. Однако мой отец нездоров. В его отсутствие мне по закону позволено голосовать за него.

Губы принца-консорта дернулись, будто в улыбке. Сердце Онории затрепетало в груди. Королева молча стояла позади супруга, слегка склонив голову. Сегодня она уже осмелилась на многое. Больше помощи ждать нечего.

Мориоч долго сверлил взглядом Лео.

— Да будет так. — И повернулся, обращаясь к остальному совету: — Жить грязнокровному или умереть? — Мориоч поднял кулак, а потом медленно опустил большой палец. По галерее пошли шепотки.

Лео задрал подбородок и решительно выставил кулак с большим пальцем вверх.

Онория задержала дыхание. Блейд дернулся, едва фокусируя взгляд на окружающих. Она испуганно посмотрела на Уилла поверх головы господина, а потом прижала ладонь к

одной из худших его ран, чтобы сдерживать слабый поток крови.

— Кто представляет дом Ланнистера? — спросил Мориоч.

Вперед вышел Аларик Колчестер, пожирая Блейда ненавидящим взглядом:

— Я, наследник покойного герцога, голосую: пусть дворняга сдохнет.

Молодой герцог Мэллорин Оври Кэвилл пожал плечами и печально улыбнулся. Медные волосы блестели в солнечном свете. Щеголь встал и повернулся к толпе:

— Сравняю шансы из спортивного интереса. — И весело и озорно улыбнулся Онории.

Все взгляды обратились к пожилому герцогу Блайту, стоявшему на дальнем углу дуэльного ринга. Он пристально посмотрел на принца-консорта и медленно опустил большой палец вниз.

«О боже». Три против двух, а осталось только два члена совета. Онория повернула голову к помосту. Герцог Гете и герцогиня Казавиан походили на мраморные статуи. Выражение их лиц было осторожным и нейтральным. Если один из них проголосует за смерть Блейда, получится большинство.

Бэрронс тихо выругался.

— Они мне не друзья, — прошептал Блейд, все больше опираясь на Онорию. Непонятно, как он вообще держался на ногах.

— Я тебя вытащу, — тихо и решительно пообещал Уилл.

— Нет, лучше уведи ее. Встанешь между нами, и они и на тебя накинутся. — Блейд переглянулся с Уиллом, и тот медленно опустил глаза, но Онория заметила горящее в них негодование.

Блейд повернулся к ней.

Увидев молчаливый приказ в его взгляде, Онор отрезала:

— Нет!

— А как же Чарли и Лена? — напомнил Блейд.

Она содрогнулась под его весом.

Но не успела возразить, как герцог Гете вышел вперед и пробормотал:

— Любопытное зрелище.

На его лице застыла неуверенность, необычная для такого стойка. Поговаривали, что Гете все еще горевал по любимой жене. Он спустился по лестнице и обошел всю троицу, сцепив руки за спиной.

— До сего дня я в жизни не видел, чтобы голубокровный пришел в себя, вынырнув из глубин жажды крови. — Он смягчился и посмотрел в глаза Онории. — Ты напоминаешь мне Софию. — В его бледных глазах мелькнуло горе, и герцог окинул Блейда долгим взглядом. — Между нами все еще остается долг крови, но сегодня я о нем забуду ради твоей юной подруги. — Повернувшись на каблуках, Гете вернулся на помост. — Пусть живет. Будет интересно на это посмотреть.

Онория с Блейдом изумленно переглянулись.

— Три к трем, — прошептала она, испуганно изучая герцогиню Казавиан, которая оказалась в центре внимания и грациозно расправила фиолетовые юбки. Красивая шаль из черного кружева свисала с изящного плеча.

Онория затаила дыхание. «Прошу... О, боже, пощади...»

Герцогиня смотрела на них изумительными глазами цвета бренди. Наконец она взглянула на Лео, будто бросая вызов, и Онория вспомнила о ненависти герцогини к дому Кейна. Надежда померкла. Неужели леди Казавиан проголосует против них лишь потому,

что Лео проголосовал за?

Герцогиня подняла идеальной формы кулачок. Вся толпа подалась вперед, желая узнать итог. Стук сердца Онории отдавался в ушах. Медленный стук, который, казалось, остановил время вокруг них. «Умоляю».

Герцогиня медленно подняла палец вверх и объявила:

— Пусть живет.

Принц-консорт мрачно и изумленно зыркнул на строптивицу. Прохладное выражение лица леди Казавиан не изменилось. Ее кошачий взгляд опустился на троицу внизу, будто оценивая и взвешивая, а затем перешел на Лео.

У Онории чуть ноги не подогнулись.

Королева объявила:

— Пусть будет известно, что Дьяволу Уайтчепела даровано помилование. — И после недолгой паузы: — С некоторыми условиями.

Первое, что Блейд почувствовал, — теплые солнечные лучи, золотящие кожу. Воздух благоухал розовым мылом, накрахмаленными простынями и чистым ароматом солнца. Блейд открыл глаза и поморщился. От яркого света зрачки болезненно сузились.

Из угла доносилось тихое мурлыканье. Господин моргнул, глядя на красные бархатные портьеры, окружающие кровать, и повернул голову на бок. Его подушки и постель. Его комната. И Онория, бормочущая себе под нос, складывая что-то в шкаф.

Боже милостивый. Голову пронзила остаточная боль. Последнее, что запомнилось Блейду, — атриум, а потом стремительно приближающийся пол, пока королева объявляла вердикт.

Блейд пошевелился, но Онор этого не заметила. На ней красовалось новое туго зашнурованное платье из набивного ситца бледно-лилового цвета; пышные юбки в пол усеивали маленькие серебристые ирисы, а аккуратный шиньон удерживала красивая серебряная заколка. Онория начала округляться, больше не напоминая ту костлявую оголодавшую девушку, с которой Блейд познакомился. Она была прекрасна.

Он долго печально смотрел на любимую. Грудь сжало словно тисками. Такая красавица, но придется ее отпустить.

«Нет, она принадлежит нам», — прошептала внутренняя тьма.

«Не нам, а мне». При этой мысли Блейд стиснул кулаки и закрыл глаза, чувствуя жгучую сухость. Слез не было. Он не мог плакать, потому что недуг украл у него и эту частичку человечности. Не смог оплакать Эмили и не сумеет излить свою скорбь по Онории. Но сокрушительное горе никуда не делось.

Онория медленно подняла голову и так и застыла с рубашкой в руках. Затем, будто почувствовав на себе взгляд Блейда, оглянулась через плечо. Серьезная, сосредоточенная. Ему так нравилось это ее выражение лица. Она выронила одежду и прошептала:

— Блейд.

И улыбнулась так, что он едва не передумал.

Онор в три шага оказалась рядом, укрыла Блейда ворохом теплых юбок, сжала его голову в ладонях и поцеловала. Он не смог себя сдержать: притянул ее к себе и поцеловал в ответ. Их языки столкнулись, и господин почувствовал вкус корицы на губах любимой.

— О, Блейд, ты очнулся, — выдохнула она.

Он прижал ее к своему плечу, чтобы не смотреть в лицо, и крепко обнял. Онор спаслась от Викерса и чудовища, а теперь придется спасти ее от самого себя.

— Ага, — хрипло выдавил Блейд и кашлянул.

Онория вскочила с постели, взяла графин бладеина и налила бокал. Каким-то чудом господин нашел в себе силы сесть. Запах крови вызвал голод, и темные тени заволокли зрение. Он схватил бокал, и, заставляя себя двигаться не так резко, поднес напиток к губам. Пальцы дрожали, на лбу выступил холодный пот. Не глядя на любимую, Блейд сделал большой глоток.

Кровать слегка прогнулась под Онор, устроившейся на краешке. Слишком близко. Блейд, раздувая ноздри, вдохнул пьянящий аромат теплой кожи. Силы возвращались очень быстро, по мере того, как бладеин наполнял сжимающийся от голода желудок. Опустошив бокал, господин снова уставился на графин, ведь содержимое едва ли утолило его жажду.

— Еще?

Онория послушно налила еще два бокала, пока Блейд не насытился.

— Целых полторы пинты, — заметила она, глядя на него серьезными черными глазами.

Блейд не мог сдержаться и коснулся ее гладкой щеки:

— Ага, милашка.

Онор взяла его за руку, сжимая в ладонях. Ее жар опьянял. Блейд купался в нем, желая уложить ее и потереться о красавицу обнаженным телом, забирая себе еще.

— Помнишь, что случилось? — спросила она.

Блейд приподнялся. Простыни собрались на талии, и он понял, что одежды на нем нет. Прикосновение шелковой ткани к возбужденному члену походило на сладкую пытку. Господин согнул ногу в колене, пытаясь скрыть эрекцию.

— Совет голосованием решал, позволить ли чудовищу жить.

В глазах Онории промелькнуло смущение.

— Ты не чудовище.

— Онор. — Блейд прижал ее руки к своим губам и поцеловал костяшки. — Ты знаешь, что я такое, — с болью прошептал он. — Я потерял самообладание, когда увидел Викерса с тобой. И снова добровольно вышел из себя, когда испугался, что он тебя укукошит.

— Но ты же сумел с собой совладать.

Он гладил мягкие женские волосы, запоминая ощущение.

— С тобой я неуправляем. — Первый признак приближающегося Увядания. Отчаяние тяжело давало на грудь. — Да, я очухался. В этот раз.

Блейд видел, что Онория начинает понимать. Она устроилась у него на коленях, всем своим видом выражая несогласие.

— Не смей! Не смей так со мной поступать! Я боролась за тебя, черт побери! А теперь борись за меня.

— Я и борюсь. — За ее жизнь. Раздираемый противоречивыми чувствами, он снова поцеловал Онор. Та ответила крепко и требовательно, оседлав любимого.

Тяжелые юбки задрались. Блейд провел рукой по ее бедру, обхватил округлую попку и застонал, притягивая Онор к себе. Горячее желание пылало в его паху. Чего бы только он не отдал, лишь бы еще раз...

Онория жадно целовала его и сжимала руками юбки, простыни. Блейд покачал головой, отрываясь, чтобы вздохнуть.

— Нет. — Он перехватил запястье любимой и застыл, почувствовав, как нежная кожа ее складочек мимолетно прижалась к его члену. — Онория.

Еще поцелуй. Блейд не мог ей противиться. Застонав, он легко толкнулся, ощущая ее влагу и манящий вход в лоно.

— Черт побери!

Он перекатился вместе с ней и прижал ее к кровати. Юбки раскинулись по красным шелковым простыням, а Онория обхватила его бедра ногами, поймав в ловушку. Придавлив ее запястья, Блейд попытался не обращать внимания на соблазнительную позу.

Всего раз.

«Нет».

Он прижался лицом к ее шее.

— Мы не можем. Я опасен для тебя и своих людей.

— Ты никогда не обидишь того, кого поклялся защищать.

Господин посмотрел в полные страсти глаза Онории. Она была такой решительной, так защищала всех, кого считала своими близкими. И станет бороться, пусть даже смысла в этом больше нет.

— Уровень вируса у мя в крови держался на семидесяти восьми процентах последние месяца три, — прорычал Блейд. — Скажи, что это значит? Скока мне осталось... ты, со всеми цифрами и фактами. — Он заметил, как Онория поджала губы, и слегка ее тряхнул. — Черт тя дери, Онор, ты знашь, чо это такое. Не закрывай глаза.

— У тебя не семьдесят восемь, — упрямо начала она, — а....

— Я неделю назад делал замеры! — заорал он, отпихивая ее от себя.

Затем, не обращая внимания на жжение в глазах, отвернулся, обмотал простыню вокруг талии и, пошатываясь, встал с постели. Комната, казалось, накренилась. Блейд едва видел, пока шел, натыкаясь на мебель и даже тапочки. Добравшись до письменного стола, он вытащил из ящика маленький дневник и бросил его Онории.

— Я не мастак читать и писать, но в цифрах смыслю. Записывал их каждую неделю. — В голосе уже не было злости. Блейд опустил в кресло и уронил голову на руки. — Они годами все подымались и подымались. Я предупредил Эсме, мол, при восьмидесяти сдамся Уиллу.

Сначала повисло молчание, а потом послышался шелест страниц.

— Странно.

— Чо странного? — проворчал Блейд. — Таков недуг. Тело может сопротивляться, оттягивать момент, но потом начинается обратный процесс. — Он провел рукой по шевелюре. — Я вижу, как волосы и кожа светлеют. Чувствую, как тело холодеет. Я не дурак и понимаю, чо происходит.

Онория подняла голову, но вместо обиды и отчаяния ее лицо выражало решительность. Она встала с постели, и юбки опустились, скрывая ноги.

— Я вчера проверяла твой уровень вируса и получила число семьдесят шесть.

Блейд замер:

— Быть не может.

Они оба посмотрели на маленький медный спектрометр.

— Я уверена, что уровень был семьдесят шесть процентов, — сказала Онория, бросаясь к аппарату. — Я удивилась, насколько он... высок. Ты никогда об этом не упоминал.

Вежливый укор.

— Мне было об чом подумать, — ответил Блейд, идя следом.

Онория протянула ему руку, а второй взяла иголочку. Блейд замешкался.

— Я не причину тебе боли, — заметила Онор, неправильно истолковав его нерешительность. — Я очень искусна, ведь много лет практиковалась в Клинике.

Он глубоко вздохнул:

— Дело не в том. Уровень никада не опускался. Эт немислимо. — Но все же медленно вложил свою руку в ее. — Мож, ты ошиблась?

Онория погладила пальцы любимого и приложила один из них к медной тарелке.

— Значит, мы узнаем вместе.

Острая иголочка словно жало пронзила плоть. Блейд дернулся. Онор наклонила его кисть и держала ее над маленьким стеклянным пузырьком, массируя кожу, чтобы пошла кровь.

Одна, две капли. Третья для верности. Кровь лениво расползлась по дну бутылочки.

Онория добавила три капли гидрата окиси натрия, а потом опустила емкость в спектрометр. Нажав на кнопку, она покрутила диски набора, чтобы найти правильную частоту. В зависимости от уровня кислой реакции, маленькие медные шестеренки встанут на места, согласно данным по текущему уровню вируса.

На мгновение они затаили дыхание, а Блейд еще и отвел взгляд.

— Все будет хорошо, — прошептала Онория. — Все равно у меня остались отцовские записи. Он был на грани открытия. За несколько дней до смерти ни о чем другом и не говорил. У нас есть еще немного времени.

Послышался резкий щелчок. Онор наклонилась, и половица закрипела под ее весом.

— Ну чо? — Слова застревали у Блейда в горле.

— Смотри, — прошептала она.

Маленький диск остановился на отметке «76».

— Я ж правильно замерял, — пробормотал господин, чувствуя, как ноги подкашиваются. Онория обняла его, пока он изумленно смотрел на прибор. — Было ж семьдесят восемь, точно говорю.

Онор отстранилась и повела его к креслу.

— Ты бы не делал одну и ту же ошибку месяцами. — Ее лицо озарила широкая улыбка. — У тебя тут колонки с цифрами и датами. В последний раз показания в семьдесят шесть процентов записаны тридцать первого марта.

— Наверное, механизм сдвинулся...

Онория устроилась у любимого на коленях и обхватила ладонями его лицо:

— Мы купим новый, но с виду и этот прекрасно работает. Не знаю, как... — Она ошеломленно покачала головой. — Ничего не изменилось в питании? Или, может, в количестве сна и привычках?

Он хрипло усмехнулся:

— Многое изменилось, милашка. — Его руки дрожали. Впервые Блейд позволил себе надеяться. Казалось, он уже свыкся с мыслью о грядущем, но затем в его жизнь вошла Онория. Впервые за годы ему хотелось жить. — Но ничо необычного. В трупобах вечно нелады. Не высыпаюсь и пью больше холодной крови, но так бывало и раньше. Никада прежде уровень не падал.

Она поцеловала его.

— Ах ты болван! Собирался меня отослать, да?

Блейда словно обухом по голове ударило. Если уровень падает, можно избежать печальной участи. Влияние жажды уменьшится, хотя и никогда не исчезнет полностью.

Блейд подхватил Онорию на руки и понес к постели.

— Точно нет, — твердо ответил он. — Ты заявила в мою жизнь и перевернула все верх дном, и я тя не отпущу.

Он бросил ее на простыни и рухнул следом. Онория, смеясь, попыталась оттолкнуть его руки:

— Погоди, погоди, дай подумать.

Изумленный ее внезапным отпором, который настолько не вязался с недавним соблазнением, Блейд отодвинулся и, встав на колени, навис над Онорией:

— О чем?

Ее черные глаза горели уже знакомым энтузиазмом.

— Вот оно. Я — единственная перемена в твоей жизни.

— Я не понимаю, как это связано с уровнем вируса, — неуверенно признался господин.

— Я — единственное изменение в твоём питании. — Онория села. — Разве ты не понимаешь? Должно быть, редукция произошла из-за чего-то в моей крови. Единственное, что приходит на ум, — вакцина. Когда отец разработал рабочую версию, то предложил ее слугам и добровольцам в Клинике. Кто-то согласился, кто-то отказался. Трое подопытных показали уменьшение уровня, а остальные — нет. Возможно, эти трое кормились от добровольцев, которым вкололи вакцину.

В ее глазах светилось радостное волнение. Она еще никогда не была так прекрасна, как в эту минуту.

— Отец, видимо, догадался. В последнюю неделю он все говорил об общем факторе. Почти не спал и не ел...

Онория не удержалась, вскочила с кровати и стала отчаянно жестикулировать.

— Вакцина не действовала на голубокровных, мы пытались. Однако если голубокровный будет пить кровь привитого донора... — Она огляделась, проводя рукой по волосам. — Записная книжка. У тебя есть записная книжка?

Блейд опустил голову на кровать и слабо улыбнулся:

— Я тока что вернулся с того света, а ты хошь чертову книжку?

Онор моргнула большими карими глазами и медленно вернулась к реальности из какой-то параллельной научной вселенной, куда завела себя размышлениями.

— Ты не понимаешь, мне нужно это записать.

— У мя есть время. — Лениво разглядывая любимую, Блейд закинул руки за голову. — У Чарли тож. Довольно и того, что уровень падает. Но нам с тобой надо поболтать. Я чувствую ся таким одиноким и заброшенным.

Онория посмотрела на его живот и на выпуклость под простыней. Блестящий ученый уступил место роскошной соблазнительнице. Она забралась на кровать, подняла юбки и оседлала бедра господина.

— Бедный голодный голубокровный. Или мне теперь звать тебя сэръ Генри?

— Тока если разрешишь звать тя леди Ратингер, — промурлыкал он, прижимая ее руку к губам.

Онория затаила дыхание, и в ее глазах промелькнула робость.

— Ты просишь меня выйти за тебя?

Блейд поцеловал ее ладонь, лаская языком чувствительную кожу. Онор слегка вздрогнула, приоткрыла губы, и ее взгляд помутнел от желания.

— Ага. Кто б мог подумать, что мя окольцуют на всю жизнь? Но тока так я могу справляться с твоими порывами. Никаких больше вампиров, алчных герцогов и залов, полных голубокровных. За последние недели я умер тысячу раз. Мое бедное сердце такого не выдержит.

— Значит, и тебе не следует так рисковать, — с улыбкой ответила она, наклонившись и потершись своим носом о его. — Потому что я сражаюсь лишь за любимых.

Блейд обхватил ее лицо ладонями и страстно поцеловал. Он почти боялся ее отпустить, думая, что эти слова лишь галлюцинация, как и те, что Онор произнесла в Башне из слоновой кости.

«Моя», — прошептал мрачный голос в голове. Его темная половина. Наконец-то до Блейда дошло, что это часть его самого, та самая, которой управляли страсти и голод, и

которую он когда-то боялся и старался сдержать.

«Я тьма», — с изумлением подумал он и потянул шнуровку Онории. Она рассмеялась. Платье расстегнулось, и показался накрахмаленный белый корсет.

Но бояться Блейда стоило только врагам, ей он никогда не навредит.

«Наша, — поправился господин, наконец признав неизбежное. — Наша навеки».

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Эшелон — сообщество, образованное высшими аристократическими домами Британской Империи. Состоит в основном из голубокровных и в меньшей степени из смертных дворян. Эшелоном управляет Совет герцогов и принц-консорт. Это сообщество также отличается строгими правилами.

Трэль — это та, кто заключает контракт с голубокровным. В обмен на кровь трэли обеспечивают защиту и присмотр. Каждая дебютантка мечтает заключить такой контракт. Некоторые голобокровные вправе иметь больше одной трэли. Трэль — признак высокого статуса хозяина, особенно если владелец может позволить себе содержать больше одной.

Пораженные вирусом жажды, голубокровные обладают огромной скоростью, силой и быстро исцеляются от большинства ран. Все их чувства обострены, но обращенные одержимы жаждой крови. Большинство голубокровных Эшелона получают свои способности в ходе ритуала, однако иногда происходят непредвиденные обращения, и таких голубокровных считают «нелегальными» или "грязнокровными".

Ритуал — обряд инфицирования, в ходе которого смертный юноша по достижению пятнадцатилетия обращается в голубокровного. Каждый дом обязан подать прошение Совету герцогов, и каждого потенциального кандидата тщательно проверяют на качества характера. Женщинам запрещено проходить ритуал из-за существующей опасности, что темная натура вируса жажды возобладает над их нежными чувствами.

Увядание — жуткое последствие вируса жажды, когда кожа голубокровного полностью теряет естественный цвет, и обращенный становится чем-то иным... чем-то гораздо худшим. Обычно это происходит, когда уровень вируса в крови достигает 70–80 %.

Кровавая дань — последние пятьдесят лет с каждого смертного взимается плата в размере двух пинт крови в год.

Осушители — бесчестные люди, наживающиеся на несчастье бедняков, у которых скупают кровь, чтобы перепродать на слив-заводы. Вроде бы не такие жуткие личности, как «тесаки», но ходят слухи, будто в Ист-Энде они довели до смерти несколько человек, вынужденных продать всю кровь, чтобы прокормить семьи.

Кьяроскуро — (ит. *chiaroscuro* — светотень) распределение света и тени в живописи. Этот термин возник в Италии в 16 в. в качестве названия одного из видов гравюры на дереве, который в оттиске напоминает рисунок кистью, выполненный в колористической гамме из близких цветовых оттенков. Кьяроскуро как особую манеру светотеневой моделировки применяли в своих работах Леонардо да Винчи, Корреджо и венецианские мастера. Голландские живописцы, особенно Рембрандт, использовали кьяроскуро для передачи атмосферных эффектов, создания иллюзии пространства и трехмерного объема.

Botta-in-tempo — своевременное нападение, когда противник парирует, занят или делает ложный выпад.